

**СКАНДАЛ:
СОЦИОФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF PHILOSOPHY
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
SOCIOLOGICAL RESEARCH CENTER

A.V. Dmitriev, A.A. Sychev

SCANDAL:

SOCIO-PHILOSOPHICAL ESSAYS

MONOGRAPH



Moscow • 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАНУ «ЦЕНТР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

А.В. Дмитриев, А.А. Сычев

СКАНДАЛ

СОЦИОФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ

МОНОГРАФИЯ



Москва • 2014

УДК 316.6(035.3)
ББК 66.55
Д53

Дмитриев А.В., А.А. Сычев
Д53 **Скандал. Социофилософские очерки : [монография] / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. — М.: ЦСП и М, 2014. — 323 с.**

ISBN 978-5-906001-06-1.

Рассмотрены общетеоретические основания скандала: законы его построения, структурные элементы, этапы разворачивания, а также показаны особенности скандалов в политике, науке, искусстве, философии и т.д. Особое внимание уделено эволюции скандала в европейской культуре. Приводится множество примеров и исторических фактов.

Для научных работников и специалистов в различных областях современного социогуманитарного знания.

A.V. Dmitriev, A.A. Sychev

Scandal: socio-philosophical essays. — М., 2014. — 323 p.

The book gives a general theoretical analysis of scandal including principles of its development, structural elements and stages. Specific features of scandals in politics, science, art, philosophy, etc. are shown. Special emphasis is placed on the evolution of scandal in European culture. A lot of examples and historical facts are given

For social scientists and experts in various fields of contemporary humanities.

УДК 316.6(035.3)
ББК 66.55

Картина на обложке: Художник – *Пиганов Я.И.*
Crimine ab uno disce omnes (По одному преступлению узнай их всех), 1990 г.
(Картина находится в собственности Шереги Ф.Э.)

© Дмитриев А.В., Сычев А.А., 2014
© Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014
ISBN 978-5-906001-06-1 © Институт философии РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
-----------------------	----

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ СКАНДАЛА

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ СКАНДАЛА	18
1. Происхождение термина	18
2. Разночтения	21
3. Смежные понятия	28
4. Классификация.	40
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СКАНДАЛА	48
1. Функции	48
2. Участники	51
3. Этапы разворачивания	57
4. Коммуникационные особенности	60
ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СКАНДАЛА	70
1. Ситуационный анализ	70
2. Между фактом и ценностью.	75
3. Между культурой и жизнью	80
4. Истина, добро и красота	86

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СКАНДАЛА

ГЛАВА 4. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СКАНДАЛА	96
1. Трикстер как инициатор скандала	96
2. Между хаосом и порядком	100
3. Космология скандала	105
4. Обман и наказание	108

ГЛАВА 5. СКАНДАЛ НА ФОНЕ КАРНАВАЛА.	118
1. Скандал в контексте смеховой культуры	118
2. Перед карнавалом	119
3. Скандал и карнавал	127
4. После карнавала	134
ГЛАВА 6. СКАНДАЛ НА ГРАНИЦАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ	141
1. Скандал как дискредитация	141
2. Скандал на границах культуры	145
3. Охота на ведьм	152
ГЛАВА 7. СКАНДАЛ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ	162
1. История преступления	162
2. Разбирательство	165
3. Общественное мнение	169
4. Печатная культура	174
5. Мифология вины	178
ГЛАВА 8. МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СКАНДАЛА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	185
1. Понятие моральной паники.	185
2. Оформление концепции	190
3. Управление кризисом	196
4. Конструирование девиации	200
РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СКАНДАЛА	
ГЛАВА 9. СКАНДАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ	206
1. Общие замечания.	206
2. Скандал как построение текста	212
3. Скандал как общение	221
4. Предварительные итоги	231

ГЛАВА 10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА	233
1. Причины	233
2. Последствия	238
3. Скандальность дискуссии	241
4. Скандал как инструмент борьбы	249
ГЛАВА 11. НАУЧНАЯ СФЕРА: ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ СКАНДАЛА	257
1. Противоречия как основа скандальных действий	257
2. Скандал против лженауки	265
3. Идеологический скандал	277
4. Наука и власть	279
5. Плагиат	282
ГЛАВА 12. ФИЛОСОФИЯ И СКАНДАЛ.	291
1. Возвращение к истокам	291
2. Философия как мышление	297
3. «Скандал в философии»	303
4. «Дело Хайдеггера»	309
ПОСЛЕСЛОВИЕ	321

CONTENTS

FOREWORD	11
--------------------	----

SECTION I. THEORY OF SCANDAL

CHAPTER 1. THE CONCEPT OF SCANDAL	18
1. Origin of the term	18
2. Discrepancies	21
3. Related concepts	28
4. Classification	40
CHAPTER 2. THE KEY FEATURES OF SCANDAL	48
1. Functions	48
2. Participants	51
3. Stages of deployment	57
4. Communicational characteristics	60
CHAPTER 3. RESEARCH METHODOLOGY	70
1. Case study	70
2. Between facts and values	75
3. Between culture and life	80
4. The truth, the good and the beauty	86

SECTION II. CULTURAL AND HISTORICAL EVOLUTION OF SCANDAL

CHAPTER 4. MYTHOLOGICAL ORIGINS OF SCANDAL	96
1. Trickster as an initiator of scandal	96
2. Between chaos and order	100
3. The cosmology of scandal	105
4. Cheating and punishment	108

CHAPTER 5. SCANDAL AND CARNIVAL 118

- 1. Scandal and the culture of popular laughter 118
- 2. Before carnival 119
- 3. Scandal and Carnival 127
- 4. After carnival 134

CHAPTER 6. SCANDAL AT THE BORDERS OF MEDIEVAL CULTURE 141

- 1. Scandal as a form of discrediting 141
- 2. Scandal at the boundaries of culture 145
- 3. Witch Hunt 152

CHAPTER 7. SCANDAL IN THE EPOCH OF ENLIGHTENMENT 162

- 1. The history of a crime 162
- 2. Proceedings 165
- 3. Public opinion 169
- 4. Print culture 174
- 5. The mythology of guilt 178

CHAPTER 8. MORAL PANIC AS A MODERN FORM OF SCANDAL 185

- 1. The idea of moral panic 185
- 2. Making the concept 190
- 3. Crisis management 196
- 4. The construction of deviance 200

SECTION III. THE SPHERES OF SCANDAL

CHAPTER 9. CULTURAL SPHERE 206

- 1. General remarks 206
- 2. Scandal as a form of narration 212
- 3. Scandal as a form of communication 221
- 4. Preliminary results 231

CHAPTER 10. POLITICAL SPHERE	233
1. Reasons	233
2. Consequences	238
3. Scandalous debates	241
4. Scandal as a tool of struggle	249
CHAPTER 11. SCIENTIFIC SPHERE	257
1. Contradictions as the basis of scandalous actions	257
2. Scandal vs pseudoscience	265
3. Ideological Scandal	277
4. Science and power	279
5. Plagiarism	282
CHAPTER 12. PHILOSOPHY AND SCANDAL	291
1. Back to basics	291
2. Philosophy as thinking	297
3. «Scandal in Philosophy»	303
4. «Heidegger’s Affair»	309
Afterword	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обращение авторов предлагаемой читателю работы к феномену скандала объясняется несколькими причинами. Первая выражается в желании продолжить линию, начатую в более ранних публикациях, посвященных родственной теме. Тогда мы пытались объяснить (хотя и в наиболее общих чертах) историческую динамику развития, взаимодействия и самоорганизации такой многозначной социальной формы, как смех¹. Скандал представляется не менее яркой и противоречивой формой участия человека в жизни общества. Его изучение помогает увидеть общественные процессы с неожиданных ракурсов и увидеть новые грани, казалось бы, хорошо известных явлений.

Мы полагаем, что сущность скандала так же, как и смеха, наилучшим образом проявляется на фоне анализа общества, где каждая сфера и каждая эпоха имеют свою символику, свои особенности и свои определяющие ценности. Да и само понятие скандала также с течением времени меняет свое значение, переливаясь из одного смыслового русла в другое.

Воздействие скандалов на социум является довольно противоречивым. Как у монеты имеются аверс и реверс, так в любом скандале при желании можно обнаружить две стороны: с одной стороны, разрушение, с другой — очищение. В обыденной жизни люди обращают внимание на первую сторону, которая обычно сопровождается обидами, утратами, горечью, то есть различными психологическими расстройствами и репутационными потерями. Вторая же сторона, которая заключена в поисках путей ослабления разрушительных потерь, извлечения уроков с целью их использования для себя, своей группы, а иногда и всего общества, чаще всего остается в тени. В предлагаемой книге мы попытались показать не только негативные, но и позитивные стороны и последствия скандалов в культуре.

Исходя из общей оценки научной литературы в области скандала, становится очевидным, что она представлена главным образом теорией культуры и литературоведения. При разборе уже проведенных исследовательских работ

¹ *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Смех: социофилософский анализ. М.: Альфа-М. 2005.

оказалось, что социология, политология, конфликтология находятся на обочине исследовательского тренда, поскольку в существующих подходах не проработана сколько-нибудь системная связь между теорией скандала и концепциями функционирования общества, особенно социального управления и социальной коммуникации.

Между тем власть и коммуникация обладают большими возможностями как ограничения, так и навязывания скандалов. Они по сути дела воздействуют на восприятие скандалов всем населением. Чрезвычайно перспективен в таких случаях политологический подход, однако более эффективным все же представляется социологический анализ, который позволяет рассмотреть скандал как продукт именно социальной системы; в этом его принципиальное отличие и от психологического подхода, при котором прежде всего выявляются особенности восприятия скандала на индивидуальном и субъективном уровнях.

Социальное распределение скандалов, как и распределение рисков, является неравномерным для различных групп общества. Если в психологической парадигме люди предстают как принимающие риск или избегающие его, то социологический подход фокусируется на анализе процессов, посредством которых риск навязывается людям, поскольку они зачастую лишены доступа к соответствующей информации, а также в силу того, что выбор рисков социально структурирован. Последнее, кроме прочего, означает, что оценка приемлемости риска производится определенными социальными институтами и организациями, а не всем населением.

Когда скандал в области социальных отношений является объектом эмпирического анализа, то в фокусе внимания исследователя оказываются предрасположенность населения страны к восприятию негативных установок и к конфликтному поведению и представление о консолидирующих и дифференцирующих признаках (самоидентификация), которые предопределяют оценку скандала.

Обращает на себя внимание и отсутствие серьезных работ философского характера, посвященных скандалу. Как правило, эта тема является периферийной и если все-таки обсуждается в философских работах, то дело ограничива-

ется указанием на моральную недопустимость скандалов. Между тем исследования на стыке этики и философии культуры способны не только дать обобщенную теорию скандала, его природы, истоков, ценностных характеристик, но и по-новому посмотреть на механизмы функционирования общества и историю культуры. Философский анализ, совмещенный с социологическим подходом, способен, на наш взгляд, стать основой для целостной междисциплинарной парадигмы «скандал-анализа».

Другая причина интереса авторов к теме скандала — проведение в 2012–2013 гг. исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом. В рамках этого проекта решалась конкретная задача — социоморальная интерпретация скандала.

Исполнители проекта осветили большинство типов скандалов, делая акцент на жесткие тактики и их участников. Особое внимание было уделено таким часто используемым в российских условиях способам воздействия на публику, как деструктивные скандалы, негативное оценивание, спланированная провокация и пр. Внимание к таким способам было обусловлено их высокой конфликтогенной заряженностью, способностью нарушить социальную стабильность. Нередко центробежные силы и тенденции в разного рода социальных общностях возникают именно как результат обмена неблагоприятными формами информации о членах группы, затрагивающими общие интересы и приводящими к возникающей в ходе скандала потере доверия между ее членами.

Особое место было уделено такому элементу коммуникации, как скандальный проступок по отношению к отрицательно ориентированной аудитории. Несмотря на всепроникаемость, всераспространенность данного феномена и в то же время его недостаточную изученность, авторы постарались системно и с различных сторон ответить на ряд важных вопросов, связанных с субъектами, носителями и последствиями скандалов.

Изучение скандалов проводилось по линии определения их субъекта (использовался критерий численности); адресата; носителей и посредников (это некоторые социальные группы, СМИ, опросы общественного мнения и неофициальные скрытые носители).

Все указанные направления исследования потребовали от участников проекта усиленного использования как общедисциплинарного, так и социально-конфликтного понятийного аппарата². В итоговых статьях в той или иной мере были затронуты основные сферы, где чаще всего происходят скандалы (за исключением отдельных областей спорта и культуры, где они являются самой их сутью). В результате проектной работы были подготовлены два междисциплинарных сборника статей: «Скандал как форма коммуникации» (2012) и «Скандал: сферы воздействия» (2013). Опубликованные сборники стали первым и очень важным шагом на пути движения исследователей к целостной теории скандала.

Настоящая книга, в сущности, является продолжением проекта: используя материалы сборников, делается попытка синтезировать многие предложенные участниками идеи и предложить общую теоретическую модель описания скандала.

Книга состоит из трех разделов. В первом из них («Теория скандала») рассмотрены общетеоретические основания изучения проблемы: даются рабочие определения основных и смежных понятий, рассматриваются важнейшие элементы и характеристики явления, предлагается классификация скандалов. Здесь же описываются методологические ориентиры исследования, предполагающие комбинирование метода кейс-стади и аксиологического подхода.

Анализ скандала во всех сферах жизни — это сложная и масштабная задача, требующая дальнейших исследований. Однако мы надеемся, что в этой книге очерчены наиболее существенные элементы скандала и намечены основные пути его возможного изучения.

Среди исследовательских стратегий наиболее приемлемым оказался так называемый «ориентированный на информацию выбор». Его суть заключается в получении информации не только по необычным случаям (иррациональные конфликты, распространение слухов, скандалы,

² Более подробно см. Развернутый отчет исполнителей проекта, изложенный в брошюре, изданной по окончании проекта в 2013 г.: *Дмитриев А. В.* Скандал как конфликтогенная форма взаимодействия: социоморальная интерпретация. М.: Изд-во СГУ. 2013. В тексте представленной монографии будут использованы отдельные положения отчета.

аферы и т.д.), но и по разнице условий, в которых они проявляются. То есть было избрано несколько случаев скандалов в различных сферах (политика, наука, культура, философия), которые были призваны продемонстрировать многообразие изучаемого феномена. Анализ этих случаев представлен в третьем разделе («Социальное пространство скандала»).

Во третьем разделе, в отличие от уже опубликованных статей, нет разбора специфики проявления скандалов в сферах образования, религии и других, хотя соответствующие ссылки и развернутые комментарии использованы в достаточном объеме. В книге нет и отдельного описания скандалов, часто и почти постоянно встречающихся в такой социокультурной среде, как шоу-бизнес. Здесь скандал — это основной и зачастую единственный способ заявить о себе или напоминать о себе как можно чаще. В этом смысле стареющие балерины или певицы зачастую считают скандал единственным по сути дела инструментом, оружием для привлечения внимания окружающих. Поэтому здесь нет смысла каким-то образом осуждать действующих лиц: слабые избрали именно этот вид оружия. Виктор Топоров писал по этому поводу: «Способ привлечь к себе общественное внимание — единственный способ, не считая заведомо неприемлемой лично для тебя позы прачки. То есть: или полная капитуляция — или террор; или поза прачки — или скандал»³. Автор, описывая современные литературные скандалы, сравнил последние с террором, эпатажем, групповой саморасплатой. Мы же наберемся храбрости и сравним скандалы в шоу-бизнесе с помойным ведром, то есть лишь основой для сюжетов «желтой» прессы, имеющей своего слабообразованного потребителя. Именно по этой причине, описывая и вычлняя основные сферы, где происходят скандальные действия, мы намеренно избегаем анализировать шоу-бизнес, несмотря на его зрелищность и низкопробную нейтральность.

Важной задачей авторы посчитали оценку, пусть она будет предварительной, эволюции скандалов в истории

³ Топоров В. Литературная «Аль-Каида» // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 570.

культуры, чему посвящен третий, самый объемный раздел книги («*Культурно-историческая динамика скандала*»). Здесь рассмотрены мифологические истоки скандала, связь скандала и карнавализованных действий, особенности проявления скандальности в Средние века и Новое время. Исторический обзор завершается главой о моральных паниках, которые авторы считают современным продуктом исторической эволюции скандала.

Исторический раздел фокусируется на отдельных случаях скандального поведения, однако в нем в целом прослеживается общая эволюционная линия трансформации скандала как социокультурного явления от истоков до сегодняшнего дня.

В целом книга призвана дать общее представление об архитектонике скандала: основных законах его построения и важнейших структурных закономерностях как в статике, так и в динамике. При этом авторы осознают промежуточный, разведывательный характер работы и необходимость в дальнейшем проверить сделанные выводы при анализе и других сфер общественной жизни и практики (экономики, спорта, образования и т.д.), а также дополнить исторический обзор подробным анализом некоторых масштабных скандалов («дело Дрейфуса», Панамский скандал, Уотергейт и т.д.). По этой причине жанр настоящей книги мы рассматриваем как очерковый.

Остается добавить, что в работе А.В. Дмитриев рассматривал преимущественно социологические и политологические, а А.А. Сычев — философские и исторические аспекты скандала.

Выражаем искреннюю благодарность в подготовке рукописи очерков кандидату социологических наук Л.Ю. Коростелевой и доктору философских наук И.Е. Задорожнюку за редакционные пожелания и советы.

РАЗДЕЛ I

ТЕОРИЯ СКАНДАЛА

ПОНЯТИЕ СКАНДАЛА

1. Происхождение термина

Древнегреческое слово *σκάνδαλον* первоначально обозначало ловушку, сеть, препятствие, а далее также соблазн, искушение, досаду. Из древнегреческого языка это слово проникло в латынь (*scandalum* — препятствие, камень преткновения), а отсюда — в другие новоевропейские языки. В древнерусский язык слово «скандал» входило почти параллельно с его вхождением в европейские языки через религиозные контексты с XI века, но в литературный русский язык оно вошло как заимствование из новоевропейских языков: немецкого (*Skandal*) и французского (*scandale*).

Первоначально данное слово воспринималось в специфическом библейском контексте, где оно понималось преимущественно как соблазн, искушение. Необходимо отметить, что оно было одним из ключевых в знаменитом положении апостола Павла: «Мы проповедуем распятого Христа, для Иудеев соблазн (*skandalon*), а для Еллинов безумие»; из контекста видно, что слова проповеди вызывали устрашающий эффект и отвергались социальным окружением того времени — хотя они начали восприниматься как истина в другие времена, — и скандалом считалось уже сомнение в распятии и воскресении Христа. За словом следовало дело, часто заканчивающееся смертью и тех (первоначальных христиан) и других (еретиков, считавшихся язычниками) исповедников.

Слово «скандал» активно использовалось в истолковании библейских, и в первую очередь евангельских, текстов. Тогда это слово связывалось в первую очередь с религиозными контекстами и обозначало дискредитацию основ веры или обличение личностных грехов. Один из религиозных авторов в трактате 1663 года, характеризовавший отношения церкви как того, что позже именовалось социальным институтом, и священника, действия которого выходят за рамки этого института, особо подчеркивал: скандалом можно именовать претензии на духовную и светскую власть без особых

на то оснований. В подобном истолковании слово «скандал» постоянно применялось для обозначения различных диссидентских (в первоначальном значении — религиозно-раскольнических) течений и поведения их руководителей⁴.

В XIII веке в Киевской Руси было известно слово «скандал» (вариант — «скандель») в интерпретации Ефрема Сирина, одного из учителей церкви, труды которого особо почитались и глубоко истолковывались вслед за принятием христианства на Руси. Он, в частности, утверждал, что «скончаются все скандалы земные». Употреблялось это слово и в Московской Руси. Так, в «Толкованиях на Псалтырь» 1564 г. относительно праведников в Псалме 118 утверждается, что «таковых сердце скандала не терпит» в качестве толкования к словам «и несть им соблазна».

Как видно, современное слово «скандал» не сохранило прочной привязки к церковной традиции⁵. В европейских литературных источниках в значении, близком к современному, оно появилось в последнюю треть XVI века, хотя английское слово *scandalize* со значениями «возмущать» и «злословить» было зафиксировано еще в 1489 году,

Понятие скандала имеет несколько интерпретаций. Различные словари, во всяком случае, это довольно убедительно доказывают.

Скандал — срам, стыд, позор, соблазн, поношение, непристойный случай, поступок (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4*).

Скандал — 1) случай, происшествие, позорящие его участники; политический скандал; 2) происшествие, ссора, нарушение порядка (руганью, дракой и т. д.) (*Ожегов С.И. Словарь русского языка*).

Скандал — 1) случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участники. Разговор о чем-либо предосудительном, недопустимом, невозможном; 2) ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т. п.; дебош (*Словарь Академии наук СССР, Институт русского языка. Т. 4*).

⁴ *Задорожнюк И.Е. Русская православная церковь: цепь скандалов и ее звенья // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 121-124.*

⁵ Семиотика скандала. М.: Европа. 2008.

Скандал — 1) событие, происшествие, позорящее участников и ставящее их в неловкое положение. *Вокруг этого дела разыгрался скандал. Скандал в семье. Политический скандал. Скандал в благородном семействе* (шутлив. поговорка); 2) безобразие, нечто недопустимое, невозможное (разг. фам.). *Истратил все деньги — прямо скандал! Какой скандал, я забыл написать письмо!*; 2) дебош, происшествие, нарушающее порядок руганью, дракой. *Нарваться на скандал. Устроить скандал.* (Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка).

Скандал — 1) событие, происшествие, позорящее участников и ставящее их в неловкое положение; 2) ссора с криком, бранью, дракой (Словарь современного русского литературного языка).

Скандал — 1) постыдное действие или событие; 2) осуждение или негодование, вызванное действием или событием; 3) лицо, чье поведение ведет к компрометации и осуждению; 4) злонамеренные разговоры, особенно сплетни о частной жизни других людей; 5) порочащее действие или клеветническое высказывание (Collins English Dictionary).

Скандал — 1) дискредитация религии посредством неподобающего поведения религиозного человека, поведение, которое приводит к потере веры или религиозного послушания у других людей; 2) нанесение ущерба или подрыв репутации, вызванный реальным или предполагаемым нарушением морали и норм приличия; 3) обстоятельство или действие, которое оскорбляет приличие или принятые моральные нормы или позорит тех, кто связан с этим; 4) злонамеренные или дискредитирующие слухи; 5) негодование, досада или смущение, вызванное серьезным нарушением требований нравственности, приличия или религии (Merriam-Webster English Dictionary).

Итак, согласно наиболее общему словарному определению скандал есть событие, связанное с нарушением общепринятых норм известными людьми и вызвавшее острую реакцию социальных групп. Это общее определение можно считать рабочим: в дальнейшем оно будет подвергаться уточнениям и конкретизации.

2. Разночтения

Исследования скандала раскрывают различные его грани и характеристики в зависимости от специализации исследователя или избранного ракурса рассмотрения.

Специалист в области моральной философии А.А. Гусейнов полагает, что под скандалом следует понимать такие эпизоды (ситуации, случаи, инциденты, события, происшествия) в культурной жизни (в том числе и прежде всего в межчеловеческих отношениях), которые 1) связаны с нарушением, разрывом регулярностей, привычных (гласно и негласно принятых) схем поведения в речах и поступках; 2) получили публичную огласку, стали предметом обсуждения, пересудов; 3) рассматриваются под знаком осуждения⁶. Помеченный под третьим номером признак (осуждение) имеет для Гусейнова первостепенную значимость, поскольку он раскрывает моральные измерения скандала.

Скандалы, полагает А.А. Гусейнов, могут случаться в разных областях деятельности и сферах жизни: науке (плагиат); семье (избиения супругами друг друга); искусстве (эпатирующее использование ненормативной лексики в литературе); экономике (скрытая торговля табуированными традицией продуктами); управлении (домогательства по отношению к подчиненным сотрудникам); образовании (использование поддельного диплома) и т. д. Эти содержательно обусловленные различия, конечно, важны для понимания скандалов и обязывают рассматривать их с соответствующей степенью конкретности. Однако тот факт, что во всех случаях они становятся предметом более или менее единодушного публичного осуждения, становится их объединяющим и специфичным признаком, превращает их в элемент общественных нравов⁷.

У исследователей в области политологии в центре интереса находится, естественно, понятие политического скандала. У Р.А. Готлиба скандал — социальное явление, сущность которого заключается в придании гласности и резуль-

⁶ Гусейнов А.А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 28-43

⁷ Там же. С. 29.

тирующем публичном обсуждении тех или иных аморальных, преступных или иначе — общественно неприемлемых действий или поступков властного лица или группы лиц (хотя его основой могут стать и ложные утверждения).

С активизацией политической жизни России начала XXI века и возрастанием в ней количества общественно значимых властных структур и их деятелей явление политического скандала интенсифицируется и приобретает возрастающее значение для вопросов формирования общественного мнения, управления конфликтами, регулирования траектории развития российского общества в целом⁸.

А.В. Глухова, отмечая многомерность понятия политического скандала, трактует его как эффективную политическую стратегию, а в особом случае — как технологию достижения цели, то есть форму компрометации и дискредитации противника⁹.

Специалисты в области коммуникации предлагают свое видение скандала: «...трактовка скандала как события не вполне затрагивает те стороны этого явления, которые связаны с позиционным положением сторон скандала (расстановкой сил его участников), а также с ситуационной составляющей — системой отношений (распределением интересов сторон), реализуемых через коммуникационную среду... По этой причине, отталкиваясь от общего определения, мы рассматривали скандал как конфликтную ситуацию, характеризующуюся значительным резонансом (реакцией) социальных групп, институтов гражданского общества, бизнеса, государства, вызванным агрессивностью, неадекватностью, неожиданностью, немотивированностью либо, наоборот, нарочитой политической или иной мотивированностью действий хотя бы одного из участников событий, выражающейся в сделанных публично порочащих намёках, угрозах, резких высказываниях, как правило, обвинительного характера. В своей крайней форме скандал может выражаться также в экономическом принуждении или даже физическом

⁸ Готлиб Р.А. Обзор форумов о скандалах политической направленности в Рунете // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 232.

⁹ Глухова А.В. Скандал как форма политического конфликта // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 37

воздействии — рукоприкладстве или ином физическом насилии, убийстве, а также в покушении на эти действия»¹⁰.

Итак, скандал — это сложная форма конфликтного социального взаимодействия, в основе которого лежит резонансное нарушение социальных норм. Как и всякий конфликт, скандал строится на противоречиях, столкновении интересов и мнений. Само существование скандала характеризуется двойственностью: он разворачивается в приграничной зоне между фактами и спекуляциями, новостями и развлечением, журналистским расследованием и театральной постановкой.

И в реальной речевой практике, и в научной литературе слово «скандал» употребляется в двух основных, тесно связанных между собой значениях. Во-первых, под скандалом понимают определенное событие, действие или поведение, затрагивающее моральные чувства общественности. Во-вторых, слово «скандал» применяется для обозначения негативной реакции общества на это событие.

Первое значение скандала иллюстрируется при помощи отсылок к таким понятиям, как бесчинство, драка, непристойность, неверность, оскорбление, проступок и т. д. Все эти понятия относятся к разным формам отступления именно от морального порядка. Таким образом, первоочередным условием для возникновения скандала можно считать действия, выходящие за границы принятых в обществе норм.

Скандал во втором своем значении — это публичная реакция на нарушение нормативного порядка. В изданных словарях этот смысловой блок передается при помощи отсылок к таким словам, как бесчестье, дискредитация, позор, стыд, шок и т. д. Второе значение обычно представляется вторичным и производным: для появления реакции публики на событие требуется как минимум наличие самого события. По крайней мере в словарях скандал объясняется как реальное происшествие, инцидент, а не как отклик на него. Однако в действительности ключевым для понимания скандала нам представляется именно второе значение.

В сущности скандал — это особое состояние общественного мнения, которое способно основываться не только на

¹⁰ Яковлев И.Г. Интернет как коммуникационная сфера скандалов // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 37; 74-75.

произошедшем событии, но и на ложных утверждениях или слухах. Реальное событие при этом может вовсе отсутствовать: оно не входит в число обязательных условий возникновения скандала¹¹.

Авторам этой книги наиболее импонирует исследовательский подход, позволяющий сделать акцент на реакции общественности. В этом контексте скандал может рассматриваться в разных ракурсах: как элемент общественных нравов, как особая форма коммуникации и как своеобразный механизм контроля масс над отдельными представителями более высокого статусного слоя.

Для более точного определения скандала необходимо также выявить условия его протекания.

Далеко не всякое отступление от общепринятого нормативного порядка способно послужить поводом для скандала. Реальной возможностью привлечь к себе внимание публики обладают только достаточно *серьезные проступки*. У незначительного нарушения правил дорожного движения или норм трудовой дисциплины практически нет шансов вызвать широкий общественный резонанс. В конкуренции за публичное внимание, которое является дефицитным ресурсом, «выживают» проступки, обладающие наибольшей сенсационностью. Необходимо, однако, отметить, что эпитет «скандальный», который в живой речи прочно ассоциируется с развлекательностью, весьма редко используется для обозначения чрезвычайно масштабных и жестоких действий (таких, к примеру, как военные преступления нацизма). Как правило, большинство скандалов связано с проступками «средней тяжести»: растратами, подлогами, непристойным поведением, оскорблениями в адрес каких-либо социальных групп и т.д.

Другое условие, необходимое для возникновения скандала, заключается в том, что нарушения норм должны до определенного момента скрываться, держаться в секрете от широкой публики. Скандал невозможен без *разоблачения*: он разражается, если в область зрения попадает нечто, бывшее ранее тщательно оберегаемой тайной. Не случайно подавляющее большинство скандалов связано с раскрытием под-

¹¹ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

робностей интимной жизни публичных людей, закулисных политических сделок или тайных договоренностей предпринимателей. И наоборот — почва для скандалов становится чрезвычайно зыбкой в тех областях, где присутствуют прозрачность, подотчетность и социальная ответственность.

Тартюф, герой пьесы Мольера, заявляет: «В проступке нет вреда, в огласке только вред. Смущать соблазном мир — вот грех, и чрезвычайный, Но не грешно грешить, коль грех окутан тайной»¹². Это достаточно распространенная точка зрения на поступки, совершаемые в тайне, — пока они не афишируются, для общества их как бы не существует. Рассуждения Тартюфа о грехе, конечно, лицемерны, но, если на место слова «грех» подставить слово «скандал», можно получить верный тезис: до момента огласки никакого скандала не существует.

Собственно скандал возникает в тот момент, когда под маской респектабельного явления скрывается противоположная ему сущность. В таком понимании скандал есть процесс обнаружения скрытой ранее истины. Важной характерной особенностью скандала является неожиданность, внезапность разоблачения. Этимологически слово «скандал» восходит к общеиндоевропейскому корню **scand* со значением «скачок», «прыжок»¹³, что указывает на скачкообразный характер перехода от незнания к знанию, от положительной оценки к негодованию.

Одновременно в ходе скандала происходит почти карнавальное переворачивание социальных ролей: те, кто претендовал на позиции властителей дум, оказываются развенчанными и низведенными до положения подсудимых, оправдывающихся перед общественным мнением. Обычная же публика получает возможность возвыситься до положения судьи и обвинителя.

Для того чтобы событие имело шансы превратиться в скандал, необходимо наличие *публичного пространства*, в границах которого информация могла бы относитель-

¹² Мольер Ж.-Б. Тартюф, или обманщик // Собрание сочинений. М.: Альфа-книга. С. 45.

¹³ Thompson J.B. Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age. Oxford: Blackwell. 2000. P. 12.

но свободно циркулировать. Не случайно первые крупные скандалы в Европе начали фиксироваться в XVI веке, т. е. одновременно с формированием институтов гражданского общества и появлением прессы современного типа. Тогда же слово «скандал» начинает широко употребляться в разговорной речи. Начиная с конца XVI века и на протяжении всего Нового времени постепенно изменялись отношения между частной и публичной деятельностью известных лиц, и их личная жизнь становилась все более открытой для общественности. Демократизация общественной жизни привела к тому, что к XIX веку скандал стал значимой формой общественного контроля над поведением публичных фигур.

Для разворачивания скандала необходима *массовая реакция* на ситуацию, подразумевающая вовлечение в сферу его обсуждения большего количества людей. Если проводить ассоциацию с жанрами искусства, то скандал наиболее адекватно может быть воспроизведен теми жанрами, в которых присутствует сильное хоровое начало. Это, например, классическая греческая трагедия (в основе которой всегда лежали сложные конфликты и столкновения ценностей) или новоевропейский полифонический роман (классическими образцами которого являются произведения Ф.М. Достоевского). В современном мире основным пространством конструирования и драматизации скандала являются СМИ и Интернет. Новостные службы, блоги, форумы, социальные сети, телепередачи позволяют за короткое время вовлечь в обсуждение скандальных событий огромные массы людей, сделав то или иное событие объектом внимания миллионов.

Поскольку скандал является публичным откликом на спекуляции СМИ, для него характерны яркие *эмоциональные переживания* событий. Вскрытые прессой злоупотребления и проступки закономерно вызывают гнев, негодование, возмущение публики. При необходимости эти чувства и эмоции можно конвертировать в конкретные деструктивные действия: так, соответствующим образом оформленная информация о проступке может привести к дискредитации лиц, организаций и социальных групп, расколу общественности, смене элит. Фактически тот, кто способен грамотно организовывать и режиссировать скандал, обладает серьезным инструментом воздействия на общество.

У широкой публики скандал провоцирует сложные двойственные чувства, где присутствует не только неприятие, но и удовольствие. Публика не просто возмущается чужими проступками, но и жаждет скандалов, поскольку для нее они служат неисчерпаемым источником *развлечения*. Положительные эмоции от скандалов связаны прежде всего со «снижением» образа известных лиц, разрушением их претензий на исключительность, низведением их до уровня обычных людей с низменными желаниями и склонностями. Скандалы — в определенном смысле — утверждают всеобщее равенство (хотя это равенство и проходит по самой нижней границе человечности). Более того, для многих законопослушных людей скандал — это повод почувствовать свое моральное превосходство над крупным политиком или деятелем культуры, не способным контролировать свои желания. Наконец, само наличие скандала является показателем того, что виновные выявлены и разоблачены. Если же они в результате скандала еще и лишились высоких постов и влияния, это поддерживает представления публики о том, что она способна держать действия лиц, облеченных властью, под строгим общественным контролем.

Таким образом, для скандала характерен ряд особенностей, отличающих его от других социальных явлений. В его основе лежит резонансное событие, нарушающее социальные нормы. К скандалу приводит разоблачение проступков, державшихся до этого в секрете. Важным условием для разворачивания скандала является наличие публичного пространства, где информация о нем может свободно циркулировать. Эмоциональная реакция публики на проступок одновременно является источником негодования и развлечения для общества. Распространение информации о проступке способно испортить репутацию фигурантам скандала и подорвать доверие к социальным группам и институтам, которые те представляют. В то же время скандал, сигнализируя о проблеме, способствует активизации поисков ее решения¹⁴.

¹⁴ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

3. Смежные понятия

При всех разночтениях основного понятия скандала некоторые авторы применяют и другие, тесно связанные с ними, такие, например, как провокация, эпатаж, слухи, сплетни и прочие. Примерно в такой же ситуации оказались несколько лет назад и международные исследователи скандала в области культуры, точнее — литературоведения. В частности, многочисленные составители и авторы сборника «Семиотика скандала», ставшего ввиду его уникальности редким изданием, широко использовали такие понятия, как «хоровое начало», «карнавал», «обман», «соблазн», «перформанс», «бред» и другие.

В данной работе предлагается несколько иной ракурс рассмотрения той же проблемы. Скандал как феномен изучается здесь в контексте и логике общественной нравственности с позиций социальных наук, прежде всего социологии, конфликтологии, этики, философии культуры и политологии. Поэтому наиболее часто здесь использовались такие слова, как «нравы», «провокация», «слухи», «инвектива», «эпатаж», «трансгрессия», «моральная паника» и др.

Для понимания ценностной природы скандала в первую очередь необходимо рассмотреть понятие общественных нравов, важным элементом которых, как утверждает А.А. Гусейнов, выступают скандалы.

Нравы. Само это понятие происходит от слова «нрав» в значении характер, а множественное число придает слову терминологический смысл: речь идет не об отдельных индивидах, а об их объединениях; не о цельности душевного строя, а о многообразии внешних форм поведения.

Нравы, согласно А.А. Гусейнову, складываются стихийно и усваиваются непосредственно, при этом большей частью используются бессознательные механизмы, что не исключает целенаправленных воздействий на формирование нравов через образование, воспитание, средства массовой информации, идеологические процедуры и т. д., а стихийность объясняется тем, что они являются результатом деятельности многих людей и влияния многих разноречивых факторов. В то же время нравы характеризуются упорядоченностью, постоянством, сопоставимыми с закономер-

ностью естественных процессов, являются по отношению к отдельным индивидам таким же внешним и объективным фактором; поддерживаются силой привычки и санкциями, которые сводятся к многообразному давлению групп общества, а иногда и отлучению от сообщества¹⁵.

Нравы фиксируют включенность индивидов в коллективную жизнь, выражают и поддерживают своеобразие, ментальный дух общности, устойчивой группы людей, в которой они культивируются. Они прежде всего регулируют поведение на людях и основываются на соображениях чести и приличия, которые всегда имеют конкретный и прочувствованный характер. Нравы различаются по группам (аристократические, купеческие), регионам (городские, сельские), профессиям (студенческие, бюрократические), административным единицам (столичные и провинциальные), возрастам (подростковые, старческие) и т.д. Во всех обществах обычно под защитой нравов находятся такие сферы, как стиль общения, формы приветствия, поведение в стандартных ситуациях (за столом, в гостях, театре), внешний вид (одежда, украшения).

Соединяя людей общими привычками, стандартами, нравы одновременно обеспечивают и их защищенность, удерживая на безопасном расстоянии друг от друга и ограждая тем самым сферу приватной жизни каждого человека в отдельности. Состояние нравов различно в разных культурах, меняется от общества к обществу, особенно от эпохи к эпохе, но общая тенденция состоит в постепенном освобождении индивидов от внешних пут, регламентирующих рисунок их жизни, обретении ими самостоятельности действий. Граница между публичным пространством и сферой частной жизни постепенно размывается: движение идет от полной поглощенности индивидов коллективом (племенем) в начале истории до утверждения приоритета неотчуждаемых индивидуальных прав в либеральных демократиях.

На глобальном уровне современное общество отличается от традиционного в данном отношении лишь тем, что кол-

¹⁵ Гусейнов А.А. Аксиология скандала//Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 28-54. Текст с определением нравов дается с небольшими редакционными изменениями.

лективное начало выступает не столько как заведенный от века порядок, сколько как свободный выбор самих индивидов и реализуется через их автономные действия. Нравы становятся свободнее, раскрепощеннее (как мода стала более раскованной, разнообразной и динамичной, чем в прошлые эпохи), однако их власть над людьми не уменьшилась. Мода в широком смысле так же, как в прошлом, объединяет людей через потребности в коллективное целое; разница состоит лишь в том, что, образно выражаясь, устойчивость болота сменилась устойчивостью водопада, и если в XVIII веке наряды барышень не менялись на протяжении поколения и исчислялись единицами, то теперь они меняются каждый сезон, причем счет идет на десятки. Ситуация широкой индивидуальной свободы в вопросах моды парадоксальным образом приводит к тому, что человеку труднее бросить вызов ей; отступление от моды само становится ее частью. Как бы то ни было, нравы составляют первичную основу, фундамент общественной дисциплины, которая получает продолжение в институционально оформленных практиках (нравственной, юридической, административной и т.д.). Последние базируются на нравах и оказывают обратное действие на них.

Важной проблемой этики, согласно А.А. Гусейнову, является соотношение нравов и нравственности. Существует традиция рассмотрения нравов как реальной нравственности в отличие от декларируемой. Связь нравов с нравственностью является более конкретной и тесной, чем с другими институтами (правом, религией, политикой, наукой). Они в известной степени «тянутся» друг к другу: всякое сообщество, считая свои нравы не просто фактически принятыми, привычными формами поведения, но еще и образцовыми, имеет тенденцию считать их также образцовыми по существу и в этом смысле нравственно значимыми.

Общественные нравы имеют как минимум две линии направления, которые чреватые возможностям скандала: это границы между общепринятыми стандартами поведения и индивидуальными поступками, а также между устойчивостью нравственных канонов и их изменчивостью. Эти линии разнообразно перекрещиваются. Нравы, как обобщенные нормы и оценки, являются некой усредненной характери-

стикой неисчислимого множества индивидуальных действий; последние никогда полностью не умещаются в них. Однако в случае скандала речь идет вовсе не о том, что индивидуальное действие богаче некоей общей нормы, а о том, что оно нарушает эту норму, попирает ее.

Рассмотренные в этом аспекте скандалы многочисленны и разнообразны. Случаются скандалы, возникающие из-за того, что личность считает себя выше нравов. В этом случае скандальность оказывается своего рода горнилом, через которое должны пройти нравы, чтобы расшириться, обрести какое-то новое качество. Одна из типичных линий развития общественных нравов как раз состоит в том, что то, что воспринимается в качестве невероятного скандала в одну эпоху, со временем становится нормой, обретает достоинство, приличие. Другой скандальной крайностью являются случаи, когда индивиды оказываются качественно ниже общепринятых канонов, как это произошло с нашумевшими сексуальными скандалами американского президента Б. Клинтона и высокопоставленного международного чиновника Д. Стросс-Кана.

Расхождение понятий нравственности и нравов (расхождение не случайное, а вытекающее из сути этих феноменов и заложенное в самой основе их взаимоотношений) является также критерием, позволяющим проводить ценностную селекцию скандалов, определяя, является ли скандальное выпадение из общепринятых схем поведения также нарушением лежащих в их основе нравственных принципов или стремлением найти для последних более совершенное воплощение. Словом, скандал в качестве элемента общественных нравов оказывается по существу амбивалентным, причем именно в ценностном отношении¹⁶.

Провокации. Провокация часто сопровождает скандал. Само понятие провокации в обобщающем виде обычно рассматривается как действие, направленное на вызов прогнозируемой реакции противника. Тема провокации всегда занимала важное место в работах юристов, политологов, социологов, а в последнее время и конфликтологов. Послед-

¹⁶ Гусейнов А.А. Аксиология скандала / /Скандал как форма коммуникации. М: Изд-во СГУ. 2012. С. 28-54.

ние рассматривают это понятие как побуждение, подстрекательство отдельных противоборствующих сторон к действиям, которые могут привести к тяжелым последствиям, а иногда и к поражению.

Социологи описывают провокацию как действие, побуждающее довольно равнодушную массу населения выразить свое мнение, тем самым встав на определенную сторону, то есть фактически занять ту или иную позицию.

Политологи обычно отмечают, особенно на основании многочисленных исторических примеров, важность провокации в политической жизни как на местном, так и на государственном и межгосударственном уровнях. Часто масштабные провокации, применяемые в борьбе за власть, становясь известными широкой массе населения, превращаются в не менее масштабные скандалы.

Е.Г. Андриющенко рассматривает провокации как определенный класс организационных событий, которые инициируют действия противников. В политике часто главное — высказать обвинение, и тот или иной объект оказывается в заведомо проигрышном положении оправдывающегося. Именно таким образом создается «энергетика коммуникации», в ходе которой провокация становится скандалом.

В общем под провокацией, согласно Е.Г. Андриющенко, можно понимать действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие или бездействие провоцируемых, как правило, с целью искусственного создания негативных обстоятельств или последствий для провоцируемых. При этом действия могут быть направлены как непосредственно на провоцируемых, так и на их окружение¹⁷.

Если скандал — это нечто громкое, направленное на разоблачение, дискредитацию, то провокация — это скорее действие, чем просто очерняющий стимул. Это побуждение, подталкивающее к расставленной ловушке, к скандалу.

Разнонаправленные провокационные действия, если их внимательно анализировать, могут определить взаимосвязи, а также силу и принципы работы таких взаимосвязей между провоцируемым и его окружением. Провокационные

¹⁷ Андриющенко Е.Г. Скандал в энергетике политического спектакля// Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 128-132.

действия, проводимые в определенный промежуток времени, позволяют также определить порог восприимчивости провоцируемого к раздражителям и их силе.

Во всемирной истории провокации всегда были действенным орудием перемен. Их последствия были настолько впечатляющими, что позволили некоторым историкам сделать выводы об универсальности и незаменимости этого явления. Особо интересными с этой точки зрения были события, положившие начало борьбе северо-американских колоний за независимость Великобритании. Скандалная выходка колонистов, известная сейчас под названием «Бостонское чаепитие», взбудоражила не только местное население, но и политиков метрополии, а соединение скандала и провокации стало определяющим для отсчета революционных действий.

Провокации сегодняшнего дня, с учетом глобальных связей, стали намного изощренней. Их притягательность объяснима как для сторонников властей, так и для оппозиции. Так, случай с отказом президента Украины в ноябре 2013 г. подписать договор «Об ассоциации с Европейским союзом» привел к политическим беспорядкам, проходившим в основном в Киеве, где протестующих оказалось довольно много. Оппозиционные лидеры, как обычно, подчеркивали мирный характер демонстраций, однако ситуация часто выходила из-под контроля. 30 ноября 2013 года произошло столкновение между спецназом «Беркут» с наиболее активными участниками протестов. После этого каждая из противоборствующих сторон обвинила другую в провокациях. Власти сообщили о незаконном захвате правительственных учреждений и атаках на сотрудников правоохранительных органов. Оппозиция в ответ заявила, что провокацией как раз занималась администрация, применив слезоточивый газ и дубинки. Особенно недовольны были журналисты и представители европейского истеблишмента. В любом случае взаимные провокации привели к неожиданному результату: евроинтеграционная повестка отошла на второй план, и у оппозиции появился шанс побороться за власть¹⁸.

Современному политику, будь он у власти или в оппозиции, бывает выгодно подыграть интересу публики к сенса-

¹⁸ «Известия» от 2 декабря 2013 г.

циям, скандалам, различным по тематике и направленности, например, провоцируя обвинения кого-то в заговоре. Заговор, его успех или неудача, как и литературный детектив, явно привлекательнее повседневной реальности, особенно когда в жизни и так много проблем и людям хотелось бы поскорее отвлечься.

Слухи. Слухи, в целом представляющие собой сведения, достоверность которых не установлена, интерпретируются разными науками неоднозначно. Наиболее развернутые описания данного феномена даны в культурологии, теории коммуникации и социальной психологии. Дефиниции слухам соответствуют научным подходам, каждый из которых отражает позиции той или иной отдельной общественной дисциплины¹⁹. Они могут рассматриваться как специфический вид коммуникации, как способ психологического воздействия на мнения, отношения, поведение людей, как средство информационного противодействия и т. д. Возможно, на самом деле нет смысла в поиске универсальной дефиниции слухов, поскольку изучение этого феномена в различных науках преследует свои специфические цели.

Представляется перспективным изучение слухов через обобщение нескольких теоретических подходов: социологического, психологического, политологического, теоретико-коммуникационного. Монодисциплинарное же исследование выглядит малопродуктивным, поскольку оно заметно упрощает объект, вследствие чего он воспринимается одно-сторонне.

С этой точки зрения стоит обратить внимание на обобщающие исследования социальных философов, связывающих слухи с проявлением конфликтности массового сознания. Довольно типичной в этом отношении является точка зрения А.С. Ахиезера, который соотносил возникновение слухов со стремлением массового сознания освоить инновации на основе своей (суб)культуры, постоянно воссоздавая картину мира и переводя ее в план действия. В этой связи им было предложено следующее определение этого явления:

¹⁹ Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: РОССПЭН. 1997. С. 80-87; Беззубцев С.А. Управление слухами: как промывают мозги. М.: Спорт и культура. 2011. С. 22-72.

«Слухи — постоянно действующая система интерпретации событий массовым сознанием в соответствии с исторически сложившимся менталитетом. Слухи — неофициальная форма связи в большом обществе, постоянный процесс освоения событий в дуальной оппозиции: комфортное — дискомфортное состояние, тайный шепот широких масс, формирующий общую духовную атмосферу в обществе, против которой бессильны как система массовой информации, так и самые крайние методы массового террора. Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дискомфортное состояние, могут превратиться в массовые действия, в неповиновение власти, в погромы и т. д., массовые движения»²⁰.

Кроме прочего, при определении слухов возникает проблема отделения слухов от близких им явлений, таких, например, как сплетни. Подобно слухам, сплетни также определяются контекстом, в котором встречаются. Но будет ли коммуникация названа слухом или сплетней, зависит от того, кто, что и кому сообщает. Основные различия слухов и сплетен можно сформулировать следующим образом. Сплетня — внутренняя новость, в ее фокусе находится небольшое сообщество; слух же приходит из большого мира, находящегося за пределами личного бытия. Сплетни — это разговор об интимных фактах из приватной жизни близких и знакомых, в то время как слухи в основном внеличностны и повествуют о деяниях незнакомых людей. Сплетни интересны не только сами по себе, но и как повод пообщаться, сам разговор делает новости более интересными.

Как будет показано ниже, слухи и сплетни являются важным информационным фоном, на котором разворачивается всякий масштабный скандал.

Инвектива. Провоцирование оппонента на совершение вредных другой стороне действий нередко производится с помощью инвектив, т.е. оскорблений и брани. Такие провокационные нападки на личность оппонента часто используются в ситуации публичной дискуссии, когда один из участников оказывается не в состоянии внести нечто пло-

²⁰ Ахиезер А.С. Россия: практика исторического опыта. Т. 3. М.: Филос. об-во СССР. 1991. С. 339.

дотворное в обсуждение существования вопроса. Чтобы уйти от поражения в дискуссии, такой участник может превратить ее в межличностный конфликт.

Считается, что основной детерминантой, важным условием широкого присутствия бранных выражений в речах общающихся людей является низкий уровень их культуры. Однако брань широко распространена и в России, и в странах с развитой демократией: нападки на оппонента, распускание порочащих его слухов и т. п. действия сопровождают, например, всякую избирательную кампанию. Наличие подобных факторов позволяет сделать вывод о том, что инвектива является закономерным элементом общения, выполняющим определенные важные функции. По-видимому, пока будут существовать люди, будет существовать и брань.

Заметим также, что каждый современный человек обладает определенной агрессивностью, которая при жестокой организации общества часто не находит адекватного выхода. Важный источник агрессивности — необычайно быстро растущие темпы развития общества. При расширяющейся свободе выбора современного человека, росте его связей с другими людьми одновременно наблюдается уменьшение прочности этих связей, что, естественно, приводит к возрастающей готовности к агрессивному поведению²¹. Постоянно подавляемая агрессивность основных масс населения в любом обществе может высвободиться в виде нервозности, роста нападков на личность, и как следствие в склонности к брани, к вербальному уничижению противника.

Инвективы используются и для введения оппонента в состояние растерянности, спутанности. Обычно это происходит в условиях непосредственного, лицом к лицу, общения враждующих сторон (или их представителей).

С помощью брани у ее источника достигается разрядка эмоционального напряжения. Не всегда резкие выражения заранее планируются, нередко они появляются спонтанно, непреднамеренно и отражают высокое эмоциональное напряжение говорящего, который не в силах его сдерживать.

²¹ *Дмитриев А.В., Макарова И.В.* Неформальная коммуникация: очерки теории и практики. М.: Современный гуманитарный университет. 2003. С.125.

В результате появляются бранные слова, воздействие которых порой негативно для самого говорящего. Брань может выступать и как отражение пренебрежительного, неуважительного отношения.

Негативные оценки, встречающиеся в речи, можно объединить в две группы по критерию преднамеренности-спонтанности. Речь идет о том, преднамеренно ли используется брань, просчитываются ли последствия ее появления, или она возникает без всякой задней мысли. В данном случае такие причины, как дискредитация, провоцирование оппонента, введение его в состояние спутанности, относятся к преднамеренным, сознательно планируемым вариантам употребления негативных оценок, а разрядка напряжения и отражение пренебрежительного отношения — к спонтанным, неумышленным.

Осуществление попыток дискредитации оппонента при помощи негативного оценивания — прямого или косвенного — неизбежно вызывает у объекта дискредитации желание защититься, сохранить позитивную оценку собственного образа. Если же слушатель склонен подозревать бранящегося в наличии личной выгоды от брани, то эффективность брани снижается. Поэтому, когда при обострении политического конфликта стороны начинают поливать друг друга грязью, часто это воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не оказывает ожидаемого влияния на массовое сознание. Скорее всего стороны могут добиться внимания публики, но не больше того.

Эффективность брани политика, который часто бранится, невелика (примером чему может служить В. Жириновский). И, наоборот, в устах обычно сдержанного человека брань приобретает особую значимость.

В июне 2012 г. представитель партии «Справедливая Россия» вице-спикер Н. Левичев на заседании Госдумы неосторожно призвал к честной борьбе, используя элементы бранной речи: «Давайте хотя бы на местном уровне пройдем испытание конкурентной политической борьбой! Мы тем самым поможем Вам почистить свои ряды от жуликов и воров, а не лизать, извините, задницу начальнику, подтирая ее приукрашенными бюллетенями». Оппоненты из «Единой России» и ЛДПР обиделись и учинили по этому поводу скан-

дал, потребовав лишить обидчика слова до конца сессии. Некоторые члены Комиссии по депутатской этике из «Единой России» посчитали, что Левичев «оскорбил их части тела», а В. Жириновский на этом же заседании комиссии обозвал двух депутатов КПРФ глухими и слепыми (один из них инвалид по зрению). В итоге депутат из «Справедливой России» был лишен права выступить на заседании одну неделю.

В ситуации, когда при помощи брани стремятся спровоцировать оппонента на совершение выгодных другой стороне действий, важным является внезапность «бранного» выпада, а также его нацеленность на наиболее значимые для объекта воздействия качества и ценности.

Безусловно, признавая эффективность инвективы как орудия политической борьбы, хотелось бы предостеречь от чрезмерного его использования.

Трансгрессия. Аналитики скандала часто используют понятие трансгрессии. Трансгрессия (лат. *transgressio* — переход) — понятие, обозначающее ситуацию достижения субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы, по ту сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют свободному проявлению его истинной сущности. При этом главным условием возможности осуществления трансгрессии становится наличие самой границы, которую необходимо преодолеть и которая является демаркационной линией, отделяющей внешнее от внутреннего, сущность от явления, власть от воли к власти и т. д. Появление трансгрессии призвано снять эти противоположения за счет устранения критериев самого различия²².

В социологии трансгрессия рассматривается как нарушение норм, установленных законом, моралью, традициями. В трактовке конфликтологов в центре исследования находятся субъекты трансгрессии с их потребностями, интересами и целями.

При сопоставлении понятий трансгрессии и скандала возникают трудности, вызванные многообразием их зна-

²² Геллер Л. К определению понятия «трансгрессия» // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 63.

чений. Л. Геллер замечает, что даже сугубо разговорное слово «скандалить» в русском языке — публично шуметь, ссориться, нарушая общественное спокойствие, — отсылает к трансгрессивному действию. Кроме того, традиция связывает термин «скандал» с сакральностью; так называется то, что вводит в сомнение, в замешательство, склоняет к греху. В принципе же скандал принадлежит к категории рецепции, то есть воспринимается как последствие трансгрессии, реакция на нее. Скандал можно вызвать ненамеренно, но можно и встроить его в стратегию трансгрессии как единичную, многократную или постоянную провокацию.

Упомянутый автор считает, и, по-видимому, не без достаточных оснований, что в современную эпоху стратегия скандала, распространившись на рекламу и став одним из главных способов привлечь внимание, может целиком порвать связь с трансгрессивностью, а банализация скандалов в итоге приведет к банализации и самой трансгрессии²³.

Эпатаж. Этот термин близок к пониманию скандала, однако обладает рядом собственных признаков. Под эпатажем обычно понимают нарочитое, сверхординарное и неожиданное нарушение принятых в обществе норм, имеющее своей целью демонстративно привлечь внимание окружающих. Эпатаж требует обязательной публичности, то есть скопления целевой аудитории, которая сможет оценить ту или иную выходку.

В какой-то мере эпатаж, так же, как и скандал, позволяет людям неожиданно изменить свое представление о нормах, т. е. фактически является своеобразным социальным механизмом перемен.

И всё же легко распознаются и их различия. Скандал масштабен, эпатаж по сравнению с ним достаточно мелок. Скандал может быть длителен и повторяться (частые разводы звезд и всё новые свадьбы с партнерами со значительной возрастной разницей и т.д.), а всякий факт эпатажа уникален и индивидуален. В скандале участвует несколько, по крайней мере не менее двух, сторон: для эпатажа достаточно и одного действующего лица. Скандал часто сопровождается целенаправленной агрессией, что не является обязательным

²³ Там же.

условием для эпатажа. Скандал часто преувеличивают, раздувают, и он также, в отличие от эпатажа, не является инструментом самоидентификации. Если скандал сам по себе чаще всего спонтанен, то эпатаж — заранее продуманная, то есть умышленная шокирующая выходка, одноразовое, подобно уколу шприца, действие.

4. Классификация

Прежде чем пытаться классифицировать скандалы, опираясь на те или иные их признаки, отметим умозрительность некоторых выводов, сделанных ранее. На деле при описании даже единичного случая чаще всего возникает «снежный ком» подробностей, который сводит на нет предварительное соотнесение скандала с его типом по заранее выбранному критерию. Вообще складывается впечатление, что любому представителю конкретных научных дисциплин, даже если он не претендует на универсальность своих теорий, весьма трудно построить логическое основание для классификации скандалов. При этом ситуация усугубляется не только неопределенностью поля распространения, но и многоаспектностью самого скандала. Однако для разностороннего описания скандала рабочая классификация все же необходима.

У психологов при попытках классификации различных видов неформальной коммуникации (слухи, сплетни, скандалы и т. д.) важным является эмоциональный фон, на котором они существуют. Так, Д.С. Горбачев, который выделяет слухи как самостоятельный вид, обращает преимущественное внимание на степень вовлеченности (или отсутствия таковой). В соответствии с его классификацией можно выделить: 1) скандалы-желания, выражающие позитивное отношение к лично значимым последствиям обсуждаемых событий; 2) скандалы-страхи, отличающиеся негативным отношением к лично значимым последствиям обсуждаемых событий; 3) скандалы-сенсации, отражающие яркие впечатления от волнующих событий на том эмоциональном фоне, который возникает при отсутствии личной значимости их прогнозируемых последствий²⁴.

²⁴ Горбачев Д.С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь. 2012. С. 45.

А.А. Гусейнов предлагает различать скандалы по горизонтали: в зависимости от сферы жизни и деятельности, в которых они проявляются (наука, семья, искусство), и по вертикали, то есть по степени скандальности: «одно дело — внебрачная любовная связь политика, и другое — его работа на разведку другого государства; или, скажем, одно дело — пьяный дебош в семье, и другое — рецидивы промискуитета в ней»²⁵.

При классификации скандалов «по горизонтали» — по сферам жизни деятельности возникают многочисленные сложности, поскольку в реальности каждый скандал затрагивает не одну, а несколько сфер деятельности человека, при этом он затрагивает их в различной степени. В новостях встречаются упоминания о многочисленных скандалах: банковских, допинговых, журналистских, коррупционных, политических, религиозных, сексуальных, спортивных, экономических и пр. С нашей точки зрения, в этом перечне смешаны, по меньшей мере, два основных критерия для выделения различных типов скандалов: формальный и содержательный²⁶.

Значимым основанием для классификации может служить *форма* тех действий, которые послужили непосредственным поводом для возникновения скандала. Наиболее явной скандальностью обладают нарушения сексуальных норм, непристойное поведение, оскорбительные высказывания в адрес определенных лиц или больших социальных групп. Поводом могут быть и действия криминального характера (особенно со стороны тех, кто призван бороться с криминалом), преступления с целью обогащения (взяточничество, растрата, воровство), а также мошеннические действия, подрывающие доверие публики к некоторым видам деятельности (употребление допинга, плагиат, покупка и продажа дипломов), и т.д. По формальным критериям можно выделить скандалы сексуальные, допинговые, коррупционные и т.д.

Форму скандала следует отличать от его реального *содержания*. Разоблачение факта получения взятки или обнару-

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

дование нетрадиционных сексуальных предпочтений может быть использовано для дискредитации политического противника. Такой скандал по форме является коррупционным или сексуальным, но по содержанию он в обоих случаях будет политическим. При этом выбор конкретных действий, которые послужили в качестве повода к скандалу, может быть случайным — здесь важен, скорее, результат, а не конкретный способ компрометации. Содержание скандала определяется целями, которыми руководствовались его организаторы, и ожидаемыми последствиями (устранение конкурента в бизнесе, повышение популярности публичного лица). Как правило, содержание скандала тесно связано и с теми целями, которые декларируются в качестве ведущих в сферах деятельности (спорт, культура и т.д.), где задействованы его основные фигуранты. По содержательным критериям можно выделить скандалы политические, экономические, спортивные, журналистские и т. д.

Наиболее значимой характеристикой скандала является неустранимый *конфликт между формой и содержанием*, поводом и причиной, реальным характером работы и ее декларируемой целью. Можно сказать, что в скандале как в событии, нарушающем правила общественной морали, в несколько сниженной, но все же узнаваемой форме воспроизводится традиционный моральный конфликт между сущим и должным. Так, целью деятельности сотрудников полиции является защита прав и безопасности граждан, поэтому скандальными являются ситуации, в которых вскрываются факты криминальной деятельности полицейских. Целью спорта является победа сильнейшего, употребление же допинга, к примеру, обесценивает результат и лишает всякого смысла саму спортивную деятельность. Во всех этих случаях фигуранты скандала совершают проступки, противоположные целям, декларируемым в качестве ведущих для той социальной группы, к которой они принадлежат.

Скандальными будут проступки тех, кто по долгу своей деятельности должен предостерегать людей от самих проступков: учителей, воспитателей, священников. Т. Гоббс отмечает: «Является большим преступлением один и тот же противозаконный поступок, если он совершен человеком, пользующимся славой мудрого, так что многие следуют его

советам и подражают его действиям, чем если тот же поступок совершен обыкновенным человеком. Ибо первый не только совершает преступление, но преподает это как закон всем другим людям»²⁷. С этой точки зрения характеристикой всякого скандального поступка являются отягчающие обстоятельства его совершения — он не только преступает нормы, но и разрушает репутацию, подрывает доверие и служит дурным примером для окружающих.

Если конфликта между формальными и содержательными характеристиками не существует, у новости нет шансов перерасти в масштабный скандал. Конфликтности между формальными и содержательными характеристиками не наблюдается, например, в сообщениях о криминальной деятельности преступной группировки или о любовных романах известных представителей шоу-бизнеса. Можно отметить, что на некоторых этапах общественного развития публика не склонна усматривать особой конфликтности и в событиях, которые обычно считаются скандальными. Это происходит, например, в тех случаях, когда взяточничество для чиновников или мошенничество в среде бизнесменов становятся нормой, а честность воспринимается как отклонение; такие ситуации в целом достаточно негативно характеризуют моральную атмосферу в обществе. Ситуация может быть и обратной — в атмосфере внешней строгости (например, в ситуации викторианской Англии) скандальность может приписываться действиям, обычно не воспринимающимся как серьезное нарушение, например, описанию подробностей интимной жизни в литературном произведении.

В то время как формальные характеристики часто играют вторичную роль в скандале, анализ его содержательных оснований является обязательным условием понимания причин, последствий и сущности скандалов как таковых. Наиболее общим содержательным основанием для классификации скандалов может служить та сфера социального взаимодействия, в которой разворачиваются основные события. Традиционно выделяются экономическая, политическая, социальная, культурная сфера. Внутри каждой из сфер также можно вычленить различные типы скандалов, однако все они име-

²⁷ Гоббс Т. Левиафан // Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1991. С. 237-238.

ют ряд общих характеристик, отличающих их от скандалов, разворачивающихся в других сферах.

Скандалы в *экономической сфере* современного мира проявляются прежде всего как корпоративные скандалы. Они разнообразны и могут быть подразделены на три основные группы в зависимости от направленности нарушений. Первая группа экономических скандалов связана с действиями внутри корпорации: дискриминацией рабочих, нарушением их прав, несоблюдением техники безопасности, растратами и некомпетентными действиями должностных лиц и т. д. Вторая группа касается экологических нарушений: применения при производстве опасных для здоровья веществ, загрязнения окружающей среды; такие скандалы становятся все более распространенными в последние десятилетия. Наконец, третья и наиболее резонансная группа действий связана с ущербом, который действия корпорации наносят экономике как институту и обществу в целом. Ряд нарушений подрывает конкуренцию; к этой группе можно отнести практику дачи взяток государственным чиновникам за определенные преференции, сговор между компаниями для установления монопольных цен, незаконное получение тайной коммерческой информации; нарушение патентов. Многие нарушения связаны с нанесением ущерба общественности при помощи недобросовестной рекламы, сокрытия недоброкачества и опасности выпускаемых продуктов. Часто публика вводится в заблуждение ради того, чтобы несущие убыток компании, банки, фондовые биржи смогли дольше продержаться «на плаву»: в этом случае руководство и менеджмент скрывают реальное положение дел, а клиенты продолжают доверять свои средства компании, обреченной на банкротство. В этих и подобных им действиях наиболее четко ощущается конфликт между декларируемыми целями финансовых организаций и реальными действиями их представителей.

Скандалы в *политической сфере* делятся на две основные группы: скандалы, направленные на дискредитацию противника или, напротив, — на повышение популярности политика. В первом случае скандал является действенным способом политической борьбы. Он позволяет представить противника в самом невыгодном свете: как человека, лег-

ко поддающегося соблазнам, неразборчивого в сексуальном плане, корыстолюбивого, грубого, некомпетентного, нерешительного. Повод для политического скандала может принимать любую форму — сексуального проступка или криминального преступления, оскорбления, растраты, превышения власти и служебных полномочий и т.д. Цена ошибки на высших уровнях власти особо велика — любой проступок, соответствующим образом освещенный СМИ, может привести к масштабным отставкам высших должностных лиц, не исключая первых лиц государства.

Во втором случае скандал помогает привлечь к политику внимание СМИ и избирателей, создать ему имидж активного борца. Здесь политик выступает, скорее, в амплу актера. Такой способ получения известности, хотя и чреват некоторыми репутационными и имиджевыми потерями, активно используется народными избранниками, которые инициируют драки, позволяют себе оскорбительные высказывания в адрес должностных лиц и т. д.: «И не важно, что иногда это выглядит смешно и наивно, избиратель все-таки запоминает такие моменты и, придя на выборы, вспомнит этих депутатов («они хоть что-то делали»), и весьма вероятно, что выберет именно их»²⁸. Скандалная модель поведения довольно рискованна, поскольку она может непоправимо испортить имидж политика. Впрочем, в современном мире, где не существует общепризнанных моральных ориентиров, дивиденды от известности обычно перевешивают потери от дурной славы.

Скандалы в *социальной сфере* связаны с действиями, нарушающими принципы социальной справедливости и равенства. Сюда можно отнести, во-первых, скандалы, связанные с дискриминацией по половозрастному признаку: жестокими действиями по отношению к детям, нарушением прав пожилых людей, женщин. Вторая группа скандалов связана с дискриминацией по национальному и расовому признаку и оскорблением в адрес различных народов. Третью группу представляют скандалы, связанные с преследованием по конфессиональному признаку и действиями или вы-

²⁸ Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: РОССПЭН. 1997. С. 39.

сказываниями, которые затрагивают религиозные чувства. В принципе, скандал может быть вызван разжиганием ненависти к любым социальным группам и дискриминацией по политическим, классовым и прочим основаниям.

При всем своем негативном характере скандалы в социальной сфере — незаменимый инструмент, способствующий разработке и совершенствованию социальной политики. Часто они выполняют функции оценки и контроля; к тому же в ситуации публичного скандала легче всего провести законы, направленные на ужесточение политики по отношению к лицам, дискриминирующим уязвимые социальные группы. Как показывают исследования, большинство позитивных изменений, связанных с институционализацией социальной сферы, явилось реакцией на серьезные скандалы²⁹.

Особым разнообразием отличаются скандалы в *духовной сфере*. «В истории литературы и культуры можно выделить как минимум три типа скандального действия: скандал как техника построения художественного текста и столкновения репрезентируемых идей (например, в романах Ф.М. Достоевского); скандал как стратегия творческого поведения (например, книгоиздательская, выставочная, театральная деятельность участников авангардного движения); скандал как форма межлитературного общения (например, писательские ссоры и критические распри)»³⁰. Уже это (далеко не полное) перечисление свидетельствует, что скандал в духовной сфере существенно отличается от скандала в других сферах. Если для экономики или политики скандал — показатель сбоя в системе, то для культуры он — норма, необходимый инструмент и катализатор ее изменения. Для многих представителей искусства скандал — это образ жизни, инструмент творчества, способ получить известность и привлечь внимание к произведениям.

Начиная по крайней мере с периода романтизма, творчество тесно соседствует со скандальностью. Скандал был важным методом авангардного искусства, позиционировав-

²⁹ См.: *Butler I., Drakeford M. Scandal, Social Policy And Social Welfare*. NY.: Palgrave Macmillan. 2005.

³⁰ Брукс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 11.

шего себя в качестве «пощечины общественному вкусу», а в акциях современного концептуального искусства часто невозможно найти никакого иного содержания, кроме скандальности в ее чистом виде. Важную роль скандалы играют и в шоу-бизнесе, где они успешно компенсируют посредственные способности исполнителей.

В некоторых случаях скандалы являются показателями начала масштабных изменений в культуре. При закате старой системы ценностей или знаний новая духовная парадигма на первых порах всегда представляется скандальной. Так, для современников скандальными казались действия Христа, изгонявшего торговцев из храма, или идеи Джордано Бруно, утверждавшего, что Земля вращается вокруг Солнца.

В целом скандалы в области культуры являются способом ее существования, провокациями, направленными на разрушение отживших традиций и постоянное обновление мира³¹.

³¹ См.: Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СКАНДАЛА

1. Функции

Вопрос о функциональности или дисфункциональности скандалов является довольно сложным и проблематичным. Дело в том, что в социологии под термином «функция» обычно понимают роль, которую выполняют различные социальные структуры в процессе по поддержанию целостности и устойчивости систем, частями которого они являются. Естественно, что социальные функции разнообразны, их роль в обществе постоянно дискутируется, но при всем этом согласие достигается при выделении преобразовательной, информационной и мировоззренческой функций³². Соответственно концепция функционализма содержит важное положение, согласно которому адаптация и интеграция отдельных частей целостно исходят из принципа саморегулирования с целью поддержания равновесия системы.

Исходя из этого, такое общественное явление, как скандал, по определению можно поместить на шкалу дисфункций как действие, противоречащее сохранению сложившейся системы. Однако в реальности складывается иная ситуация. Ныне скандалы стали тщательно организовываться, использоваться для получения ожидаемых (хотя иногда и малоожидаемых) результатов. Некоторые последствия скандалов оказываются не только противоречивыми, но и сбалансированными, то есть и функциональными. В вечной борьбе индивидов и групп они являются чрезвычайно полезными, хотя просчитать их последствия бывает очень сложно, а порой и вовсе невозможно. В этом смысле можно указать на такие их функции, как информационная (диагностическая), образовательная, «очищающая», уравновешивающая.

С такой позиции функции любого скандала, даже семейного, оказываются проникнутыми высокой идеей равенства и справедливости. Даже информация о скандале может рассматриваться как психотерапевтическая: страдания вовле-

³² Социологическая энциклопедия. М.: Мысль. 2003. Т.2. С. 727.

ченых в какой-либо скандал облегчают собственные страдания. Потребляя информацию, которая в моральном плане ставит его хоть ненамного выше участников скандала, человек утверждает себя в этом мнимом социальном статусе, поскольку он может как дистанцироваться от случившегося, так и косвенно поучаствовать в процессе. Зачастую посредством скандала человек, торжествуя, доказывает свою правоту, удовлетворяя свои комплексы. Благодаря скандалу он может совершенствовать стиль своего поведения. Особенно это важно для профессионала, цель которого — обезопасить себя и подавить конкурента. Такая цель довольно утилитарна, она характерна для всех прагматиков. Политики масштабного уровня понимают: любое недовольство напоминает скопление пара в котле, и его следует выпускать. К сожалению (а может быть, и к удовольствию), почти никто из политиков не знает ни состояния самого котла, ни его клапанов.

Подведя некоторые предварительные итоги, заметим, что потребители информации о скандалах 1) мнимо повышают свой статус и место во властной иерархии; 2) подтверждают свое часто скрываемое негативное мнение и о всех представителях так называемой элиты; 3) испытывают терапевтическое ощущение в виде удовольствия; 4) реализуют желание обсудить полученные сведения с теми или иными людьми, то есть расширить свое коммуникационное пространство. В российском обществе скандал играет важную роль как один из немногих доступных населению способов социального и информационного обмена.

Любое скандальное происшествие, становясь известным публике, свидетельствует о том, как те или иные группы и отдельные личности приобщаются к нему в рамках допустимого и каким образом и где они останавливаются; в каких случаях эти рамки преодолеваются и каковы последствия этого преодоления для сложившейся культуры. Таким образом, скандалу свойственна сигнальная функция.

Скандал возник вместе с обществом и всегда сопровождал историю человечества. Первым скандалом можно считать изгнание Адама и Евы из рая. Н. Брукс, посчитала, что скандал возник еще ранее, то есть сразу же после появления пары, прообраза социума. Согласно ветхозаветным мифам, скандал связан с первой женщиной (Лилит). «Со-

творив Адама, который был одинок, Господь сказал: «Нехорошо быть человеку одному» (Бытие 2:18). Затем он создал женщину для Адама из земли, так же как и самого Адама, и назвал ее Лилит. Адам и Лилит стали немедленно ссориться. Лилит сказала: «Я не лягу снизу». А он сказал: «Я не лягу под тобой, буду только сверху, так тебе соответствует быть только в нижнем положении, ибо я превосхожу тебя». Лилит ответила: «Мы равны, так как оба были созданы из земли» (Алфавит Бен-Сиры 23 а-б)³³.

Было также замечено, что те или иные действия людей, произошедшие несколько столетий или десятилетий назад, не считались скандальными, а многие модели поведения, ушедшие в далекое прошлое, ныне бы явно считались таковыми. Так, например, дуэль и связанные с ней события получали в свое время культурное оправдание. Поведение пирующих в Средние века с современных позиций посчиталось бы верхом неприличия. Словом, в той или иной мере скандалу свойственна и историческая функция.

Таким образом, скандал выполняет двойственные функции в обществе. С одной стороны, он привлекает внимание публики к какому-то сбою в социальной системе и тем самым способствует выработке мер по его ликвидации. Показывая, что между реальностью и должным существует зазор, скандал стимулирует поиск институциональных путей преодоления этого зазора. Для этого создаются общественные комиссии, специальные комитеты, процедуры принятия решений и смещения виновных с должностей, нормативные документы (законы, регламенты, стандарты, моральные кодексы). Публичные дискуссии по поводу скандальных событий позволяют установить более четкие правила поведения в различных областях общественной деятельности, повышают уровень ответственности и прозрачности в политике и экономике, способствуют упорядочению социальной сферы и стимулируют культурное развитие. Таким образом, в числе социальных функций скандала можно назвать контрольно-реформирующую³⁴.

³³ Семиотика скандала. М.: Европа, 2008. С. 13.

³⁴ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

С другой стороны, если общество постоянно сотрясают скандалы, это свидетельствует о серьезных социальных проблемах. В больших количествах скандалы наносят серьезный ущерб репутации властей и снижают уровень доверия к существующим социальным институтам и практикам. Например, политические скандалы подрывают веру избирателей в компетентность политиков, парламентские нормы, демократические институты, а скандалы, которые касаются расовых, национальных, конфессиональных различий, способны серьезно поляризовать общественное мнение и расколоть общество на несколько непримиримых лагерей. Раздувание таких скандалов способно привести к перерастанию дискуссий в серьезные социальные конфликты. В итоге это может привести к потрясениям и радикальным экономическим, политическим, духовным трансформациям в обществе. В этом смысле скандалы выполняют функцию эскалации конфликта. Хотя в определенном смысле эта функция имеет и положительную сторону, так как во времена перемен уничтожение старого позволяет расчистить пространство для новых масштабных трансформаций в культуре.

В самом общем смысле скандал является совокупностью представлений, которые подрывают доверие общества к какой-либо социальной роли, группе, институту, традиционной парадигме духовной культуры и указывают на необходимость социального обновления. Как важный феномен общественной морали, скандал оказывает серьезное воздействие как на отдельных людей, вовлеченных в скандал, так и на социальные институты и культуру в целом.

В современном мире, где репутация и доверие играют все более важную роль, а в культуре происходит смена мировоззренческих парадигм, скандал приобретает особое значение и для социальной теории, и для социальной практики.

2. Участники

Характер разворачивания скандала и его результаты зависят от действий всех лиц, участвующих в нем. Поэтому при анализе причин скандала и при прогнозировании его последствий важно идентифицировать всех его фигурантов

и выявить их потребности и интересы. К фигурантам помимо непосредственного виновника можно отнести публику, представителей власти, журналистов и других заинтересованных лиц.

Виновниками (или объектами) скандала обычно являются лица, наделенные властными полномочиями (политики, чиновники) или распоряжающиеся крупными денежными потоками (банкиры, финансисты, крупные бизнесмены). Поведение таких лиц всегда находится в центре публичного внимания, поскольку от их действий зависят судьбы большого количества людей. Виновниками часто являются и представители профессий, предполагающих высокий уровень доверия со стороны публики: врачи, учителя, священники. Часто сопровождается скандалами и жизнь многих публичных лиц. При помощи скандалов представители шоу-бизнеса, актеры, художники, некоторые политики завоевывают популярность. Впрочем, виновниками скандала могут быть и обычные люди, не оправдавшие возложенного на них доверия и неправильно распорядившиеся предоставленной им властью (например, усыновители, жестоко обращающиеся с детьми).

«Спусковым крючком» для возникновения скандала служит событие, разрушающее доверие общества к виновнику и демонстрирующее тот факт, что он занимает положение, которого не заслуживает по своим моральным качествам. Конечно, не всегда виновник действительно виновен — скандал может быть основан на клевете, подтасовке или упрощении фактов, чрезмерной драматизации ситуации. Нередки случаи, когда скандал превращается в травлю, охоту на ведьм, а виновник становится «козлом отпущения», на которого взваливается ответственность не только за его собственные, но и чужие грехи. Однако большая часть скандалов все же основана на реальных проступках конкретных людей.

Поскольку дискредитирующие себя действия виновник предпочитает хранить в тайне от публики, в ситуацию может вмешаться *информатор*, превращающий проступок в достояние общественности. Мотивы информатора могут быть различными. Его действия можно объяснить желанием донести до общества скрываемую от него правду, разоблачить антиобщественную деятельность, восстановить

справедливость и т. д. С этой точки зрения информирование может рассматриваться как обязанность, моральный долг, даже героизм. С другой стороны, отношение окружающих к информаторам обычно отличается от восхищения героическими личностями: в их адрес часто можно услышать обвинения в разглашении приватной информации, злоупотреблении доверием, доноситељстве, предательстве.

Проблема информирования особенно остро стоит в современной деловой этике, где она рассматривается в контексте конфликта корпоративных ценностей и принципов общечеловеческой морали. Основной вопрос здесь касается оправданности разглашения служащим информации об аморальных действиях внутри организации. Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. Как правило, информирование действительно считается морально обязательным, если деятельность организации наносит серьезный вред обществу, а информирование ответственных лиц внутри организации не принесло результата; при этом нарушения документально подтверждены и у информатора есть причины считать, что его поступок исправит ситуацию к лучшему³⁵. В остальных случаях возникают вопросы о моральности мотивов информатора, само же информирование может являться достаточно сомнительной практикой с моральной точки зрения.

Если у заинтересованных лиц имеется задача дискредитировать противника при помощи скандала, однако убедительных поводов для этого не обнаруживается, в процесс может вмешаться *провокактор*, усилиями которого скандальная ситуация может быть создана искусственным образом. Провокактор может подталкивать противника к проступкам, совершать неблагоприятные действия под его видом или от его имени, распускать недостоверные слухи, умышленно возбуждать общественность с целью вызвать беспорядки и т. д. В условиях низкой правовой культуры провокация — один из наиболее распространенных способов расправы с неугодными, устранения конкурентов в бизнесе, компрометации политических фигур. Довольно часто провокации (под назва-

³⁵ Де Джордж Р.Т. Деловая этика. Т. 1. СПб.: Экономическая школа. 2001. С. 423-432.

нием оперативных экспериментов) применяются правоохранные органами к нечистым на руку лицам, которых сложно уличить в преступлении. Однако даже если провокация применяется, чтобы вывести преступника на чистую воду, она остается весьма сомнительным как в моральном, так и в правовом плане способом установления истины.

Если скандал позволяет получить серьезные политические или экономические дивиденды, следует искать тех, кому выгодны последствия скандала. Часто за действиями, провоцирующими скандал, стоят тайные *организаторы*. Они не участвуют в конфликте непосредственно, но тщательно планируют его ход и действия на случай разных вариантов развития скандала. Организаторы могут скрытно дирижировать скандалом от его начала и до завершения: продумывать и организовывать провокации, вести поиск и стимулирование возможных информаторов, тщательно документировать возникшие ситуации, «подогревать» общественное мнение, готовить открытые письма и митинги от имени «возмущенной общественности», распространять слухи, публиковать заказные статьи или организовывать дозированные «утечки» информации журналистам.

Решающую роль в развитии скандала играют *журналисты*. Одна из основных функций журналистики — контролирующая — направлена на то, чтобы раскрыть и обнародовать факты нарушения социальных норм. В этом смысле нацеленность на скандалы — сущностная характеристика свободной прессы, а возможность разоблачения лиц, наделенных властью, является показателем наличия элементов демократии и свободы слова в государстве. Кроме того, сенсационность новостей — это залог привлечения внимания публики к событию, которое позволяет отдельно журналисту сделать себе имя, а журналу, газете, телепередаче или новостной ленте расширить свою аудиторию. Однако постоянная погоня за скандальностью сама по себе способна стать причиной нарушения моральных и правовых норм. Известны случаи, когда журналисты ради погони за сенсациями прослушивали частные телефонные разговоры, подкупали сотрудников силовых ведомств, оказывали давление на политических деятелей. Другим негативным следствием чрезмерного увлечения скандалами является смещение на

периферию внимания публики важных социальных проблем, требующих решения, но не обладающих признаками сенсационности и скандальности.

СМИ — важнейший инструмент перехода от события к публичной реакции: в современных условиях без их вмешательства скандал невозможен. С этой точки зрения нельзя сказать, что СМИ разоблачают или раскрывают скандал. Фактически они конструируют его.

В процесс конструирования скандалов на определенном этапе вмешиваются *контролеры* — лица, определяющие, какие новости будут находиться на приоритетных позициях, а какие из них необходимо смягчить или скрыть от общественности. В роли контролеров, как правило, выступают редакторы газет, журналов, новостных лент и телепередач, представители специальных отделов, выполняющих цензорские функции, отдельные представители власти, способные оказывать давление на прессу. Контролирующие инстанции осуществляют селекцию и отбор новостей, принимая при этом во внимание политику государства и политическую ситуацию в целом; экономические интересы групп, финансирующих газету или журнал; сложившиеся отношения с представителями различных организаций и институтов, замешанных в скандале. На ранних этапах контролеры могут попытаться скрыть информацию, не позволяя скандалу стать достоянием публики, или же, напротив, — развить скандал, если его фигурантами выступают конкуренты и политические противники.

Степень скандальности ситуации зависит исключительно от мнения *публики* по этому поводу. Никакие усилия журналистов или закулисных организаторов не смогут раздуть скандал, если событие покажется публике малоинтересным. И, наоборот, — никакие контролирующие инстанции не смогут скандал замаять, если он серьезно оскорбляет моральные чувства общественности. В этом смысле самым адекватным будет такое определение скандала: *скандал есть то, что считает скандалом публика*.

«Публика» — это понятие, которое используется для обозначения стихийной группы; по смыслу оно ближе всего к словам «толпа» и «масса». Социальные психологи полагают, что поведение человека в стихийной группе качествен-

ным образом отличается от поведения отдельного индивида. Например, во время уличных беспорядков, бунтов, погромов люди способны на такие поступки, на которые они никогда не решились бы в одиночку. Желания людей, ощутивших себя органичной частью стихийной группы, принимают общую направленность. Публика склонна к созданию кумиров и подчинению авторитетам. Она редко пытается разобраться в глубинных причинах событий и предпочитает самые упрощенные и шаблонные схемы их объяснения. В структуре побуждений стихийных групп иррациональные мотивы преобладают над рациональными. Это часто провоцирует коллективную экзальтацию и агрессивность, а также делает публику легкой жертвой для разнообразных манипуляций со стороны организаторов или провокаторов скандала.

Скандал, в определенной степени, есть форма неформальной коммуникации между широкой общественностью и представителями *власти*, как политической и экономической, так и духовной: политиками, предпринимателями, деятелями культуры. Возмущение поведением лиц, наделенных властью, давление на них со стороны общественного мнения служит одним из способов донести общественное мнение и оценки до самых верхов. Ответом на возмущение ответственности являются определенные действия властей: они могут проигнорировать его, выступить с опровержениями, обвинить противников в подтасовке фактов. Если же общественное мнение не удастся склонить на свою сторону, власти вынуждены публично присоединиться к мнению публики и инициировать судебное преследование виновных.

Можно сказать, что скандал является эффективным информационным «лифтом» для социальных проблем. Многие серьезные проблемы (жестокое отношение к детям, ВИЧ, нарушения правил дорожного движения и т. д.) обычно находятся на периферии интересов публики и привлекают ее внимание только в связи с особыми информационными поводами, в качестве которых и выступают скандалы. Скандалы, приковывая на короткое время интерес публики к проблеме, подталкивают власти к активизации поиска путей ее решения. В ряде случаев активисты различных общественных организаций организуют искусственные скандалы или

скандальные мероприятия специально для привлечения внимания публики и властей к экологическим или политическим проблемам. Скандал в таком случае становится специфической формой диалога народа и власти.

Таким образом, с ролевой точки зрения в современном скандале участвуют три основных стороны: непосредственные виновники, пресса и общественность. Кроме этого, в ряде случаев к участникам скандала можно отнести организаторов, информаторов, провокаторов, контролеров и представителей власти, тем или иным образом влияющих на развитие ситуации³⁶.

3. Этапы разворачивания

Анализ логики разворачивания скандала во времени и соотношения действий его фигурантов позволяет увидеть, что в ходе своего развития различные скандалы проходят сходные стадии.

На первой стадии, которую можно назвать *предварительной*, или же предшествующей собственно скандалу, совершается нарушающий общественные нормы проступок (или серия проступков). Если таковых не существовало, представления о проступке искусственно конструируются на основе клеветы или подтасовки фактов. В дальнейшем в процессе скандала наблюдается постоянная апелляция к этим представлениям как к свершившемуся факту. Обычно на предварительной стадии информация о проступке держится в тайне и еще неизвестна широкой публике.

На стадии *информирования* факты нарушений становятся достоянием прессы или представителей власти. Этот этап обычно охватывает небольшой срок, но иногда он может повторяться через определенные промежутки времени. Например, во время Уотергейтского скандала анонимный информатор периодически выходил на связь с журналистами и передавал им информацию, компрометирующую президента Никсона.

³⁶ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ, 2013. С. 11.

Применительно к скандалам в организациях принято различать внутреннее и внешнее информирование. Если в организации созданы внутренние механизмы реакции на жалобы и разоблачения, имеются шансы, что скандал будет решен собственными силами и не выйдет за пределы компании. В ином случае информатор будет вынужден перейти к внешнему информированию — т. е. сделает факты нарушений достоянием прессы или правоохранительных органов.

На стадии *распространения* информация о скандальных событиях появляется в печатных и электронных изданиях, циркулирует в социальных сетях, передается при помощи электронных сообщений, в виде устных слухов, охватывая по принципу «снежного кома» все большее количество людей.

На стадии *отрицания* заинтересованные лица пытаются скрыть некоторые факты и каким-то образом замаять скандал. С целью прекращения публикаций они осуществляют давление на прессу, а в конкурирующих СМИ нередко появляются опровержения и обвинения в фальсификации. Организуются попытки дискредитации информаторов и организаторов, призванные показать их моральную нечистоплотность и корыстную заинтересованность в скандале. В некоторых случаях инициируется судебное преследование информаторов, которых обвиняют в клевете, разглашении тайны или в каких-либо иных преступлениях, не связанных со скандалом, но компрометирующих их; параллельно могут идти попытки запугивания свидетелей и журналистов. Часто проводятся попытки подавить активность в публичном дискуссионном пространстве. С этой целью запрещаются митинги, закрываются сайты. Все чаще на Интернет-форумах дискуссии по существу вопроса заглушаются при помощи так называемого троллинга (размещения множества провокационных или оскорбительных сообщений).

Если скандал не удается замаять сразу, власти иногда пытаются организовать новый скандал с целью переключения внимания публики на него. Такие действия, например, изображаются в сатирическом фильме Б. Левинсона «Плутводство», где ради отвлечения публики от сексуального скандала с участием президента власти инсценируют небольшую войну.

На стадии *драматизации* происходит раздувание скандала. Иногда для возникновения скандала достаточно только

утечки фактической информации, которая говорит сама за себя. Однако, поскольку газетное пространство и телевизионное время лимитировано, а аудитория любого СМИ способна воспринимать ограниченное количество информации, журналисты заинтересованы в том, чтобы их новости находились на приоритетных позициях (передовицах газет, первых местах в эфире) достаточно долгое время. Для этого новости должны быть более сенсационными, увлекательными и эмоциональными. В целях драматизации определенные аспекты проблемы могут скрываться, некоторые (особенно негативные) — преувеличиваться, имеющиеся факты — искажаться, а недостающие — придумываться. В целом, с точки зрения СМИ, скандал — это особый жанр со своими сценическими особенностями, который строится не по правилам объективного описания фактов, а скорее по законам бизнеса, рекламы, беллетристики и с учетом потребительской психологии.

На стадии *разбирательства* на публичных аренах (страницах газет и журналов, телевизионных ток-шоу, Интернет-форумах, митингах) разгораются споры между обвинителями и защитниками основных виновников скандала. Если на предыдущем этапе основными действующими лицами были журналисты, то на стадии разбирательства шанс высказать свои аргументы и опровергнуть чужие получают все заинтересованные группы и лица. К решению проблемы привлекаются различные консультанты и эксперты (как правило, обслуживающие интересы конкретных групп и часто создающие лишь видимость объективности и глубины разбора причин конфликта). На фигурантов скандала часто навешиваются ярлыки, подрывающие их репутацию. Скандал становится поводом для официальных заявлений, разъяснений, оправданий властей. Кульминацией этой стадии является инициирование преследования виновных, судебные процессы с прениями сторон, парламентские дебаты, даже процедуры импичмента и т.д.

На стадии *завершения* скандала оцениваются его последствия. Если доказывается необоснованность скандала, он прекращается. Если же подтверждается виновность призванных к ответу участников, за этим решением могут последовать кадровые перестановки, увольнения, тюремное

заклучение и т. д. В некоторых случаях после скандалов вносятся изменения в законодательство, проходят реформы, целью которых является недопущение повторения проступков. Результатом скандала может явиться также потеря репутации виновниками проступка и снижение доверия к социальным группам и институтам, уличенным в аморальных действиях или поведении.

Скандал может просто угаснуть из-за «эмоциональной усталости» публики, которая со временем теряет к нему интерес. Отсутствие интереса заставляет прессу прекратить его освещение и переключиться на другие, более свежие скандалы. Аудитория же склонна «вычеркивать» проблему из своего сознания, когда она исчезает из новостной ленты, вне зависимости от того, решена она или нет. Тем не менее, нерешенная проблема способна спровоцировать повторение скандала, но уже в более деструктивной форме.

Таким образом, рассматривая разворачивание скандала во времени, можно выделить несколько последовательных стадий, характерных для этого процесса: совершение проступка, передача сведений о нем СМИ, распространение информации, попытки сокрытия фактов, их драматизация, обмен мнениями и, наконец, завершение процесса с тем или иным результатом. К конструктивным результатам скандала можно отнести упорядочивание норм, изменение законодательства, реформирование общественных институтов³⁷.

4. Коммуникационные особенности

Скандал, как показал анализ этапов его развития, развивается в основном в коммуникативном пространстве, а ключевым участником скандального взаимодействия в современных условиях являются СМИ — пресса, телевидение, Интернет.

Особенно очевидно это на примере российского общества, которое в начале третьего тысячелетия оказалось в новой ситуации: пережив период стремительного разрушения устоявшихся коммуникаций, взорванных потоками длительно

³⁷ Сычев А.А. Скандал как феномен общественной морали // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 11.

скрываемой информации, оно восстанавливается в новом качестве. Социум, точнее, отдельные его группы стали более энергичными и динамичными, насыщены активностью стремящихся к успеху индивидов, что, естественно, сопровождается столкновением интересов, провокациями и скандалами, то есть своеобразными «коммуникативными взрывами»³⁸.

Современные СМИ ориентированы на скандалы. Как мясо для хищников, так необычное, из ряда вон выходящее, скандальное является пищей для СМИ (А.А. Гусейнов). Разумеется, такой интерес к скандалам с их стороны отчасти органичен, ибо они (скандалы) у людей всегда вызывают интерес, запоминаются, становятся предметом пересудов, скрашивающих общение, общей темой для представителей разных сфер, профессий и т. д. Проблема в том, что в настоящее время СМИ не просто удовлетворяют естественный интерес людей к скандалам и отражают возросшую скандальность наших общественных нравов, они становятся также самостоятельным и довольно эффективным источником и того и другого. В результате складывается ситуация, когда сама скандальность становится привычным состоянием.

Нельзя не обратить внимания и на такое явление, как возникновение целой плеяды скандалов, способных создавать информационные поводы (стыдливо именуемые, искусственно нагнетаемые, реальные и имитационные действия для создания ситуаций, в том числе и скандальных) для привлечения внимания. Н. Луман считал этот процесс обычным делом. «Средства массовой коммуникации обозначают содержание своих коммуникаций и поэтому должны его отличать. Например, они информируют о скандалах и должны при этом предполагать, что нескандальное поведение также было возможным. При этом, однако, от рефлексии ускользает, что можно было бы поставить вопрос (который мог бы поставить социолог), почему вообще наблюдение осуществляется в рамках схемы скандальное/ нескандальное и почему частота использования этой схемы с очевидностью возрастает)»³⁹.

³⁸ Ярославцева Е.И. Скрытый скандал в семействе субъектов образования // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 55-76.

³⁹ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис. 2005. С. 200.

Политолог А.Н. Чумиков рекомендует для повышения интереса к любой информации определить следующие формы ее подачи:

Эксклюзив — реальное обладание и (или) его формальное декларирование исключительным, отсутствующим у других сегментом или источником информации.

Сенсация — подача события как качественно отличающегося от себе подобных, нарушающего традиционные представления, выпадающего из русла эволюционного события.

Интрига — создание информационного контекста ребуса, разгадка которого до определенного времени неизвестна или неочевидна.

Провокация — придание событию наступательного, чрезмерно эмоционального, явно задевающего чьи-то мнения или интересы характера; создание публичного вызова, рассчитанного на обязательную последующую реакцию целевой группы или персоны.

Информационная война — демонстративная, жесткая, беспощадная, регулярная критика каких-либо позиций и действий, имеющая целью как их дискредитацию, так и сбалансированное прикрытие собственных недостатков или слабых мест⁴⁰.

Передачи и новости видные телевизионщики обычно делают на несколько условных групп. В частности, на «убойные», лирические и умные. На их профессиональном жаргоне к «убойным» относятся сюжеты, поражающие своей сенсационностью, привлекающие внимание зрителей неожиданностью информации. Здесь скандалы просто неизбежны. Лирические сюжеты обращены к чувствам людей, они приковывают внимание зрителей с помощью приема идентификации. Умные сюжеты являются важными, актуальными, редакция не может не дать их в эфир, но ввиду их серьезности они не способны апеллировать к зрительским эмоциям⁴¹. Впрочем, в одной из своих последних работ А.Н. Чумиков предостерегает: «...журналист не является

⁴⁰ Чумиков А.Н., Бочаров А.Н. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов. М.: Инфра-М. 2012. С. 139.

⁴¹ Любимов А.М. Проблемы трансформации телевизионного вещания в России. СПб.: ГУП. 2011. С. 34,37.

ни “персоной нон грата”, ни вашим коллегой, на которого можно положиться. Будьте открытыми и надежными как информационный источник. Но поддерживайте конструктивную дистанцию. Усредненный журналист будет с вами шутить, обниматься, выпивать, клясться в вечной дружбе... При этом он обязательно выполнит редакционное задание, в большинстве случаев вам неизвестное и, скорее всего, не отвечающее вашим ожиданиям»⁴².

С моральных позиций не всегда понятны последние тенденции СМИ, которые направлены не только на ориентацию на скандалы и появление специальных изданий, посвященных скандалам. Вторжение скандалов в тематический баланс интеллектуальной системы часто негативно влияет на моральные нормы. И дело не только в сетевом общении, где войны блогеров придают скандалам заметную значимость.

Общая закономерность проступает в самом факте обыденности, то есть обычности и частотности появления скандалов в коммуникациях. Этот факт А.А. Гусейнов назвал одной из опасных особенностей публичных нравов наших дней. Скандалы просто перестают восприниматься как скандалы, становятся делом обычным, довольно легким и целиком сводятся к внешней стороне, эпатажности, то есть лишаются своего креативного начала. Это, конечно, связано с общими тенденциями развития общественных нравов, о которых говорилось выше, их индивидуализацией и необычайно возросшим динамизмом, но, надо думать, является лишь их побочным следствием⁴³. Замечено, что эта особенность хорошо прослеживается на примере динамики скандала в литературной среде: авторы сборника «Семиотика скандала» обращают на это особое внимание⁴⁴. Однако и в других сферах отмечается восприятие скандала как нормы.

А.А. Гусейнов приводит характерный случай: «В 2009 году институт Философии РАН проводил в Москве конгресс: «Философия в диалоге культур» (ЮНЕСКО). Такой гуманитарный форум, какие случаются в России довольно редко,

⁴² Чумиков А.Н. Антикризисные коммуникации. М.: Аспект-пресс. 2013. С. 143.

⁴³ Гусейнов А.А. Аксиология скандала //Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 42.

⁴⁴ Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 584.

и уж, конечно, не каждый год. Мы, естественно, хотели привлечь к данному мероприятию внимание СМИ и с их помощью — широкой общественности; это диктовалось не просто нашими профессиональными амбициями, а самим существом дела. Но, к сожалению, мы натолкнулись на полное равнодушие. Тем не менее конгресс начал свою работу, хотя и без присутствия центральных СМИ, но в торжественной, приподнятой атмосфере, при полном Центральном зале Дома ученых. Во время пленарного заседания в кулуарах произошел досадный инцидент: один неудачливый бывший студент, находящийся под наблюдением психиатров, попытался ударить известного профессора; молодого человека немедленно нейтрализовали, чтобы передать в руки правоохранительных органов и врачей. Однако быстрее тех и других на месте оказались сразу три телевизионные бригады центральных телеканалов, которые интересовались исключительно этим происшествием. Эта «новость» была быстро растиражирована и невольно привлекла к нашему мероприятию внимание, которого мы с большими усилиями и безрезультатно пытались добиться прямым путем. Могло даже возникнуть подозрение (впрочем, высказанное некоторыми знатоками такого рода дел), что этот маленький дебош был нарочно придуманной пиар-акцией. Как бы то ни было, удивление (и даже восхищение) вызывает то, как быстро журналисты узнали об этом инциденте и с какой целеустремленностью они на него отреагировали! Среди прочего они попросили меня прокомментировать данное происшествие»⁴⁵. Далее А.А. Гусейнов продолжает: «Мое недоумение, почему их не интересует интеллектуально напряженный разговор между философами всех континентов, который происходит в зале, а интересует только этот досадный эпизод, все мои усилия рассказать о нашем конгрессе, поговорить об обсуждавшейся тут же за стеной проблеме, наталкивались на молчаливое равнодушие. Журналистов интересовал только этот скандал и интересовал только в скандальном аспекте (а как это было, кто первым вмешался, оказался ли профессор травмирован и т. п.). Они вели себя, как

⁴⁵ Гусейнов А.А. Аксиология скандала //Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 37-38.

люди, которые исключительно нацелены на необычное, на сенсацию, на скандал»⁴⁶.

Подведем некоторые итоги, предварительно различив частоту и размах использования скандалов в федеральных, с одной стороны, и провинциальных СМИ — с другой. Для примера можно привести высказывание О.И. Лепилкиной по поводу распространенности скандалов в региональной прессе. Она считает, что сегодня сформировались два подхода в теории и журналистской практике к скандалам в средствах массовой информации. Одни полагают, что скандал — лучший информационный повод для СМИ, другие считают, что от частого использования это понятие обесценивается и потому должно не употребляться вообще или даваться дозированно. Однако с учетом того, что журналистика «по природе своей ведет всесторонний мониторинг всех сфер жизни и через эту органичную для себя роль наблюдателя и обозревателя может и должна определять, как принято говорить, «повестку дня» — представлять общественности совокупность всех проблем, суждений, то есть всестороннюю информационную картину современности.., всего актуально значимого в действительности», исключить скандальные ситуации и факты из создаваемой картины мира — значило бы сделать ее фрагментарной⁴⁷.

Р. Готлиб подготовил обзор различных случаев обсуждения скандалов в сети Интернет, впрочем, предварительно сделав оговорку, что оценка релевантности данного обзора ресурсов существенно затруднена⁴⁸.

Оказалось, что более интересными для пользователей Интернет-форумов часто оказываются скандалы, предмет которых имеет связь с их повседневной действительностью, с жизненным укладом рядовых членов российского общества. К таковым он причислил скандал, связанный с майором российской милиции А. Дымовским, в ноябре 2009 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Лепилкина О.И. Скандал в предметной сфере современной региональной прессы //Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 203.

⁴⁸ Готлиб Р.А. Обзор форумов о скандалах политической направленности в Рунете. //Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 151–168.

открыто выступившим в Интернете с глубокой критикой практики работы российской милиции, а позже арестованным и заключенным под стражу. Простой милиционер, вступивший в неравную борьбу с коррумпированной системой, по мнению подавляющего большинства участников, достоин поддержки. На Интернет-форумах в тот период часто можно было встретить такие высказывания: «Наша милиция на страже интересов государственных преступников. Сломают любого. Любого, кто встанет у них на пути. Я очень благодарен Дымовскому за его поступок. Честные люди в современной России редкость. Но почему его выступление не влечёт за собой массовые акции гражданского неповиновения? Почему общество не защищает его? Ведь он озвучил не только свои мысли. Что? Настоящих буйных мало? Давайте поможем ему»⁴⁹.

Во многих случаях обсуждаемая скандальная ситуация оказывается отправной точкой для дальнейшей дискуссии, но далее вектор обсуждения уже меняется. Это касается, например, таких типично скандальных ситуаций, как драки среди политиков.

При обсуждении ключевых политических фигур, их ближайших родственников, а также всемирно известных политических деятелей в отставке иногда возникает обратная ситуация, когда их действия или высказывания, подчас даже не выходя за рамки приличия, могут вызывать широкий отклик на форумах, что само по себе формирует для произошедшего своего рода скандальное обличие. Подробно анализируются отдельные высказывания и с виду незначительные аспекты поведения и деятельности В. Путина, Д. Медведева и многих зарубежных лидеров.

Иногда действия политика, направленные на укрепление положительного имиджа в глазах электората, могут получить в виртуальном пространстве неожиданную интерпретацию. Типичным примером можно считать развитие событий после истории с поднятием тогдашним премьер-министром амфор со дна Таманского залива.

Р. Готлиб сделал вывод, о том, что лишь некоторые из предлагаемых тем представляют интерес для обсуждения.

⁴⁹ <http://aviaforum.net/forum/8-471-1>.

Для того чтобы вызывать существенный отклик, скандальные события, как правило, должны быть или шокирующими по своей сути, или актуальными для обсуждающих их граждан.

Исследование участника проекта показало, что сами фигуранты обсуждаемого скандального поведения или события представляют для обсуждающих меньший интерес, чем последствия произошедшего и особенности социальной и политической действительности страны, которые либо стоят за произошедшим, либо проиллюстрированы им. Если в начале дискуссии часты или превалируют высказывания (обычно критические) об участниках скандала и оценки (обычно негативные) их поведения, то в скором времени внимание участников обсуждения даже шокирующих скандалов, как правило, фокусируется на том, что значит или символизирует произошедшее в контексте практической жизни и деятельности участников. Они как бы склонны использовать обсуждаемое событие как доказательство своих мнений и стереотипов.

Еще одной очевидной тенденцией, в том числе в отношении реакции на скандальную информацию, является радикализация общественного мнения Рунета, увеличивающееся количество заведомо необоснованных позиций.

В различных печатных и онлайн-выходных изданиях все чаще появляются статьи, посвященные обзору выступлений на форумах, как одной из форм мониторинга российского общественного мнения. Основная нота этих статей — беспредельное удивление: «Что происходит с российскими интеллигентами и интеллектуалами?» Ведь именно они больше всех пользуются Интернетом и интересуются общественной жизнью и политикой. В реальности же в сети процветают ксенофобия, расизм и элементарное хамство.

Если в начале эпохи Интернета в его дискуссионном пространстве превалировала если не либеральная идея, то, по меньшей мере, демократическая дискуссия, то ныне оно представляет жесткое тоталитарное видение.

Готлиб отметил, что налицо органическая сочетаемость между скандальной направленностью обсуждаемой на форумах Рунета информацией и возрастающей радикализацией социально-политической мысли его пользователей — по

крайней мере, в сфере скандальной политической новости. Скандалы если и не всегда напрямую подогревают национальную, расовую и социальную неприязнь в обществе, то (пускаяй и опосредованно) все же способствуют укреплению (особенно среди лично не сформировавшихся граждан) негативных социальных стереотипов и крайних позиций в отношении чуждых им общественных групп и структур.

С другой стороны, в среде интеллектуальной (или, по крайней мере, думающей) аудитории наблюдается нежелание принимать скандальную тематику как дискуссионную самоцель. То есть идёт поиск причин и возможных последствий скандальных событий.

И.Г. Яковлев проанализировал реакцию на скандал пользователей социальных сетей. Объектом такого анализа явилась и сама база сообщений, связанных со скандалом вокруг известного дела государственного секретаря Союзного государства Павла Бородина. Она включала 625 сообщений русскоязычной Интернет-прессы и охватывала весь цикл скандала с конца 2000 г. до начала 2001 г.

Сам скандал заключался в том, что П. Бородин, выехавший на инаугурацию президента Дж. Буша-младшего, был по представлению властей Швейцарии выдан этой стране по обвинению в экономических злоупотреблениях. Швейцарские органы юстиции не смогли доказать виновность П. Бородина. В результате он вернулся в Россию, сохранив свою должность.

Сама база включает: адрес Интернет-источника; название материала; код содержания материала; дату Интернет-публикации; цитату, относящуюся к скандалу; субъект(ы) скандальной атаки; объект(ы) скандальной атаки; параметры нарратива скандала. Последние, в частности, включают: оценку характера скандальной атаки; степень агрессивности субъекта атаки; эмоциональность; эстетичность; этичность; статику позиции; динамику позиции и ряд других.

Исходя из содержания сообщений о скандале, его основными участниками в качестве объектов атаки были (в алфавитном порядке): Бородин Павел (470 сообщений, или 75,2%); власти Евросоюза (1, или 0,2%), власти России (26, или 4,2%); власти США (53, или 8,5%), власти Швейцарии (48, или 7,7%); Лукашенко Александр (3, или 0,5%), Путин Владимир (10, или 1,6%).

И. Яковлев провел результаты анализа изменений динамики и статистики позиции П. Бородин в ходе скандала. В целом обнаруживалась тенденция к ее ослаблению. Уровень его влияния на ситуацию, связанную со скандалом, практически весь период заключения был на весьма низком уровне, что вполне объяснимо. После возвращения П. Бородин на родину его политический вес существенно вырос, а потом, по мере того как скандал утихал, достиг среднего уровня, т. е. более низкого, чем тот, с которым он уезжал в США.

Упомянутая методика может с успехом применяться для осуществления мониторинга Интернет-скандалов. Сходна, например, скандальная ситуация, развивающаяся вокруг Интернет-журналиста, основателя Интернет-сайта WikiLeaks Дж. Ассанжа, который в больших объемах обнародовал сверхсекретные материалы о шпионаже, коррупции в высших эшелонах власти, военных преступлениях и тайнах дипломатии великих держав, что вызвало масштабные скандалы. В конечном итоге он сам стал жертвой сексуального скандала, в результате которого власти Великобритании приняли решение о его экстрадиции в Швецию.

Скандал вокруг Ассанжа по-прежнему продолжается и поэтому подводить его итоги пока ещё рано. Эти итоги, в сравнении с динамикой развития дела П. Бородин, позволят сделать выводы о самих механизмах протекания Интернет-скандалов и об их изменении за последние 10 лет. По-видимому, эта тема все же требует отдельного специального исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СКАНДАЛА

1. Ситуационный анализ

Читатель наверняка заметит, что в тексте работы часто используется так называемый метод кейс-стади (case study) — ситуационный анализ или исследование случая. Необходимость применения этого метода стала очевидной после обнаружения трудностей другого метода — опроса экспертов по поводу скандала, разразившегося, в частности, в ноябре 2006 года в связи с появившимся тогда Постановлением Правительства РФ «Об установлении к 2007 году допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйственными субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации». Тогда все обратили внимание на презентацию в СМИ некоторых шокирующих фактов. В частности, обнаружилась мощная «теневая» криминализованная система, все более откровенно и цинично заявляющая о себе.

Тогда в Постановлении была установлена допустимая норма иностранных работников на отдельные виды розничной торговли (алкогольные напитки, фармацевтические товары и т.д.). Принятые меры по наведению порядка в розничной торговле объяснялись, по-видимому, предстоящими через год выборами в Государственную Думу, то есть по существу носили политический характер.

Скандалность же решения объяснялась не только возбуждением общественного мнения в странах происхождения мигрантов, но и половинчатостью принятых мер. С целью изучения данного скандала нами была разработана анкета эксперта, которую заполнили 30 экспертов в июле-августе 2011 года (опрос проводил Г.А. Пядухов).

Проблемным оказался и опрос экспертов Москвы в декабре 2011г. (опрос проводил А.В. Дмитриев). Выборка состояла из шести человек — известных демографов, занимающихся миграционными проблемами, а также конфликтолога, специалиста по региональной социологии (В.В. Маркин). Часть

экспертов после некоторых раздумий вообще отказались от ответов на вопросы, содержащиеся в анкете, заметив, что они точно не помнят ни самого скандала, связанного с публикацией Постановления, ни, соответственно, его последствий, поскольку с тех пор прошло уже несколько лет. Другие ответили на большинство закрытых вопросов, однако открытые либо оставались безответными, либо содержали весьма краткие оценочные замечания, касающиеся в основном отдаленных последствий этого Постановления, а не самого события.

По-видимому, при подготовке опроса не были учтены особенности протекания любого скандала — чаще всего он носит взрывной характер и продолжается, как правило, лишь недолгое время. Затем происходит какое-то другое событие, которое привлекает общество в большей степени, чем предыдущее. Таким образом, пришлось признать уязвимость метода анкетирования при его использовании в социологическом изучении феномена скандала. Стал необходим поиск других возможностей, и наиболее адекватным выбором в сложившихся условиях нам показался метод кейс-стади.

Метод кейс-стади в социальных исследованиях начал широко использоваться лишь в последние десятилетия, хотя многие его приемы и методики использовались и ранее в клинических изысканиях медиков, разрешении юридических казусов, полевых исследованиях в этнографии, практике оказания адресной помощи в социальной работе и т. д. Однако теоретический синтез этих приемов и оформление кейс-стади в качестве самостоятельного метода социальных наук произошли сравнительно недавно.

В XIX в. французский ученый Ф. Ле Пле на материале исследования семейных бюджетов европейских рабочих разработал и обосновал метод, названный им монографическим. Этот метод позволял делать широкие социологические обобщения, отталкиваясь от многосторонних эмпирических исследований отдельных социальных явлений, типичных для своего класса. Монографический метод, способствовавший восхождению от единичных объектов к общей теории при изучении общественной жизни, стал исторически первой разновидностью ситуационного анализа⁵⁰.

⁵⁰ Healy M.E. Le Play Contribution to Sociology: His Method // *The American Catholic Sociological Review*. Vol. 8, № 2. 1947. P. 97-110.

Дальнейшее развитие идеи Ле Пле получили в исследованиях Чикагской социологической школы, в фокусе внимания которой оказались острые социальные вопросы, связанные с бедностью, безработицей, преступностью, иммиграцией молодежными субкультурами и т. д. Изучать эти проблемы в лаборатории, обрабатывая анкеты или организуя эксперименты, было невозможно. В то же время реальная жизнь Чикаго в начале XX в. представляла достаточно много эмпирического материала для того, чтобы дать представление о рассматриваемых проблемах. Чтобы понять их, социологам потребовалось на время покинуть университетскую кафедру и выйти на улицы, в дома, на заводы: туда, где они непосредственно могли наблюдать жизнь отдельных лиц, сообществ, организаций в своем естественном контексте. Наиболее адекватным методом для исследования сложных социальных объектов такого рода стал ситуационный анализ, который проводился на основе включенного наблюдения, неструктурированных интервью и анализа личных документов.

Важным этапом развития идей ситуационного анализа стала методология «обоснованной теории» (*grounded theory*) А. Страусса и Б. Глейзера, считавших, что исследователь должен восходить к новой теории, исходя из имеющихся эмпирических данных, а не просто прилагать готовую теорию к исследуемым фактам⁵¹. Они полагали, что в таком случае он не будет связан устоявшимися объяснительными схемами и сможет предложить свою оригинальную интерпретацию рассматриваемых явлений. При этом основанием этой интерпретации станет уже не отвлеченная теория, а сама жизнь. Для этого Страусс и Глейзер разработали особые приемы анализа и систематизации неструктурированных качественных данных, которые можно кодировать, чтобы перейти к концептам, категориям, и, наконец, к итоговым интерпретациям.

Наконец, в конце XX века, во многом благодаря деятельности Р. Йина, ситуационный анализ как исследовательский метод получил широкое распространение в ряде

⁵¹ *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС. 2001.

наук — социологии, психологии, экономике, политологии, этике. В работах Йина на примере многочисленных кейс-стади различных авторов подробно рассматриваются особенности метода, его разновидности, приемы, стратегии, структура, значение для науки.

Йин дает классическое определение кейс-стади как эмпирического исследования, предметом рассмотрения которого является современный феномен, взятый в своем непосредственном жизненном контексте. При этом границы между феноменом и контекстом сложно определить, а в исследовании используются разнообразные источники информации⁵². Кейс-стади, таким образом, представляет собой подробный контекстуальный анализ конкретного социального объекта (в виде события, случая, ситуации, условия, действия, лица, группы, организации и т. д.), четко определенного в социальном пространстве и ограниченного во времени, что позволяет говорить о полной применимости этого метода для изучения скандала.

Метод кейс-стади используется в тех случаях, когда исследователь ставит перед собой объяснительные задачи, предполагая получить ответы не на вопрос «что?», а на вопросы «как?» и «почему?», а также когда условия, в которых находится изучаемый феномен, сложно или невозможно контролировать. Обычно такие условия характеризуют объекты познания социальных наук. Г. Риккерт считал генерализацию основой метода наук о природе, а индивидуализацию — основой метода гуманитарных наук⁵³. С этой точки зрения ситуационный анализ — это метод преимущественно социогуманитарного познания, поскольку он позволяет изучать сверхсложные социальные явления, подобные феномену скандала, не абстрагируясь от конкретных условий их существования.

Кроме прочего, особенностью метода является положение исследователя, который часто является не беспристрастным наблюдателем, а заинтересованным участником исследуемых событий. С этой точки зрения ситуационный анализ

⁵² Yin R. Case Study Research: Design and Methods. London: Sage. 2009.

⁵³ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. С. 84.

не вполне нейтрален, однако это в целом согласуется с пониманием науки на ее постнеклассическом этапе, когда исследователи все чаще говорят не об объективности, а о «допустимости и даже необходимости включения аксиологических факторов при объяснении и описании ряда сложных системных объектов»⁵⁴.

Параллельно с оформлением ситуационного анализа в качестве исследовательского метода в педагогике шло развитие кейс-стади как метода обучения. В конце XIX века декан Гарвардской школы права К. Лангделл адаптировал этот метод для целей обучения юриспруденции, а позже он стал широко использоваться в школах медицины и бизнеса. К XXI в. кейс-стади превратился в один из наиболее востребованных методов обучения студентов. В большинстве современных американских университетов основная нагрузка в обучении студентов социогуманитарного профиля ложится на обсуждение и разрешение разнообразных учебных ситуаций, отображающих события реальной жизни или максимально к ней приближенных. В конце XX века этот опыт стал использоваться во многих учебных заведениях разного уровня по всему миру, в том числе и в России.

Широкое распространение кейс-стади как обучающего метода связано с тем, что с его помощью студент способен не только получать новые знания, но и учиться использовать его в различных реалистичных ситуациях, мыслить критически и отстаивать свою точку зрения, приобретать навыки принятия решений.

И в исследовательской, и в обучающей своей ипостаси метод ситуационного анализа представляется одним из наиболее соразмерных современности способов получения знания о быстроизменяющихся и многофакторных явлениях.

В отечественной науке метод кейс-стади пока не является сколько-нибудь распространенным и отработанным. В этом смысле он значительно уступает не только массовым количественным, но и другим качественным безанкетным исследованиям. Кроме того, этот метод по своей сути более зарекомендовал себя в обучении студентов, чем для решения

⁵⁴ *Степин В.С.* Основания науки и их социокультурная размерность // Научные и внеаучные формы мышления. М.: ИФРАН. 1996. С. 22.

сугубо аналитических задач. Например, описания скандалов часто используются в курсе конфликтологии для демонстрации структуры, этапов, участников конфликта.

С другой стороны, кейс-стади обладает очевидными преимуществами перед другими методами. В их числе контекстуальная полезность, понимание степени, в которой определенные трудноуловимые феномены (такие, как скандал) существуют и как они изменяются в тех или иных социальных сферах. Кейс-стади как метод не только заметно контрастирует с общепhilosophическим гносеологическим подходом, но и при определенных условиях может дополнить его. Наконец, поскольку скандал чаще всего затрагивает неформальные и скрытые отношения между людьми, кейс-стади, имеющий дело с конкретностями, а не с заранее сконструированными типологиями, может более точно отразить сущность объекта, избираемого для обсуждения.

При всей условности этих посылок авторам данного исследования была очевидна необходимость выбора именно кейс-стади в качестве одного из главных методов. К тому же описанные выше проблемы и трудности в связи с проведением опроса экспертов не оставляли нам выбора — в работе требовалось освещение, точнее, достаточно формализованный рассказ о том или ином скандале в выбранных заранее нескольких крупных сферах общественного бытия.

В большинстве описанных в книге случаев кейс содержал: 1) события, имена и должности; 2) главных героев; 3) даты и место, где происходит действие; 4) описание конкретной проблемы.

Несмотря на известные недостатки этого метода, он все же дал определенную ценную информацию о скандале, иногданосящую исключительный характер. Более того — он заставил переосмыслить некоторые положения о скандале, которые на первых этапах работы казались самоочевидными.

2. Между фактом и ценностью

Выше уже говорилось, что понятие «скандал» может употребляться в двух основных значениях: для указания на конкретное конфликтное событие и как обозначение отно-

шения публики к этому событию. Анализ каждого из этих проявлений скандала связан с решением исследовательских задач различного характера. В первом случае достаточно установить факты: очертить круг участников конфликта, описать их действия, проследить этапы разворачивания скандала. Именно для таких операций, собственно, и был использован метод кейс-стади.

Вторая задача представляется более сложной. Отношение публики к скандалу носит скорее оценочный, чем описательный характер — скандал в общественном мнении квалифицируется как нечто аномальное, аморальное, недопустимое. Выявление нормативных и ценностных характеристик скандала предполагает использование аксиологического подхода, позволяющего реконструировать интересы, потребности, установки основных участников конфликта; определить, какие нормы были нарушены; выяснить, насколько серьезно это задело моральные чувства публики, а также оценить степень воздействия скандала на систему социальных ценностей в целом.

Отдельные ценности (справедливость, любовь, красота, истина) всегда находились в поле зрения философии, но предпосылки для формирования аксиологического подхода сложились довольно поздно, когда возникло обобщенное представление о ценности как таковой⁵⁵. На рубеже XIX — XX вв. в работах Г. Риккерта, В. Виндельбанда, М. Шелера и др. был проведен теоретический синтез разрозненных знаний об идеалах, оценках и нормах, накопленных к тому времени в различных гуманитарных науках (этике, эстетике, социологии и др.). Хотя аксиология в итоге сумела представить мир ценностей как единую сложную систему и утвердить тезис об особой природе ценностей, споры о том, в чем именно выражается их природа, продолжают до сих пор.

Для придания понятию ценности качественной определенности аксиология пользуется приемами, основанными преимущественно на сопоставлении, редукции и конструировании идеальных типов. Для создания оценочной шкалы необходимо выделить как минимум два противоположных полюса (истина и ложь, добро и зло, красота

⁵⁵ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис. 1997. С. 4.

и уродство), по отношению к которым позиционируется предмет оценки.

При аксиологическом анализе фактически все элементы ценностной системы противопоставляются друг другу, многоуровневые связи сводятся к простым оппозициям, а выявленные противоречия в дальнейшем искусственно заостряются. В результате этих процедур мир ценностей оказывается противопоставленным миру действительности, оценивание — познанию, витальные ценности ставятся в оппозицию культурным, личные — общественным, конечные — инструментальным, материальные — духовным и т. д. Все эти оппозиции необходимы для того, что придать сложному и аморфному ценностному пространству относительную структурность и упорядочить теоретические представления о нем. Противопоставления, однако, следует воспринимать как методологические условности. И ценность как таковая, и моральные, правовые или религиозные ценности в чистом виде — это идеальные типы. Они существуют не как реальные явления, а лишь как исследовательские ориентиры, которые упорядочивают опыт и организуют процесс осмысления мира культуры.

Осознание особого характера ценностей, их несводимости к реальности явилось исторической предпосылкой формирования аксиологического подхода. Г. Риккерт, стоявший у его истоков, утверждал: «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности»⁵⁶. Сведение ценности к значимости позволяет определить место аксиологии в структуре философского знания, указав на основные ее отличия от классической теории познания. Познание фактов связано с объективным, универсальным безличным и непредвзятым анализом. Понимание ценностей, напротив, невозможно без учета желаний и предпочтений субъекта, поскольку значимость существует не сама по себе, а лишь для кого-то. Применительно к изучению скандалов это обозначает, что оценка какого-либо поступка в качестве скандального должна не только базироваться на объектив-

⁵⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. С. 94.

ных его характеристиках, но и выводиться из ценностных представлений и ожиданий человека и общества.

Определение скандального эпизода как аморального, низкого, недостойного поступка — это не констатация факта, а ценностное суждение. В основе подобных суждений лежат представления общества о норме и идеале. В. Виндельбанд отмечал, что факты и ценности существуют в разных пространствах, не смешиваясь и не пересекаясь друг с другом: «"законы", действующие в нашей логической, этической и эстетической совести, совершенно не связаны с теоретическим объяснением тех фактов, к которым они относятся. Они говорят лишь, какими должны быть эти факты, чтобы заслужить всеобщее одобрение в качестве истинных, добрых, прекрасных. Следовательно, они не законы, по которым события должны объективно происходить или субъективно быть поняты, а идеальные нормы, в соответствии с которыми выносятся суждения о ценности»⁵⁷. Фактологические суждения, таким образом, четко противопоставляются нормативно-оценочным.

С языковой точки зрения понятие «скандальный» является именно нормативно-оценочным. В речи это понятие функционирует так же, как и другие ценностно нагруженные понятия («уродливый», «плохой»), и указывает на крайне негативную оценку определяемого этим словом события. Значение слова «скандальный» адекватнее всего передается при помощи понятий «недопустимый», «безнравственный» и т. д.

Можно сказать, что и слово «скандал» — это не характеристика реальности, а оценочный маркер, указывающий на высокую степень общественного неодобрения. Его значение не выводится из наличия самого факта скандала, а присовокупляется к нему извне. Нечто называется скандальным не потому, что кто-то совершил определенные действия, а потому, что определенные действия в обществе считаются недопустимыми, аморальными и опасными для его целостности.

Попытка объяснить значение нормативного понятия, основываясь лишь на фактах, нарушает принцип, известный как «гильотина Юма», который трактуется как запрет

⁵⁷ Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М.: ИНИОН РАН. 1994. С. 235.

на переход от дескриптивных посылок к выводам оценочного характера (от «есть» к «должен») в отсутствие дополнительных оценочных посылок или же — в более широком контексте — как запрет на переход от фактов к ценностям.

Знание фактов — далеко не единственное и даже не решающее условие для понимания природы и сущности сложных социальных явлений, подобных феномену скандала. Теоретическое объяснение во многих случаях не предоставляет достаточного материала для объяснения конкретного скандала. Так, в России XIX в. эмансипированное поведение женщины считалось скандалом. Теперь те же факты трактуются общественностью совершенно противоположным образом, и скандалом будет считаться призыв официального лица к лишению женщин их гражданских прав. Не выходя за пределы простого описания событий, нельзя понять, почему одни и те же события или действия в разных временных и культурных условиях трактуются в одном случае как скандальные, а в другом — как совершенно естественные или даже как единственно возможные.

Теоретический анализ фактов также не способен дать ответ на вопрос, почему из множества схожих или даже идентичных эпизодов какие-то остаются незамеченными, а какие-то вызывают бурную эмоциональную реакцию публики. Так, часто пресса раздувает скандал ради дискредитации высокопоставленных лиц, используя при этом компрометирующую информацию, которая задолго до этого находилась в свободном доступе, однако по каким-то причинам не вызывала никакого интереса публики.

Достаточно сложно выявить причины, по которым один скандал быстро стихает, а другой надолго привлекает внимание общества и ведет к серьезным изменениям в нем. В истории общества (как правило, на переломе эпох) были периоды, когда злоупотребления становились настолько распространёнными, что они не воспринимались даже как повод для озабоченности. Однако были и времена, когда скандальным считалось то, что сейчас кажется вполне нормальным — например, атеизм, добрачный секс или протестные настроения.

Стоит также отметить, что в ходе разворачивания скандала факты не остаются неизменными: они могут исказить-

ся, неверно интерпретироваться, преувеличиваться или, напротив, — преуменьшаться и скрываться от публики. Они могут и вовсе отсутствовать: скандалы нередко «вырастают» из «ценностей» — оценок, мнений, клеветы, заблуждений и ложных слухов. Для понимания таких скандалов выявление фактической канвы событий обычно ничего не дает.

В отличие от самого факта проступка, оценка, данная ему публикой, является базисным, конституирующим элементом скандала. Характер публичного пространства, в котором разворачивается борьба за поддержание морального порядка, определяется не фактами, а нормативно заданными суждениями о ценностях. В этом контексте скандал — это не реальное событие, а негативное отношение публики к явлению, частным примером которого и является данное событие. *Скандал — это негативная оценочная реакция общества на нарушение норм, переворачивание иерархий, покушение на святыни.*

В пространстве между фактом и ценностью скандалы сильно смещены к полюсу ценности. В этом смысле следует признать обоснованность слов А.А. Гусейнова о том, что «для понимания скандала исключительно важной является его аксиологическая нагруженность»⁵⁸.

3. Между культурой и жизнью

И жизнь, и культура — понятия многозначные и противоречивые. Культура представляет собой единство противодействующих компонентов: материальных и идеальных, официальных и протестных, нравственных и технологических. Еще более широким и неоднозначным является понятие жизни, которая проявляется как совокупность сложных процессов в широком спектре от химических до социально-исторических. В каких-то контекстах, например при анализе духовной жизни общества, смыслы, вкладываемые в эти понятия, могут сближаться и пересекаться: непроницаемых границ между ними не существует.

⁵⁸ Гусейнов А.А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: СГУ. 2012. С. 29.

Классическая теория ценностей, однако, склонна к резкому противопоставлению ценностей культуры и ценностей жизни. Г. Риккерт описывал специфику аксиологического подхода к этим понятиям таким образом: «Не только невозможно понимать культурные ценности как положительные жизненные ценности, но культура должна даже быть поставлена в отрицательное отношение к жизни... Только тот, кто в состоянии подавить в себе движения жизни, может быть назван культурным человеком, и поэтому только там есть объективные культурные блага, где они составляют в известном смысле противоположность жизненности жизни. Чтобы резко выразить это, пользуясь при этом тем словом, которое применяется философией жизни, надо до известной степени “убить” жизнь, чтобы дойти до культурной жизни с ее самостоятельными ценностями»⁵⁹.

И культура, и жизнь в контексте аксиологического подхода понимаются специфически: ценностный смысл этих понятий проявляется лишь в их взаимном противопоставлении друг другу. Такое понимание культуры и жизни особо характерно для философии иррационализма — не случайно Риккерт для объяснения своих исходных методологических принципов использовал лексику, заимствованную из арсенала этой традиции, (несмотря на критическое отношение к ней в целом).

Сторонники иррационализма (в особенности представители философии жизни) рассматривают жизнь как противоположность культуры. Жизнь, полагают они, нельзя понять разумом, а можно лишь непосредственно переживать. Наиболее ярко она проявляет себя не в философских теориях или рациональных просчетах науки, а в страстях, желаниях, экстазе, «воле к власти», борьбе за выживание, инстинкте самосохранения. Однако человечество в своей массе отказывается от свободной жизни, предпочитая ей подчинение культуре. Культура, в противоположность жизни, есть не более чем конвенциональная условность: «аполлоническая иллюзия», «покрывало майи», «тонкая яблочная кожура над хаосом». Фактически она есть собрание навя-

⁵⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. С. 315–316.

занных властью норм и ограничений, требующих полного подчинения себе и культивирующих стадность, лицемерие и пассивность. Чтобы начать жить полной жизнью и реализовать свою волю и желания, человеку нужна «переоценка всех ценностей», подразумевающая отказ от культурных псевдоценностей ради возрождения ценностей истинных — жизненных.

Исходные положения философии жизни в целом разделяются и фрейдизмом, где культура трактуется как совокупность социальных запретов, норм и регламентаций. Это внешнее цензурирующее и репрессивное начало, призванное подавлять естественные жизненные порывы. «Человеческая культура зиждется на двух началах: на овладении силами природы и на ограничении наших влечений. Скованные рабы несут трон властительницы», — заключает З. Фрейд⁶⁰. Культура создана для ограничения свободы человека (хотя, с другой стороны, только она и делает его человеком).

Иррационализм в формах философии жизни, фрейдизма, постмодернизма и т. д. задает философский фундамент для методологического противопоставления ценностей культуры и ценностей жизни в аксиологии. При аксиологическом подходе жизнь и культура представлены, как два крайних полюса оценочного спектра. Жизнь как таковая — это все, что не окультурено, а культура в чистом виде — это все, что связано с подавлением жизни. Такие определения представляются не вполне корректными по отношению к реальным культуре и жизни, однако, использованные в исследовательских целях, они, несомненно, позволяют подчеркнуть их важные сущностные характеристики.

Культура в итоге предстает как упорядоченность, системность, искусственность, теоретичность, логоцентричность. В ней рационально сочетаются социальные нормы и разум, самоограничение и ответственность, этикет, цензура и санкции. К осевым элементам культуры можно отнести науку, искусство, мораль, право и т.д. — все те сферы духовной жизни, в которых нагляднее всего ощущается пропасть между человеком и животным. Культура не способна

⁶⁰ Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Беларусь. 1997. С. 115.

к существованию сама по себе, является продуктом установлений общества и фактически навязывается человеку в процессе социализации путем последовательного подавления или установления жесткого контроля над каждым из его жизненных порывов.

Жизнь — это движение, изменения, спонтанность, естественность. В ней органично объединены физиологические потребности и инстинкты, секс, питание и испражнения. Она ассоциируется с ценностями выживания, наслаждения, здоровья, силы и свободы. Жизнь гораздо шире существования человека: она обнимает всю природу, не проводя различий между миром человеческим и мирами животных и растений. Она первична и изначальна — это все, что возникло и развивается само по себе, все, что не признает никаких запретов и внешнего контроля. И. Гете образно выразил особенность витального начала так: «Суха, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет».

Чтобы понять ценностную природу скандала, важно определить его место в пространстве между ценностями культуры и ценностями жизни. Очевидно, что на первом из полюсов этой оппозиции — в мире, где культура полностью и окончательно победила жизнь, — оснований для скандала не существует. В «сообществе святых» моральные нормы попросту некому нарушать.

«Сообщество святых», конечно, может быть только воображаемым (как, впрочем, и «культура» в чистом виде). Однако следует признать, что скандал в тех обществах, где контроль культуры над жизнью был тотальным и всеохватным, был явлением чрезвычайно редким. Так, в эпоху Средневековья все ненормативное настолько последовательно подавлялось, что обнаружить что-либо действительно скандальное в пределах официальной культуры было фактически невозможно. В государствах, где культуре было позволено функционировать лишь в идеологически приемлемых рамках, количество скандалов всегда было на порядок ниже, чем в открытых обществах. Информация, которая может вызвать недовольство или представляется неприличной, при тоталитарном режиме замалчивается или цензурируется. «В СССР секса нет!» — фраза, адекватнее всего характеризующая информационную политику закрытого общества.

Не менее сложно представить себе источником и причиной скандала индивида, который подавил свои жизненные импульсы и полностью подчинил свои стремления общепринятым требованиям культуры. Собственно говоря, вся его жизнь (которую с точки зрения аксиологии и жизнью назвать нельзя) наполнена страхом оскандалиться, нарушить какие-то общепринятые нормы, не оправдать чьих-то ожиданий. Пример такого окончательно окультуренного персонажа — чеховский «человек в футляре», который закономерно достиг своего идеала стабильности и неизменности, только оказавшись в гробу. А. Чехов описывал своего героя так:

«Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? Если кто из товарищей опаздывал на молебен, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели классную даму поздно вечером с офицером, то он очень волновался и всё говорил, как бы чего не вышло. А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчет того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодежь ведет себя дурно, очень шумит в классах, — ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло».

Можно сказать, что на полюсе абсолютной культуры для скандала нет соответствующих условий. Однако нет его также на полюсе абсолютной жизни. Если в «сообществе святых» нормы никто не нарушает, то в стаде животных этих норм попросту не существует. Чтобы условия для скандала сформировались, пространство жизни нужно упорядочить, окультурить, а саму жизнь поместить в строгие нормативные рамки сначала табу и обычаев, а затем — морали и права.

Условий для существования скандала нельзя обнаружить ни в идеальном мире культуры, ни в мире природы. Это значит, что он может состояться лишь в месте встречи жизни и культуры. Более того, он с необходимостью возникает там, где живая жизнь разрушает основания культуры — нормы, ценности, идеалы, запреты. Источник скандала, событие, запускающее его, репрезентирует жизнь такой, какой она является на самом деле — неупорядоченной, спонтанной, телесной, а не такой, какой ее хотят представить ревнители культуры — автоматической, выхолощенной, духовно-

аскетической. Часто одна только публичная демонстрация неприкрытого человеческого тела или естественных функций этого тела способна вызвать скандал.

подавляющее число резонансных скандалов закономерно связано с половыми отношениями: секс ассоциируется с жизнью в самом примитивном, биологическом ее понимании. В. Руднев пишет о жизненной материи скандала так: «Вообще любовь, страсть, секс сродни скандальному деавтоматизированному поведению. Секс можно рассматривать как прообраз скандала»⁶¹. Скандальность всегда связана с проявлениями жизни, которая ничем не желает себя ограничивать: с любовью, непристойным поведением, тягой к наслаждениям, яркими страстями, волей к власти. В пространстве витальных и культурных ценностей *скандал — это дезорганизующее вторжение жизни в регламентированное пространство культуры.*

С другой стороны, скандал можно связывать и со смертью. Н. Брукс, открывая сборник статей о скандале, пишет: «...моторная сила скандала, которой является сила моральной или эстетической правоты скандалиста, носит не просто разрушающий, но наказующий характер, что семиотически сближает скандал с публичной казнью. Скандал несет идею смерти, эквивалентом которой становится моральное убийство, разрушение репутации, утрата позиции»⁶². Смерть в такой интерпретации соотносится с полюсом культуры, поскольку она представляет собой негативную санкцию, нацеленную на восстановление морального и эстетического порядка.

На самом деле скандал несет идеи и жизни, и смерти в равной степени, проблема лишь в неопределенности понимания понятия «скандал», который обозначает и проступок, и реакцию публики на него. Событие, запускающее скандал (драка, дебош, измена, непристойность), символизирует жизнь в чистом ее виде. Проступок — это нарушение культурных условностей и социальных автоматизмов. Реакция публики на проступок (позор, стыд, дискредитация)

⁶¹ Руднев В. Метафизика скандала // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 40.

⁶² Брукс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 11.

репрезентирует полюс смерти — это символическая казнь виновного, совершаемая от имени и во имя культуры.

В этом смысле два значения слова «скандал» можно рассматривать и как две последовательно сменяющиеся фазы скандала. Первая фаза — это событие, которое является поводом для скандала: вторжение живой жизни в упорядоченное пространство культуры. Вторая фаза — это ответ публики на это нарушение, негативная оценка события, символическое «убийство» нарушителя.

В более широком контексте соотношение культуры и жизни представлено в семиотической теории Ю. М. Лотмана как соотношение «культуры и взрыва». Культура упорядочивает мир по своим законам, жизнь же «взрывает» этот порядок, вносит в систему хаос, который вновь подвергается упорядочению. В этом чередовании периодов порядка и хаоса культура развивается. Жизнь и культура противостоят друг другу, как две стороны единого целого, создавая внутреннее напряжение, необходимое для поступательного развития: «Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого. Взрывные динамические процессы... реализуются в сложном динамическом диалоге с механизмами стабилизации. Нас не должно вводить в заблуждение то, что в исторической реальности они выступают как враги, стремящиеся к полному уничтожению другого полюса. Подобное было бы гибелью для культуры»⁶³.

Взрыв вносит в систему новый творческий импульс, без которого культура деградировала бы, превратилась в собрание прописных истин и избитых норм. Скандал в этом смысле является механизмом культурного развития, поскольку он представляет собой единство жизненного «взрыва» и упорядочивающей реакции на него со стороны культуры.

4. Истина, добро и красота

Центральное положение в системе ценностей занимают истина, добро и красота, которые еще задолго до формирования аксиологии осознавались как «три неразлучных вида

⁶³ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс. 1992. С. 19.

одной безусловной идеи»⁶⁴. Во многом именно осознание глубинного единства этих понятий привело к представлению о ценности как таковой, а затем и к появлению теории ценностей. «Истина тесно связана с добром, а красота — с добром и истиной, хотя связи между ними необычайно многообразны. Исследуя тончайшие диалектические взаимоотношения между истиной, добром и красотой, философия нашла для них как бы единый общий знаменатель — понятие “ценность”. Ведь добро — это нравственная ценность, красота — эстетическая, истина — ценность познавательная»⁶⁵.

Как «осевые» ценности истина, добро и красота структурируют ценностное пространство и задают методологические основания и образцы для аксиологического анализа различных социальных процессов и явлений. Скандал с этой точки зрения может быть рассмотрен в гносеологическом, этическом и эстетическом ракурсах. Скандалный проступок при этом понимается как вызов господствующим ценностям, т. е. как нечто лживое, безнравственное и безобразное. Обнародование информации о скандальном событии, в свою очередь, можно толковать, как раскрытие истины ради восстановления социального порядка и гармонии. Истина в скандале, таким образом, позиционируется как важная социальная ценность, а не простое совпадение реальности и суждения о ней.

Действия, которые квалифицируются как скандальные, обычно совершаются тайно и изначально никакого обнародования не предполагают. Мошенничество, растрата, коррупция, употребление допинга, плагиат, подтасовка данных научных исследований и т. д. — все это может систематически практиковаться только при условии, что эти проступки не афишируются и тщательно скрываются от глаз посторонних.

В некоторых случаях одних только мер строгой секретности недостаточно, и для того, чтобы скрыть истину от публики, требуется прибегнуть к прямой лжи. В итоге руко-

⁶⁴ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соч. в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 1990. С. 305.

⁶⁵ Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика. 1994. С. 6.

водство коммерческой корпорации, стоящей на грани банкротства, рапортует о повышении доходов, организаторы финансовой пирамиды обещают вкладчикам баснословные дивиденды, политик прибегает к клевете с целью дискредитации противника и т. д. В этом случае уже сама ложь как нарушение моральных норм становится проступком, способным вызвать скандал.

Стадия сокрытия или искажения истины (для чего и используются умолчание и ложь) предшествует собственно скандалу. Сам он разражается только после обнаружения информации о проступке.

При разворачивании скандала противоборство истины и лжи не завершается. Как правило, виновные пытаются отрицать реальность вскрывшихся фактов и спасти свою репутацию при помощи новой лжи. В то же время выявляются новые данные или несоответствия в показаниях, которые служат подтверждением факта нарушения. Интерес публики к событию является залогом того, что все изменения ситуации постоянно находятся на виду, в зоне общественного контроля. В этих условиях властям сложно скрывать правду и оправдывать виновных. Их наказание (символическое или реальное) снижает общественное напряжение и рассматривается как торжество истины.

Связь скандала и истины может быть и более сложной. Так, в определенном случае истина может настолько сильно расходиться с общепринятыми представлениями, что кажется скандальной. Современникам таким представлялось учение астрономов, утверждавших, что Земля вращается вокруг Солнца, или эволюционистов, отрицавших божественное происхождение человека.

Вне зависимости от типа скандала обнажение истины выступает как существенная его характеристика. При этом, поскольку скандальное событие — это вызов не конкретному человеку, а общественным ценностям в целом, отвечать на этот вызов (признавать или не признавать что-то новое) должно все общество. В. Руднев пишет: «Скандал в принципе метафизичен. Он предназначен для того, чтобы, будучи сгустком информации, открыть истину толпе, скопившейся вокруг скандалящего. В этом похожесть и отличие скандала от частной ссоры. В ссоре тоже проговаривается истина, но

она дана не всенародно, а исключительно камерно... Скандал всегда должен как-то изменять социальное сознание его участников и зрителей»⁶⁶. Посредством скандала истина из «истины-в-себе» превращается в общественное достояние.

Таким образом, с гносеологической точки зрения *скандал — это публичное разоблачение лжи и обнажение истины.*

Ложь лишь до определенного момента способна скрывать нарушение общественных норм. Обнародование истины — точка отсчета для начала собственно скандала. Следующая фаза его разворачивания предполагает негативную моральную оценку проступка со стороны общественности.

Как полагает А.А. Гусейнов, для раскрытия ценностных параметров скандала важнее всего выявить моральный его фундамент. Аксиологический подход к скандалу, полагает он, должен основываться на анализе нравов как устойчивых стандартов, традиций и привычных форм поведения в обществе. «Общественные нравы, рассмотренные под интересующим нас углом зрения, имеют как минимум две линии напряжения, которые чреваты возможностями скандала: это границы между общепринятыми стандартами поведения и индивидуальными поступками, а также между устойчивостью нравственных канонов и их изменчивостью. Эти линии разнообразно перекрещиваются»⁶⁷.

Разрыв между стандартами и индивидуальными поступками возникает в том случае, когда реальное поведение людей оказывается существенно ниже общепринятых стандартов, как, например, при пьяном дебоше в общественном месте. Скандалность тем больше, чем выше социальное положение, занимаемое виновником, поскольку и моральные требования к нему предъявляются более высокие. Примеры поведения подобного рода — многочисленные сексуальные скандалы с участием видных политиков или финансистов. Из того же разряда — невежественные и некультурные поступки, совершаемые теми, кто должен служить образцом для других.

⁶⁶ Руднев В. Метафизика скандала // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 36.

⁶⁷ Гусейнов А.А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: СГУ. 2012. С. 32.

Существует также разрыв между общепринятыми нормами и поведением тех, кто опережает их, находясь на более высокой ступени морального развития. В этом случае поведение также будет обладать высокой степенью скандальности — так, современников шокировало и возмущало поведение Сократа и киников, а позже — Христа и первых христиан. Однако если при отставании от нравов основная функция скандала — «подтянуть» поведение индивидов до общепринятых стандартов, то в случае их опережения скандал способствует изменению самого общества, указывая ему направление движения к более высокой ступени ценностного развития.

Разрыв между устойчивостью и изменчивостью нравственных канонов — следствие постоянной трансформации культуры, при которой одни нравственные ценности остаются в прошлом, а другие приходят на их место. Если в традиционном обществе эти изменения проходили в течение многих поколений и были незаметны для человека, то в обществе современного типа их темп сильно увеличился и постоянно продолжает ускоряться.

То, что было скандалом еще не так давно в масштабе человеческой истории (учение Ч. Дарвина, поведение О. Уайльда, книги Д. Лоуренса), сейчас не вызывает особого интереса публики. Многие явления, бывшие некогда табуированными, вошли в границы нормы.

В ряде случаев скандалы организуются специально ради того, чтобы поставить под сомнение незыблемость нравов и тем самым способствовать их изменению. Наиболее показательна в этом отношении философия иррационализма, призывавшего к «переоценке всех ценностей». Труды Ф. Ницше или З. Фрейда получили популярность на волне скандалов, которые они сознательно спровоцировали.

Еще больше в этом отношении возможностей у искусства Нового времени, которое по своей сущности склонно к ниспровержению канонов. Так, Н.Г. Чернышевский воспользовался формой художественного произведения, чтобы заявить о необходимости новых форм отношений, основанных на равноправии, личной независимости и свободной любви. Его роман «Что делать?» не только произвел скандал в высшем обществе, но и стал программой действий для русской молодежи.

В XX в. модернистские и постмодернистские эксперименты, вначале в литературе, изобразительном искусстве, а затем в кинематографе и самой стилистике артистической жизни, оказали заметное влияние на общественные нравы, что привело к их либерализации и значительному расширению круга дозволенного.

С точки зрения этики *скандал — это показатель разрыва между общественными нравами и индивидуальными ценностями и механизм преодоления этого разрыва*. При этом оценивающая функция морали выражается в публичном осуждении поступка, а дисциплинирующая — в символическом наказании его виновника.

Символическое наказание сводится к дискредитации виновника скандала. «Характерный для скандала метод поношения, активизирующий заложенный в слове смысл позора и стыда, стремится создать в глазах общества образ посрамленного нравственно нечистым, потерявшим лицо, этически и эстетически безобразным. К тому же стилистика скандала, диктующая истерическое поведение, избыточную жестикуляцию, импульсивную речь, фактически выводит событие за пределы системы принятых в обществе приличий. В этом смысле скандал соотносится с категорией уродливого. В свою очередь, и сам феномен уродства как публичное, шокирующее отступление от нормы воспринимается в качестве явления скандального»⁶⁸. Уродство, безобразие, нарушение принятых канонов художественности представляют собой эстетические проявления скандального.

Искусство в силу своей специфики постоянно нацелено на скандал. Оно стоит в авангарде социальных перемен, точнее всего улавливает тенденции к изменениям в общественных настроениях и обладает более высокой степенью свободы самовыражения и субъективности, чем наука или философия. Кроме прочего, скандал — самый короткий путь к известности, которая важна для художника не менее, чем свобода творчества.

В ряде случаев скандал связан с непониманием публикой новой эстетики и идей, которые несут художественные

⁶⁸ Брукс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 10.

произведения. То, что кажется безобразным, вполне может быть показателем высокого качества и новаторского характера произведения. У. Эко пишет: «Безобразное сегодня — знак и предвестие приближающихся больших перемен. Это означает: то, что завтра будет цениться как великое искусство, сегодня может показаться неприглядным, и вкус не поспекает за появлением нового. Эта мысль справедлива для любой эпохи, но особенно точно она характеризует произведения различных течений так называемого исторического авангарда первых десятилетий XX века. Авторы всеми силами старались поразить обывателя, но средняя публика (причем не только обыватели) вовсе не поражалась, но прямо-таки возмущалась увиденным»⁶⁹.

В искусстве скандал проявляется прежде всего как эпатаж, провокация, вызов, разрушение общепринятых художественных и моральных канонов с целью творческого самовыражения. Отделить современное искусство от эпатажа не представляется возможным. Скандал из спутника искусства превратился в его составной элемент. Он стал индикатором новизны и оригинальности, а художественные акции, не сопровождаемые скандалом, получают все меньше шансов на популярность. «Скандал, как частое следствие новаторских устремлений, трансформируется в эпатаж — самопровозглашённую причину художественных поисков. Если поиск нового нередко влечёт за собой скандал, то поиск самого скандала, соответственно, ведёт к новым открытиям»⁷⁰. Чтобы «пробиться» к публике, искусство часто вынуждено использовать форму скандала.

Таким образом, с точки зрения эстетики скандал в форме эпатажа и провокации есть способ творческого самовыражения и привлечения общественного внимания.

В обществе изменяется система ценностей, а с ней трансформируется сам скандал как способ творческого самовыражения. Он все чаще выходит за пределы собственно искусства в иные области социальной жизни. Скандал постоянно используется как средство привлечения внимания к пред-

⁶⁹ Эко У. История уродства. М.: Слово. 2007. С. 393, 364.

⁷⁰ Вовчаренко И.К. Эпатаж как эстетическая характеристика авангарда. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. № 2. 2010. С. 28.

ставителям шоу-бизнеса и их проектам. В рекламном деле скандалы способствуют «раскрутке» торговых марок и товаров. Политики также все чаще идут по стопам артистов, используя или организуя скандалы для повышения своей известности. В то же время скандальные провокации становятся резонансной формой политического протеста.

В XXI веке скандал стал легитимной и привычной формой коммуникации. «Скандал постепенно из скрытого конфликта с его неприглядными результатами превратился в открытый, публичный способ выяснения отношений, представляя собой уже специфическую технологию привлечения внимания человека к тем или иным сторонам общественной или частной жизни. Просто эмоциональный взрыв превращается в технологию скандала, который уже не пугает, но привлекает»⁷¹.

Из различных форм проявления скандальности эстетическая — то есть провокационная и эпатажная — оказалась наиболее востребованной. Моральные и гносеологические функции скандала сегодня отодвинуты на задний план. Из способа раскрыть истину или утвердить моральные ценности скандал превратился в форму привлечения внимания к событиям. В этом своем качестве он активно используется в борьбе различных групп по навязыванию другим своего понимания истины и морали. Скандальные события провоцируются, чтобы дискредитировать противников или конкурентов. Их цель — не восстановить порядок, а вызвать интерес широкой общественности к себе и своим ценностям и, по возможности, завербовать дополнительных сторонников.

Основой для большей части современных скандалов является конфликт между традиционализмом и модернизмом, отображающийся частично внутри различных обществ, а глобально — в конфликте цивилизаций и культур. К другим видам ценностных конфликтов, повышающих уровень скандальности в обществе, можно отнести «конфликт между несвободой и равенством, справедливостью и неравенством, между коллективизмом и индивидуализмом, ксенофобией (вражда и неприязнь к иностранцам) и откры-

⁷¹ Ярославцева Е.И. Коммуникативные взрывы. Теоретические аспекты скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 59.

тостью к миру, демократией и авторитарностью, стремлением к обобществлению собственности и ориентацией на частную собственность»⁷².

Всякий скандал так или иначе связан с истиной, добром и красотой и имеет гносеологические, этические и эстетические измерения. Для переходного времени с его острыми ценностными конфликтами эстетическое измерение в скандале становится главенствующим. Если в стабильные эпохи скандал служил средством поддержания системы и иерархии традиционных ценностей, то для современности, в которой общепринятых норм почти не существует, скандал превращается в ориентир для творческого экспериментирования и поиска новых ценностей.

Современный скандал указывает на болевые точки современного общества и стимулирует публичную дискуссию по их поводу. Дальнейшее развитие публичного пространства открывает возможности для перенаправления преобразовательных возможностей скандала из деструктивного русла в конструктивное. Ценности новой эпохи (моральные, эстетические, экологические и т. д.), соответствующие изменившимся условиям социальной жизни, могут сформироваться только в процессе обсуждений и согласований интересов различных групп, если, конечно, желание вместе искать истину и договариваться по поводу общих ценностей будет превалировать над стремлением навязать их всем остальным.

⁷² Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Альфа-М., Инфра-М. 2009. С. 108.

РАЗДЕЛ II

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДИНАМИКА СКАНДАЛА**

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СКАНДАЛА

1. Трикстер как инициатор скандала

В одной из песен «Старшей Эдды» описан пир по случаю сбора урожая, организованный для асов великаном Эгиром. Пир этот был настолько грандиозным, что столы буквально ломались от яств, а для приготовления пива потребовался котел глубиной в несколько миль. «Светящееся золото освещало палату. Пиво само лилось в кубки. Все должны были соблюдать там мир»¹.

Поначалу пир действительно шел мирно: гости были чрезвычайно довольны гостеприимством хозяина и хвалили его расторопных слуг. Только злокозненный Локи не желал оставить все распри на время праздника и насмеялся над присутствовавшими. Асы терпели эти выходки до тех пор, пока Локи, недовольный похвалами в адрес слуг Эгира, не убил одного из них. Этот поступок переполнил чашу терпения богов, и те прогнали Локи с пира.

Изгнание Локи восстановило ритуальное спокойствие. Однако в то время, пока гости продолжали хвалиться храбростью и подвигами на поле битвы, недовольный Локи строил планы мести:

*К Эгиру в дом –
войти я решил
и на пир посмотреть;
раздор и вражду
я им принесу,
разбавлю мед злобой²*

Возвратившись на пир, Локи напомнил о законах побратимства своему названному брату Одину, благодаря чему

¹ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература. 1975. С. 228.

² Там же.

вновь получил место за столом и чашу с пивом. Однако вместо ожидаемых хвалебных тостов асы вновь услышали насмешки, которые на этот раз уже выходили за границы всяких приличий. Локи подобрал самые язвительные слова, характеризовавшие асов с самых неприглядных сторон. Богов он обвинил в трусости, пресмыкательстве перед сильными и женоподобном поведении, богинь — в неверности, разврате и лживости. Самому Одину он поставил в вину несправедливость и предвзятость принимаемых решений, из-за чего достойные люди вынуждены терпеть поражения в битвах, а худшие наслаждаются благосклонностью судьбы. Свою порцию обвинений в ходе перебранки получил и сам Локи. Грандиозный пир завершился не менее грандиозным скандалом.

Мотивы и цели скандального поведения Локи в мифе не разъясняются. Очевидно, что он не преследовал личных интересов — насмешки не принесли ему ничего, кроме неприятностей и ненависти со стороны бывших соратников. Сами боги, судя по тексту песни, также не смогли найти разумных объяснений его действиям и склонялись к тому, чтобы признать их причиной опьянение Локи. Хеймдалль, страж Мирового древа (и в этом смысле блюститель космического порядка) говорит:

*Ты, Локи, от пива рассудка лишился;
замолкнешь ли, Локи?
Язык свой не в силах тот обуздать,
кто не в меру напьется³.*

Подобная реакция на скандальные выходки со стороны тех мифологических персонажей, которые представляют космический порядок и уверены в его незыблемости, в принципе предсказуема. Для них любое выступление против установленных богами законов изначально обречено на провал и потому представляется бессмысленным и нелогичным. «Желание нарушить космическое равновесие или божественную иерархию словами или поступками можно объяснить... в лучшем случае неведением, еще вероятнее безу-

³ Там же. С. 232.

мием (невольным или сознательным) или неким “отклонением от нормы”, выражающемся прежде всего в стремлении эту норму нарушить»⁴.

Однако помещение образа Локи в более широкий контекст мифологических сюжетов различных культурных традиций позволяет увидеть, что его поступки — это не просто аномалия, случайный сбой в налаженной системе или отступление от логики, вызванное помутнением рассудка. В его поведении прослеживается особая мифологическая логика, возрождающая наиболее архаические архетипы коллективного сознания.

В легендах и мифах практически всех народов присутствуют персонажи, оттеняющие основных героев, дополняющие их и в чем-то противостоящие им. Если культурный герой создает космический порядок, то его спутник и оппонент вносит в этот порядок элементы хаоса. Слова и поступки последнего «взрывают» мирный ход событий, разрушают установленные правила, преступают границы социальных и моральных норм. Фактически они провоцируют скандал или же сами по себе являются скандалом.

Пол Радин, исследовавший образ этого мифологического персонажа на материале сказаний североамериканских индейцев, назвал его трикстером, т. е. обманщиком, хитрецом, шутником. Трикстер — это «герой, странствующий по свету. Он всегда голоден, у него нет обычных понятий о добре и зле, он либо обманывает людей и животных, либо сам становится жертвой их обмана. Кроме того, он очень сексуален. Почти во всех вариантах мифа он наделен некоторыми чертами божества... в других он в лучшем случае обобщенный образ животного или человека, то есть смертного существа»⁵.

Поступки этого персонажа скандальны в прямом смысле слова: он постоянно нарушает все мыслимые и немыслимые законы, ведет себя вопреки нормативным ожиданиям, тяготеет ко всему непристойному, грязному и кощунственному.

⁴ Михайлов Н.А. Локи и Прометей: к типологии протоперсонажа // Знаки Балкан. Ч. 1. М.: Радикс, 1994. С. 124.

⁵ Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 221.

Так, в цикле мифов индейцев виннебаго он переодевается в женщину, вступает в брак с сыном вождя племени и даже рождает ему детей; в другом — тонет в собственных испражнениях, в третьем, надев лосиный череп, представляется великим духом и требует подношений, издеваясь над тотемной обрядностью. Из этого Радин заключает, что трикстер в мифах индейцев представлен прежде всего как «нарушитель табу, уничтожающий святая святых»⁶.

Е.М. Мелетинский, основываясь на том же материале, усматривает основные мотивы скандального поведения трикстера в ничем не ограниченном желании воплощения своих физиологических желаний: «Озорные проделки трикстера большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Стремясь удовлетворить голод или ненасытное желание, трикстер прибегает к обману, нарушает самые строгие табу (в т. ч. совершает кровосмешение), нормы обычного права и общинной морали (злоупотребление гостеприимством; поедание зимних запасов семьи или родовой общины)... Действуя асоциально и профанируя святыни, трикстер тем не менее большей частью торжествует над своими жертвами, хотя в отдельных случаях он терпит неудачи»⁷.

Физиологическое объяснение действительно помогает понять особенности поведения образа трикстера в сказаниях индейцев Америки и некоторых народов Азии и Африки, представляющих образ трикстера на первоначальном этапе его развития. «Поскольку вначале человек — существо, находящееся всецело во власти инстинктов, асоциальное и неприрученное, управляемое в своих поступках сексуальным желанием и голодом, так же начинается и существование богов, вернее, боги вынуждены начать именно с этого»⁸. Трикстер нарушает табу, а в числе первых строгих табу, по видимому, были половые запреты (прежде всего запрет на инцест) и некоторые пищевые ограничения (такие, как запрет на поедание тотемного животного).

⁶ Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 217.

⁷ Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия. 2008. С. 25.

⁸ Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 182.

Однако на более высоких ступенях развития коллективного сознания (отраженных, например, в древнегреческой или скандинавской мифологии) причины скандального поведения персонажей уже не кажутся столь примитивными и однозначными. Движущие мотивы поступков Гермеса, Диониса, Прометея или Локи явно не могут быть сведены исключительно к принципу удовольствия: они сложнее и глубже.

2. Между хаосом и порядком

Нет никаких сомнений, что применительно к оппозиции «природа — культура» трикстер представляет сторону природы. Однако природа в этом случае может пониматься не столько биологически и физиологически, сколько космологически. Природное начало в образе трикстера противостоит культурному в самом широком смысле этого понятия — как чему-то упорядоченному, нормативному, отлитому в строгие формы.

В мифологическом мышлении противоположность природного и культурного конкретизирована в оппозиции хаоса и космоса. Космос упорядочен и законосообразен; при этом законам мироздания соответствуют столь же незыблемые моральные правила и нормы социальной жизни. Их выразителями и гарантами являются «новые» боги, подобные жителям Олимпа или Асгарда. Боги создают действительность, в которой жизнь строго регламентирована и нормативно оформлена. Можно сказать, что космический порядок задается и постоянно поддерживается этими строгими нормами. Всякое отступление от норм распатывает скрепы мироздания и потому воспринимается сторонниками порядка как нечто саморазрушительное, безумное или преступное.

К.Г. Юнг, проецируя образ трикстера на структуру коллективного сознания и бессознательного, пришел к выводу, что в этом архетипе сконцентрированы подавленные желания, связанные с животными порывами, неподвластными разумному контролю: «В своем наиболее ярком проявлении он — подлинное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень»⁹.

⁹ Юнг К.Г. О психологии образа трикстера // Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 271.

Многие классические трикстеры — Ворон, Койот, Кролик, Паук — зооморфны. Некоторые антропоморфные трикстеры также сохраняют способность перевоплощаться в животных: так, Локи, согласно мифам, превращался в сокола, блоху, кобылицу и лосося. Трикстер — существо, родословная которого восходит к самым архаичным, донормативным, животным пластам мышления. В силу этого он не понимает нормы или же попросту не считает их для себя обязывающими.

Примечательно, что Прометей и Локи — самые яркие в европейской мифологии персонажи-трикстеры — противопоставлены «богам порядка» уже в силу своей генеалогии. Прометей происходит из рода титанов, низвергнутых олимпийскими богами. Локи же — один из йотунов — древних великанов, противостоявших асам и представлявших неконтролируемые силы природы. И титаны, и йотуны обладали хтоническими чертами, были в родстве с чудовищами или же сами имели ярко выраженные атавистические способности и характеристики. И те и другие воплощали дикую, стихийную мощь природы, частично побежденную и укрощенную силами порядка.

В целом трикстер может трактоваться как воплощение изначального беспорядка, в котором некогда находился мир, носитель докультурного хаоса или первобытной тьмы, в которой пребывало сознание человека на заре его развития.

Внутренняя природная сущность трикстера во всех случаях превалирует над социальным и моральным законами. К. Кереньи утверждает, что «его природа, враждебная любым границам, открыта всему»¹⁰. Трикстер не признает никаких условностей и ограничений, любое правило он воспринимает как что-то связывающее и постоянно стремится нарушить его, тем самым постоянно провоцируя скандальные ситуации.

Хотя родословная трикстера говорит о его непосредственной связи с дикой природой и хаосом, одного указания на происхождение недостаточно для объяснения сущности этого образа. В мифах представлено множество зооморфных или

¹⁰ Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология// Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 261.

хтонических существ, но далеко не все из них обладают чертами трикстера. Необходимо принять во внимание и то, что деятельность трикстера невозможна без соответствующего культурного контекста. Чтобы спровоцировать скандал, нарушив правила, необходимо, чтобы эти правила существовали и признавались обязывающими большей частью окружающих. Это значит, что для появления образа трикстера требуется четкое осознание различий между организацией и беспорядком, дозволенным и запретным, общественными и эгоистичными желаниями, священным и профанным. В этом смысле мифологический образ трикстера — продукт достаточно развитой культуры. Трикстер, как воплощение забытого хаотического прошлого, способен существовать только в условиях порядка. Это не просто титан или йотун, а титан в мире олимпийцев или йотун среди асов. Не случайно в мифах Прометей изображен как боевой соратник Зевса, а Локи — в роли побратима Одина.

Эта двуплановость трикстера, его одновременная принадлежность различным мирам, может рассматриваться как условие, которое позволяет связать вместе противоположные стороны бытия и, в определенной степени, примирить их. В интерпретации французского структуралиста К. Леви-Стросса мифологическое мышление оперирует противоречиями и стремится к их снятию. Трикстер — это идеальный посредник, в образе которого соединяются предельные противоречия человеческой жизни. Он «является медиатором, а потому-то в нем остается что-то от двойственной природы, которую он должен преодолеть. Отсюда двусмысленность и противоречивость его характера»¹¹.

Так, по мнению Леви-Стросса, выбор индейцами Ворона и Койота на роль трикстера обусловлен тем, что эти животные поедают падаль и потому занимают промежуточное место между хищниками и травоядными. Затем, в рамках ассоциативного мифологического мышления, эта медиативная схема переносится на более широкую оппозицию охоты и земледелия, и, наконец, служит моделью для смягчения противоречий между жизнью и смертью. В итоге трикстер выступает и как средоточие коренных жизненных противо-

¹¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука. 1985. С. 203.

речей, и как возможность их соединения и примирения. Точно так же Гермес соединяет людей и богов, позволяя им понять друг друга (отсюда возникает понятие «герменевтика»), а Прометей и Локи выступают посредниками между божествами природы и богами порядка.

Таким образом, трикстер в равной мере принадлежит миру природы и культуры и — в той же степени — остается чужим для каждого из этих миров. Он предельно двойственен, что четко прослеживается на примере его описаний в мифах: он творит как добро, так и зло, отбирает и одаряет, создает трудноразрешимые проблемы и сам же их изобретательно решает. С одной стороны, он глуп, с другой — отличается крайним остроумием и хитростью. Он и корыстолюбивый обманщик, и шутник, разыгрывающий окружающих из чистой любви к смеху. В его образе в равной степени присутствуют как мрачные демонические, так и светлые комические черты, как гибкий ум, так и безумие.

Двойственность образа трикстера в какой-то мере является отображением двойственности самой жизни, в которой есть место не только порядку, но и хаосу, не только правилам, но и периодическому выходу за пределы этих правил. В этом смысле образ трикстера при всей его кажущейся примитивности сложнее и реалистичнее большинства одномерных образов представителей порядка.

Преодоление противоположностей в образе трикстера — это одновременно нарушение границ. Р. Барт усматривает потенциальную скандальность во всяком сближении антитез: «Антитеза — это стена без двери. Преодолеть эту стену — значит совершить трансгрессию. Послушные антитезе внутреннего и внешнего, тепла и холода, жизни и смерти, старик и молодая женщина разделены прочнейшим из барьеров — барьером смысла. Вот почему все, что способно сблизить эти противоположные стороны, носит откровенно скандальный характер... это соприкосновение вызывает катастрофу: происходит взрыв, парадигматическая вспышка; ...уничтожается священное противопоставление двух парадигматических полюсов и стирается оппозитивная черта, опора любой “релевантности”»¹².

¹² Барт Р. S/Z. М.: Ad Marginem. 1994. С. 79-80.

Традиционная культура, напротив, стремится развести противоположности по разным полюсам, провести между ними непреодолимые границы. Для нее важно не допустить никаких изменений, поскольку она усматривает в них риски, несущие потенциальную угрозу для выживания сообщества. Регламенты, правила, нормы, законы направлены на упорядочение мира, окультуривание человека и приручение его природы. Они призваны убрать из жизни всякую случайность и изменчивость. Традиционная культура склонна к канонизации привычных форм жизни и подавлению всего необычного. Время здесь закольцовано: оно стремится к вечному повторению и отвергает идею развития. По сути, оно здесь искусственно остановлено.

В ту эпоху, которая в мифах часто описывается как «золотой век», то есть до упорядочивания мира, человек имел неограниченные возможности для развития и самовыражения. Но когда в мир пришли правила и запреты, из множества путей развития был актуализирован один — единственно правильный, — а все прочие возможности были закрыты. «Порядок несовместим с одновременным существованием всех возможностей, с отсутствием всяких правил; и вот в мире возникли непреодолимые ограничения, заключив каждый вид в рамки его бытия и не давая за них выйти. Но поскольку каждую вещь и каждое живое существо они заключали в известные пределы, в их отныне естественные пределы, то тем самым эти вещи и живые существа лишались всех своих магических способностей, позволявших им мгновенно реализовывать свои желания и моментально беспрепятственно превращаться во что угодно иное. В самом деле, все застыло в неподвижности, и были учреждены запреты, дабы новая организация, новый законный порядок никем не нарушались»¹³.

С позиции трикстера, обладающего в силу своей чужеродности по отношению к миру порядка более широким, «избыточным видением» ситуации, подобная остановка времени равнозначна застою, стагнации, смерти. Сама природа этого персонажа не приемлет покоя и требует роста, развития, перемен, движения вперед. Облик трикстера в мифах не случайно предельно изменчив и текуч — эти персонажи яв-

¹³ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ. 2003. С. 224.

ляются то животными, то людьми, то богами, по желанию могут принимать чужой облик и изменять пол. Изменчивая форма призвана выразить их динамичную сущность.

В мифах, где действует трикстер, борьба порядка и хаоса лишена прямолинейности. Стихийные божества, некогда выступившие против сил порядка с оружием в руках, уже проиграли свои битвы. Трикстер хорошо понимает бесперспективность открытого противостояния и борется с порядком не при помощи грубой силы, а при помощи хитрости, обмана и насмешек, при этом подрывая порядок изнутри. Его стихия — не поле брани, а сцена скандала. Результат его действий также не столь однозначен. Подрывая порядок, он фактически дает толчок к изменению и дальнейшему развитию мира.

В скандинавских мифах Локи представлен как мастер провокаций и источник многих проблем асов — он убеждает их согласиться на предложение строителя Асгарда, обрезает волосы Сив, из-за него асы лишаются молодильных яблок. Однако он же благодаря уму и хитрости решает все эти проблемы, одновременно способствуя тому, что асы в итоге получают больше, чем потеряли. Благодаря Локи построен Асгард, Сив приобретает золотые волосы, Один — волшебное копьё и коня, Тор — молот и т. д. Фактически именно постоянные провокации Локи являются движущей силой развития мифа. Они представляют собой такое отрицание порядка, которое мобилизует его и провоцирует на противодействие, а потому ведет к развитию.

Трикстер желает разомкнуть круг повторений и делает это, преступая табу, то есть создавая ситуацию скандала. Поступки трикстера в этом смысле — реакция живой и развивающейся жизни на неизменность, статичность. *Скандал в мифе — это попытка запустить остановившееся время*, придать жизни импульс к развитию. Отсюда — стремление трикстера к скандалу, его бунтарский дух, богорборчество, непристойность, стремление к нарушению запретов.

3. Космология скандала

Если персонажи, олицетворяющие порядок, ограничены в своих действиях правилами, то поведение трикстера никогда не подчиняется привычной логике и потому абсо-

лютно непредсказуемо. Природа трикстера раскрывается в движении, изменчивости, разнообразии, критичности. Для него открыты все возможности, он полностью свободен от ограничений. Трикстер сам строит свою жизнь, не подчиняясь никаким законам, ни социальным и моральным, ни космическим. Он активно отрицает всякий порядок, монотонность, однообразие и самоуспокоенность.

Перебранку Локи с богами с этой точки зрения можно рассматривать как стремление напомнить о том, что никто не совершенен, и всем есть куда двигаться и ради чего развиваться. Его насмешки — ответ на самоуспокоенность богов, их самовосхваление и уверенность в своей непогрешимости. Собственно сам жанр поэтической перебранки, особо популярный в Скандинавии в Средние века, имел именно такую цель. Осознание собственного несовершенства является неперемнным условием для продвижения к более высоким уровням понимания мира — и в демонстрации этого несовершенства можно усмотреть важную задачу трикстера.

Рассказы о трикстерах и скандалах, спровоцированных ими, снижают пафос мифа, приближая его к реальной жизни. Человеку время от времени необходима отдушина, чтобы он смог отдохнуть от мелочных регламентаций и тяжелых обязанностей. Сказания о трикстере с их комизмом и пренебрежением к правилам могут рассматриваться как такого рода отдушина. Радин в подтверждение этому приводит слова одного из индейцев о том, что эпизоды, в которых трикстер обманывает кого-то или ведет себя глупо «добавлены, чтобы как-то уравновесить те части мифа, в которых говорится о серьезных вещах»¹⁴.

Те протестные, асоциальные, аморальные желания, которые воспринимались как скандальные и недопустимые в регламентированной жизни традиционного общества, человек «переживал», слушая рассказы о трикстере. Тем самым он по сути освобождался от этих желаний в реальной жизни. Кроме того, миф демонстрировал, к чему подобные желания могут привести, предупреждая человека и отвращая его от асоциальных поступков. Для К.Г. Юнга трикстер

¹⁴ Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 231.

«держит ранний низкий интеллектуальный и моральный уровень перед глазами высоко развитого индивида, чтобы тот не забыл, как все было еще вчера»¹⁵, то есть выполняет определенное терапевтическое воздействие.

Все эти объяснения, несомненно, проясняют некоторые важные функции трикстера в мифе и дают объяснение его тяге к провокациям и скандальным поступкам. Все они, тем не менее, могут рассматриваться как частные следствия основной функции, которую можно назвать космологической.

Для первобытного мышления законы природы и социума тесно связаны и взаимозависимы. Л. Леви-Брюль, например, утверждает, что в родовом обществе жизнь «основана прежде всего на строгом соблюдении целой коллекции правил, показавших свою спасительность во времена предков. Как бы в силу своего рода молчаливого соглашения невидимые силы в случае, если человек точно соблюдает эти предписания, как положительные, так и отрицательные, сохраняют все в таком состоянии, которое благоприятно для человека. Таким образом, получается, что порядок вещей в природе — порядок неустойчивый и не имеющий... собственной основы и покоится в действительности на соблюдении правил, которые мы назвали бы моральными и социальными. В случае их нарушения этот порядок расстраивается, в природе начинается смута и человеческая жизнь становится невозможной»¹⁶. Фактически соблюдение моральных и социальных правил для первобытного мышления является гарантией сохранения мироздания, а их нарушение ведет к разрушению мира, его «порче». В этом смысле поступки трикстера опасны для всего порядка вещей в природе.

Однако существует и иная опасность: сам порядок может изжить себя, выродиться в застой и превратиться в медленное умирание. Бывшие ниспровергатели устоев, получив власть, часто становятся хранителями новых устоев, бывшие воины подтверждают свою храбрость не на поле боя, а в затрапезных

¹⁵ Юнг К.Г. О психологии образа трикстера // Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 281.

¹⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика Пресс. 1999. С. 11-12.

рассказах. Полезные правила с изменением условий, их породивших, могут превратиться в мелочные регламентации, мудрые законы — в бессмысленные ограничения.

В этом случае, для того чтобы остановить вырождение и придать миру творческий импульс, требуется скандал, вдохновителем которого в мифе и является трикстер. Для настоящего творчества необходимы свобода, отсутствие ограничений, множественность возможностей — иными словами, ситуация хаоса. Именно из хаоса в свое время возник Космос. Иницируя при помощи скандала состояние хаоса, трикстер локально воссоздает условия для творения мира, символически возвращая мир к точке его возникновения.

П. Радин не случайно обращает внимание на то, что «подавляющее большинство всех так называемых мифов о Трикстере в Северной Америке описывают сотворение Земли или, по крайней мере, ее изменение»¹⁷. Скандал в мифе тесно связан с ситуацией творения. И.П. Смирнов в этом отношении отмечает: «Генезис и скандал находятся в некоем близкородственном отношении, они проливают свет друг на друга. Чем настойчивее какая-либо культура подчеркивает первостепенность генезиса, тем более она скандальна»¹⁸.

Трикстер — значимый элемент традиционной культуры, обеспечивающий ей гибкость и способность меняться, приспособляясь к трансформациям внешних условий. *Скандал на символическом уровне воссоздает условия, необходимые для творения мира и человека.*

4. Обман и наказание

Природа человека определяется не только его стремлением к упорядочиванию мира. Не в меньшей степени его характеризует желание обойти правила и преступить законы. Чтобы объяснить укорененность этих черт в природе человека, мифу необходимо было признать, что к сотворению

¹⁷ Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия. 1999. С. 221.

¹⁸ Смирнов И.П. Скандал / И.П. Смирнов Человек человеку — философ. СПб.: Алетейя. 1999. С. 217.

людей прямо или опосредованно был причастен не только культурный герой, но и его визави.

Существует скандинавский миф, повествующий о том, как три бога — Один, Хёнир и Лодур, прогуливаясь, обнаружили перволюдей Аска и Эмблу (то есть ясень и иву):

*Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянец¹⁹.*

Некоторые исследователи ассоциируют Лодура с Локи²⁰. Тепло и цвет, которые Лодур дал людям, имеют свою параллель в древнегреческой мифологии — олимпийский огонь, похищенный Прометеем.

Прометей вместе с огнем принес людям ремесла и искусства и в этом смысле стал истинным творцом человека как существа созидающего. Огонь является самой непостоянной из стихий (не случайно Гераклит, обративший внимание на текучесть и изменчивость мира, считал первоэлементом именно огонь). Это непостоянство и изменчивость огня позволяет рассматривать его как метафору для обозначения творческих сил.

Мифы говорят о множестве внешних причин, приведших к похищению огня. В некоторых из них утверждается, что именно Прометей по велению Зевса вылепил человека из глины. Таким образом, огненный дар был проявлением заботы мастера о своем творении. Помимо этого утверждается, что все предыдущие поколения людей были уничтожены, и Зевс строил планы уничтожения и последнего поколения. Существует также история, согласно которой брату Прометея Эпитемею было поручено раздавать живым существам способности, и когда очередь дошла до человека, на его долю

¹⁹ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. // М.: Художественная литература. 1975. С. 185.

²⁰ Михайлов Н.А. Локи и Прометей: к типологии протоперсонажа // Знаки Балкан. Ч. 1. М.: Радикс. 1994. С. 118.

ничего не осталось. Человек в итоге оказался самым беззащитным из живых существ — без мощных когтей, зубов, шипов и т. д. Чтобы восстановить справедливость, Прометей дал человеку огонь и ремесла.

Принимая во внимание особенности внутренней природы трикстера, поступок Прометея можно объяснить его естественным неприятием закольцованности изначального времени, беспросветности и однообразия жизни людей до обретения ими огня:

*Они глаза имели, но не видели,
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой долгий век
Ни в чем не смысла. Солнечных не строили
Домов из камня, не умели плотничать,
А в подземельях, муравьями юркими,
Они без света жили, в глубине пещер.
Примет не знали верных, что зима идет,
Или весна с цветами, иль обильное
Плодами лето — разуменья не было²¹.*

В системе миропорядка людям по воле богов было уготовано незавидное место. Прометей попытался изменить гибельный порядок, вырвав человечество из этой унылой полужизни. Сделать это можно было либо прямо — разрушив миропорядок, либо опосредованно — хитростью, обманом. Прометей, будучи трикстером, для решения проблемы прибегает ко второму пути.

У Гесиода описано жертвоприношение волшебного быка, которое должно было принести богам изобилие, а новому поколению людей — голод и последующую смерть. Прометей спасает человечество, обманывая богов:

*Тушу большого быка Прометей многохитрый разрезал
И разложил на земле, обмануть домогаясь Кронида.
Жирные в кучу одну потроха отложил он и мясо,
Шкурую все обернув и покрывши бычачьим желудком,
Белые ж кости собрал он злокозненно в кучу другую
И, разместивши искусно, покрыл ослепительным
жиром.*

²¹ Эсхил. Трагедии. М.: Художественная литература. 1971. С. 188.

*Тут обратился к титану родитель бессмертных
и смертных:
«Сын Иапета, меж всеми владыками самый отличный!
Очень неровно, мой милый, на части быка поделил ты!»
Так насмеялся Кронид, многосведущий в знаниях
вечных.
И, возражая, ответил ему Прометей хитроумный,
Мягко смеясь, но коварных повадок своих не забывши:
«Зевс, величайший из вечно живущих богов
и славнейший!
Выбери то для себя, что в груди тебе дух
твой укажет!»²²*

В качестве ответа на этот обман Зевс решает спрятать от людей огонь. Однако Прометей нарушает законы и похищает огонь, выводя тем самым человечество из полуживотного состояния в историю. Огонь — это творчество, а творчество уподобляет людей богам.

Иной ракурс начальной истории человека получает в библейской истории о грехопадении и изгнании Адама и Евы из Рая. Здесь также имеется трикстер — Змей, бывший «хитрее всех зверей полевых, которых создал Бог». Соблазн приводит к нарушению запрета и прерывает блаженное безвременье райской жизни. Именно с грехопадения начинается история человека, способного к самостоятельному решению вопросов морали и веры.

И.П. Смирнов интерпретирует эти и подобные им сюжеты таким образом: «Обратим внимание на то, что герои мифов — заядлые скандалисты. Кража огня Прометеем скандальна. Иудео-христианская религия сделала первым своим этапом скандальное поведение Адама и Евы в земном раю. Примеры такого рода можно было бы множить и множить (особенно, если обратиться к экзотическим мифологиям)»²³. Фактически история человека, символически отображенная в мифе, начинается со скандала. Скандал, в свою очередь, начинается с обмана.

Запрет на ложь — краеугольное ограничение морали. Обман

²² Гесиод. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт. 2001. С. 37.

²³ Смирнов И.П. Скандал / И.П. Смирнов Человек человеку — философ. СПб.: Алетейя. 1999. С. 217.

подрывает доверие, без которого становятся невозможными как социальная жизнь, так и сам мировой порядок. «Исключительность лжи связана с тем, что ее негативность не опосредована исторически и социально детерминированными, изменчивыми запретами: она разрушительна бытийственно»²⁴. В этом смысле обман в контексте мифологического мышления может рассматриваться как первый шаг, ведущий к последующему обрушению всего миропорядка.

Склонность к обману является общей родовой чертой всех трикстеров в различных мифологических системах. Не случайно основное значение слова «трикстер» в английском языке — обманщик. Н.А. Михайлов, отмечая параллели в образах Локи и Прометей, пишет: «И Локи, и Прометей неоднократно прибегают к обману, оба персонажа — нарушители сакральных запретов, похитители. Прометей обманывает Зевса во время жертвоприношения, похищает огонь, отдавая его людям и навлекая, таким образом, на них гнев верховного бога с последующей “миниэсхатологией”: наказание людей, всемирный потоп. Обманщик и вор, классический трикстер Локи является *auctor intellectualis* убийства Бальдра, ставшего первым шагом на пути к эсхатологической развязке»²⁵.

В одном из греческих мифов описывается, как Сизиф, самый хитроумный из смертных, вознамерился победить смерть и даже на какое-то время преуспел в этом. Он обманул Таната, явившегося за его душой, и заковал его в оковы. Люди перестали умирать, и порядок, установленный богами, нарушился. История о Сизифе может являться подтверждением тезиса о том, что «обман создает критическую ситуацию, в результате которой возникает препятствие (*σκάνδαλον*), нарушающее правильное функционирование космосистемы»²⁶.

Скандал в мифе неотделим от обмана. М. Евзлин объясняет слово «скандал» применительно к мифу так: «В качестве основного значения оно имеет препятствие, а также козни

²⁴ Зубец О.П. Ложь как самоустранение // Логос. № 5. 2008. С. 101.

²⁵ Михайлов Н.А. Локи и Прометей: к типологии протоперсонажа // Знаки Балкан. Ч. 1. М.: Радикс. 1994. С. 118.

²⁶ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 73.

с целью вызвать падение, будь то в физическом или моральном смысле. Все эти действия предполагают в своей основе обман, с помощью которого достигается цель, которая не может быть достигнута прямыми или правильными средствами... Эта схема повторяется во всяком скандале, где бы он ни происходил, среди богов или людей, в историческое время или мифическое»²⁷.

Важнейшие события, которые пытается описать миф — от сотворения мира до возникновения человека, — сопровождаются обманом. Возникновение нового — это всегда действие, которое невозможно объяснить и обосновать. Творение мира — чудо, а чудо — это нарушение всех основоположных принципов, то есть своеобразный обман законов мироздания. Не меньшее чудо — человек.

Сам миф также по сути своей является обманом, через который, однако, являет себя истина. Обман лежит в самой основе логики мифа: «В мире чудесного это *petitio principii*, это предвзятое заключение, и является той основоположной аксиомой, которая предопределяет всю дальнейшую закономерность логики чудесного и сверхъестественного и, в аспекте формальной логики, пред лицом здравого смысла, обнаруживает себя именно как некое *in falso veritas* — “в обмане истина” (или — обманной истины)»²⁸.

Толчок к изменениям может обеспечить только действие, подрывающее нормативный порядок (кража огня, грехопадение, клевета). Обман рождает скандал, взрывающий инертность бытия изнутри. «Инерция, разумеется, является мощным законом, действующим в бытии. Но в том же бытии возникло человеческое, значит, оно смогло сломать инертность. Надолго ли? На мгновенье? Человеческое — это “скандал” в бытии», — утверждает Э. Левинас²⁹.

Всякой эпохе безвременья — будь то однообразие и уныние полуживотного состояния или райское блаженство — рано или поздно суждено завершиться скандалом. После этого время заново начинает свой отсчет и возникает история.

Если начальной фазой скандала в архаическом мышле-

²⁷ Там же. С. 68.

²⁸ *Голосовкер Я.Э.* Избранное: Логика мифа. СПб.: Университетская книга. 2010. С. 126

²⁹ *Левинас Э.* Тотальность и бесконечное. М.: Университетская книга. 2000. С. 363.

нии является обман, то конечной — наказание. Мифологическое равновесие требует, чтобы зачинщики скандала пострадали за свой обман, а все выгоды, полученные от скандала, были компенсированы несчастьями и потерями.

Чтобы нейтрализовать трикстера, символизирующего изменчивость и движение, необходимо ограничить его возможности в перемещении или поставить в условия, в которых перемены в принципе невозможны, а время закольцовано в круг. Не случайно Змей, искусивший Еву, стал «ползать на чреве», то есть был лишен ног. Еще более тяжелое в этом смысле наказание ждало Сизифа. Сложно было придумать что-либо столь же невыносимое для динамичной природы трикстера, чем монотонная и нескончаемая работа, цель которой в принципе недостижима.

После пира у Эгира асы поймали Локи и привязали к скале кишками его убитого сына Нарви. Над Локи они поместили змею, яд которой его жена собирала в чашу. Когда чаша переполнялась и приходила пора выносить ее, яд начинал капать на лицо, и Локи корчился в муках, вызывавших землетрясения. Прометей же за хищение огня по велению Зевса был прикован Гефестом к Кавказскому хребту. Днем орел клевал его печень, которая за ночь вновь отрастала.

Наказания Локи и Прометея схожи. Расплатой за излишнюю подвижность и гибкость их ума стала вынужденная неподвижность их тел. «“Трансгрессор” рано или поздно должен быть наказан для сохранения установленного и закрепленного космического равновесия. Как наиболее действенным способом может быть наказан нарушитель запрета? Только наложением другого еще более строгого запрета. Путы, узы, оковы суть конкретное материальное воплощение вербального запрета, рестрикция в прямом и переносном смысле этого слова... Только в нейтрализованном (“закованном”) виде нарушитель не опасен, и все элементы и составные части стабильного космоса функционируют по-прежнему. Как только “трансгрессор” освобождается от оков, мировой порядок рушится, сменяются поколения богов или же начинаются эсхатологические процессы»³⁰.

Преступление границ должно быть наказано. Однако миф

³⁰ Михайлов Н.А. Локи и Прометей: к типологии протоперсонажа // Знаки Балкан. Ч. 1. М.: Радикс. 1994. С. 120.

предсказывает, что победа сил порядка над силами хаоса не окончательна. Он признает, что рано или поздно господствующий порядок рухнет и будет заменен чем-то новым. Об этом знают и сами нарушители: Прометей предсказывает конец власти Зевса и гибель мира в огне. Локи предвидит гибель Одина и свое участие в Раганреке на стороне противников асов (то есть из скрытой оппозиции он перейдет в открытую).

Таким образом, несмотря на жестокое наказание нарушителя, его поражение является временным. Все те скандалы, которые были им инициированы, в конце концов дадут свои плоды и приведут к смене миропорядка, где то, что было вызовом для традиции — стремление к изменениям, богоборчество, творчество, — окажется идейной основой для нового порядка. По словам К. Леви-Стросса одним из особенностей решения проблем в мифе является создание ситуации, в которой «аномалия, противоречие или скандал оказываются представленными в качестве манифестации некой структуры порядка — более явственной в других аспектах реальности»³¹.

В сюжете всякого мифологического скандала можно увидеть предвосхищение новой реальности. Так, в мифе о Прометее, похитившем огонь у богов, можно увидеть символическое предсказание судьбы всей европейской культуры. Человечество выбрало путь творчества, свободы, прогресса, самоутверждения и поиска нового, для чего оно бросило вызов традиции, Богу, социальным нормам и законам природы. На этом пути оно достигло небывалых высот, однако обман, давший импульс к развитию, продолжал порождать новые обманы и скандалы, отравляющие и подтачивающие теперь уже новый порядок.

В итоге сегодня свой кризис переживает и прометеева культура. Для Г. Йонаса Прометей — символ современной цивилизации, избравшей путь безостановочной экспансии и долгое время удовлетворявшей свое стремление к прогрессу за счет отказа от ряда моральных ограничений. Пришло время переосмыслить эту практику с учетом новых глобальных вызовов и вновь обратиться лицом к морали самоограничения: «Окончательно освобожденный от оков Прометей, получивший от науки дар небывалой мощи, а от экономи-

³¹ Леви Стросс К. Путь масок. М.: Республика. 2000. С. 275.

ки — неустанный стимул к действию, вызывает к жизни этику, добровольная узда которой призвана не дать его моществу сделаться бедствием для человека»³².

Последствия скандала в пространстве мифа, таким образом, неоднозначны. С одной стороны, зачинщики скандала терпят поражение и строго наказываются, а с другой — каждый скандал как капля подтачивает основы миропорядка, обеспечивая в далеком будущем гибель самого порядка и рождение новых ценностей (которые также в будущем будут подвергнуты пересмотру, и так — до бесконечности).

Точно так же двойственны последствия мифологического скандала для всего человечества. Обман Прометея во время жертвоприношения запускает серию событий, из-за которых на человечество обрушиваются многочисленные беды.

Желая наказать человечество, боги также прибегают к обману. Они используют в своих целях те черты, которые человек унаследовал от трикстера — любопытство и желание преступать нормы. В итоге Пандора, несмотря на запрет, открывает сосуд Зевса, выпуская из него беды, пороки и болезни. Гораций описывает это так:

*Дерзко рвется изведать все
Род людской и грешит, став на запретный путь:
Сын Иапета дерзостный
Злой обман совершив, людям огонь принес;
После кражи огня с небес,
Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг*³³.

Согласно библейским мифам, благодаря обману человечество обрело возможность самостоятельного выбора пути развития и вступило в период истории. Расплатой за эти новые возможности стало зло: смерть, скорбь, муки и тяжелый труд.

Р. Кайуа пишет об этом так: «Наконец в мир вошла

³² Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. 2004. С. 37.

³³ Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт. 1993. С. 3.

смерть — из-за непослушания первого человека, а еще чаще первой женщины, из-за ошибки божьего вестника, из-за глупости Прародителя — трикстера, который сплошь и рядом пытается неловко подражать жестам Творца и своим глупым упрямством приводит к последствиям одновременно комическим и катастрофическим. Как бы то ни было, космос вышел из хаоса — а внутри него смерть, словно червь внутри плода. Эра первобытного беспорядка завершилась, началась естественная история»³⁴.

Итак, скандал необходим, чтобы запустить остановившееся время, придать жизни импульс к развитию. Он возвращает мир в состояние хаоса, воссоздавая условия для творчества, не связанного никакими социальными и моральными ограничениями.

Скандал приходит в мир благодаря трикстеру — обманщику, в чьем образе под личиной представителя сил порядка скрыты стихийные силы природы. Как представитель природы, трикстер тяготеет к аморальному и антисоциальному поведению: нарушению табу, насмешкам над святынями, непристойностям и преступлениям.

Всякое скандальное действие в мифе имеет своим источником обман, а следствием — наказание. Обман создает разрывы в ткани общественной жизни и открывает дорогу для действий, направленных против порядка. Расплатой за скандал является наказание, которое выражено в попытке остановить изменения, спровоцированные нарушением норм. Однако полностью остановить изменения нельзя: каждый скандал вносит свой вклад в будущее разрушение порядка.

Можно сказать, что скандалы нацелены на разрушение условного мифологического времени (равного безвременью) и активизацию времени реального. Они маркируют переход из мифа в историю. Наиболее показательным в этом смысле является миф о Прометее, идеи которого оказались созвучны пафосу Нового времени. Имя Прометей не случайно само обозначает «предвидящий»: в каждом скандале, описанном в мифологии, можно обнаружить *предвосхищение будущего человеческой культуры*.

³⁴ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ. 2003. С. 224.

СКАНДАЛ НА ФОНЕ КАРНАВАЛА

1. Скандал в контексте смеховой культуры

В материалах к книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин предлагал придать понятию скандала категориальный статус. При этом он исходил из положения, согласно которому в основании скандального поведения лежит событие «отрешенное от предания, от пиететного восприятия, от осмысления высокой необходимости... событие профанное и профанирующее»³⁵. Скандал, по мнению Бахтина, тесно связан с карнавальным мироощущением и возникает в условиях столкновения конкретной личности с общепринятыми правилами и условностями.

Подробного анализа исторических или социальных оснований скандала Бахтин в своих работах не делал. Однако его понимание скандала как профанирующего события, имеющего карнавальную характеристику, задает общее направление для такого анализа. Исходя из этого понимания, ведущие социальные и культурные смыслы скандала можно раскрыть лишь в контексте и на фоне истории народной смеховой культуры.

Уже в культуре *Древнего мира* наблюдаются отдельные ритуализированные действия, которые можно интерпретировать как скандальные. Насмешки, оскорбления, разоблачения и другие элементы скандального поведения, санкционированного традицией, можно обнаружить в ряде церемоний, приуроченных к переломным моментам социальной жизни, в некоторых календарных праздниках, а также в практике шутовства, скоморошества и юродства.

В эпохи *Средневековья и Возрождения* скандальные действия становятся органичной частью карнавальной культуры с ее развенчаниями и увенчаниями, переворачиванием социальной иерархии, снижением высокого, отрицанием и пародированием смыслов официальной культуры. При этом

³⁵ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Языки славянских культур. Т. 6. 2002. С. 342.

рассмотрение скандала на фоне карнавала позволяет не только увидеть их общие черты и различия, но также по-иному взглянуть на основные социальные функции карнавала.

Применительно к эпохе *Нового времени*, когда карнавал покинул авансцену культуры, о скандале уже можно говорить как о самостоятельном социальном и культурном явлении. Все необходимые для этого условия в Европе создаются только к XVII веку: общественная жизнь демократизируется, формируется пространство публичного взаимодействия, появляется пресса современного типа. В это время в формы поведения, унаследованные скандалом от карнавала, вкладывается новое содержание, соответствующее задачам, стоящим перед современным обществом.

Ниже последовательно рассмотрены все три этапа развития скандала в общем контексте истории смеховой культуры³⁶.

2. Перед карнавалом

В Древнем Риме высшим публичным признанием заслуг полководца была церемония триумфа — торжественное шествие победителя и его войска по улицам столицы. Триумфатор на золотой колеснице, запряженной четверкой белых коней, проезжал путь от Марсова поля до Капитолия. В руках он держал лавровую ветвь — символ славы и скипетр — символ власти, голову его венчала тяжелая золотая корона из дубовых листьев. Особенности атрибутов, цвета, детали одежды указывали на символическое отождествление триумфатора с Юпитером, верховным богом римского пантеона.

В Риме популярность государственного деятеля достигала кульминационного выражения именно в период триумфа: почести, которые оказывались ему зрителями, по своему эмоциональному накалу могли сравниться только с религиозным поклонением. Тем больше вопросов у современных

³⁶ См.: Сычев А.А. После карнавала: феномен скандала в контексте смеховой культуры // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 211–236.

исследователей вызывают утверждения о том, что наряду с похвалами в адрес триумфатора непременно звучали насмешки и грубые оскорбления. Так, в «Жизни двенадцати цезарей» Гай Светоний Транквилл, описывая галльский триумф Юлия Цезаря, отмечал, что воины, шагавшие за колесницей, распевали о нем насмешливые песни. В одной из них пелось:

*Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.*

Другая же воспроизводила слухи о предполагаемой связи Цезаря с вифинским царем Никомедом:

*Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию, —
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря³⁷.*

В этих песнях-инвективах образ «божественного Цезаря» предельно снижается, а его поведение описывается как скандальное. Ему предъявляются обвинения в растратах и расточительности, половой распущенности и нетрадиционных сексуальных пристрастиях. С точки зрения современного человека такие серьезные обвинения (даже если они подтверждены фактами лишь частично) способны нанести непоправимый ущерб репутации и карьерным планам любого крупного государственного деятеля. Тем более неуместными и непозволительными они представляются в процессе всенародного чествования победителя.

Однако, согласно свидетельствам очевидцев, отношение римлян к этим скандальным действиям серьезным образом отличалось от современных представлений о несоединимости похвалы и насмешки. В ходе триумфальной церемонии народ мог безнаказанно обвинять полководца в самых скандальных проступках, и адресат принимал эти обвинения как должное или, по меньшей мере, не выказывал видимого неудовольствия по их поводу. Очевидно, что и зрителями

³⁷ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука. 1993. I, 49-50.

ритуальные насмешки также не воспринимались как дискредитация или умаление заслуг триумфатора. Победа полководца и его божественное право на власть никем не ставились под сомнение: триумф в Риме всегда был гарантией народной поддержки политических амбиций победителя.

В триумфальной церемонии насмешки и разоблачения выступали в качестве неотъемлемой части ритуала и не могли восприниматься вне контекста восхвалений. В определенном смысле они служили своеобразным противовесом к обожествлению победителя. Играя сдерживающую и предостерегающую роль, насмешки должны были хранить адресата от чрезмерной заносчивости и самонадеянности. Они развенчивали ложные представления о том, что он стоит выше всех остальных людей и фактически (а не символически) равен богу. Триумфатору было важно не только принимать восхваления, но и понимать их условный и временный характер. Он не должен был забывать, что за победами часто следуют поражения, чувства толпы переменчивы, и ее любовь способна быстро смениться забвением или недовольством. Для того чтобы подчеркнуть преходящий характер славы и власти, раб, стоявший в колеснице за спиной виновника триумфа, должен был периодически повторять ему «Оглядывайся назад и помни, что ты — человек!».

С точки зрения зрителей триумфа, насмешки позволяли предельно «снизить» образ представителя власти, фактически низвести его с уровня небожителя до состояния рядового представителя толпы. Инвективы (обличения, бранные высказывания) изменяли угол зрения: из абстрактной функции и символа божественной власти их адресат превращался в живого человека со всеми присущими ему желаниями и недостатками. Сами зрители же, напротив, имели возможность возвыситься до триумфатора и, на фоне провокационных обвинений, даже ощутить свое моральное превосходство.

Во время триумфального шествия процесс одновременно снижения высокого и возвышения низкого способствовал созданию особой неиерархической атмосферы ритуального равенства. В этой атмосфере временного сближения народа и власти и обмена статусами подтрунивание и насмешки уже не выглядели чем-то инородным и неуместным. Фамильяр-

ное общение, грубые шутки и бранные выражения недопустимы только в обращении к тому, кто находится выше в социальной иерархии. В общении равных они позволительны и вполне обычны.

Ритуалы, связанные с временной отменой социальной иерархии, приурочивались не только к особым, не нерегулярным поводам, таким как триумфальное шествие. Они были также привязаны к некоторым календарным праздникам и повторялись из года в год, составляя органичную часть праздничной жизни Древнего мира. Наиболее характерны в этом контексте римские Сатурналии, которые отмечались в период зимнего солнцестояния. Дж. Фрэзер писал, что в период их празднования «различие между господами и рабами как бы упразднялось — раб получал возможность поносить своего господина, напиваться, подобно свободным, сидеть с ним за одним столом. Причем его нельзя было даже словесно упрекнуть за проступки, за которые он в любое другое время был бы наказан побоями, тюрьмой или казнен... Эта инверсия ролей заходила так далеко, что каждый дом на время превращался во что-то вроде микрогосударства, в котором все высшие государственные посты занимали рабы — они отдавали приказания, устанавливали законы, как если бы были консулами, преторами или судьями»³⁸. В период Сатурналий ритуальными средствами инсценировался золотой (или Сатурнов) век, который в античной мифологии считался «потерянным раем» — блаженным временем полного изобилия и социального равенства.

Схожие праздники существовали у различных народов на соответствующем уровне развития. У. Босман составил такое описание праздника Апо в Африке: это был период, «сопровожаемый всеми видами пения, прыжков, плясок, радости и веселья; в это время дозволена самая разнузданная вольность, а скандал ценится настолько высоко, что можно свободно говорить обо всех пороках, подлостях и надувательствах как верхов, так и низов без какого-либо наказания и даже без помехи»³⁹. В ситуации переворачива-

³⁸ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ. 1998. С. 611-612.

³⁹ Цит. по: Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука. 1983. С. 242.

ния иерархии каждый был обязан играть роли людей, чей социальный статус был противоположен его собственному. Так, вождь временно становился обычным членом племени, а обычный человек наделялся правами приказывать вождю. Всякий, кто желал сказать вождю что-то неприятное, получал шанс выговориться, разрядить накопившийся заряд агрессии против власти в виде насмешки над ней. Вождь же, в свою очередь, должен все выслушать и снести все оскорбления в свой адрес, точно так же покорно, как в другое время обычные члены племени сносят оскорбления и приказы от него. Благодаря такой смене ролей каждый получал шанс посмотреть на себя с позиции человека с иным статусом и, возможно, переосмыслить свои отношения с различными социальными группами в свете этого опыта. После окончания праздника его участники, «выговорив» все накопившиеся претензии, возвращались к своим обычным обязанностям с несколько измененными представлениями о них. Таким образом, праздник Апо с его «скандальными» составляющими (обвинениями, оскорблениями и грубостями) выполнял обновляющую и очищающую функции.

Очищающие смыслы временной отмены социальной иерархии особенно ярко проявляются на примере весеннего индийского праздника красок Холи. Холи на время снимает все кастовые различия, и любой человек может свободно и безнаказанно смеяться над всеми другими участниками праздника. Насмешки сопровождаются обливанием цветными красками. Здесь наглядно проявляется символика загрязнения и очищения: по сути, как обливание красками, так и насмешки выступают в качестве символов уничтожения старого, без чего невозможно рождение нового.

Определенные элементы, которые с позиции современности обычно воспринимаются как скандальные, можно обнаружить и в других празднествах древности, прежде всего в Вакханалиях — оргиально-мистических действиях в честь Бахуса (Диониса). Некоторые исследователи склонны толковать скандал в контексте развития (и, отчасти, деградации) дионисийской культуры: «Явление неприличное, позорное и низменное, скандал в то же время — дальний родственник высокого дионисова действия, младший брат вакханалий, их отдаленный потомок, утративший первоизданную мощь и са-

кральную природу, но все же сохранивший некоторые фамильные черты. Участник скандала теряет благопристойную наружность, “выходит из себя”, словно бы преступая суверенные границы собственной личности, утрачивая ее цельное и в этом смысле “аполлоническое” единство. Скандал как безобразие — это и есть утрата образа, утрата цельности, без которой не может существовать образ. Это образ, окунувшийся в стихию хаотического и разрушенный ею, как некогда, в моменты вакхического экстаза, легко нарушалась цельность человеческого тела»⁴⁰. В современном языке слово «вакханалия» также часто употребляется для обозначения ряда действий, скандальных по своей сути: это разнузданное празднество, дикий разгул, оргия, буйство, неистовость, исступленность и т. д.

В архаичной культуре помимо триумфов и праздников существовал третий важный источник санкционированных традицией насмешек и разоблачений, часто нацеленный на инверсию общественных отношений и создание атмосферы скандальности. Он был связан с образом жизни и действиями персонифицированных выразителей древних традиций праздничной вольности — шутов, скоморохов, юродивых. Все они обладали безусловными правами на насмешку и безнаказанное оскорбление властей.

В ряду этих персонифицированных выразителей смеховой культуры особое место принадлежало юродивым. Поступки юродивых намеренно нарушали социальные нормы и были направлены на провоцирование скандалов. Они эпатажили публику, пренебрегали общепринятыми условностями: могли появляться на публике без одежды, лежать в грязи, общаться с представителями социального дна, совершать внешне нелогичные, даже безумные действия и т. д. Их образ жизни, помимо прочего, предполагал право беспрепятственно говорить в лицо людям самую неудобную правду. На Руси часто только они обладали реальными возможностями возражать царям, указывать на их недостатки, насмехаться над их ошибками.

⁴⁰ *Виролайнен М.* Хоровое начало, принцип множественности и пафос соборности как основания «скандальных» сюжетов // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 44.

«В насмешках юродивого и его скандальных поступках содержится ироническое поругание этого падшего мира с его условностями и общественными приличиями»⁴¹. Современники признавали право юродивых на нарушение приличий, поскольку полагали, что они являются выразителями более высоких ценностей. Для религиозного сознания внешняя нелогичность и аморальность поведения юродивых — следствие того, что несовершенный, «испорченный» мир современности оценивается ими с позиции идеального, божественного мира, в котором господствуют равенство и свобода. «Юродивый в каком-то смысле говорит: то, что вы видите, мое безобразие и скандальное поведение — это все неправда. Правда скрыта, не видна вашему глазу. Юродствование — это поведение, которое намекает, что есть другая, высшая реальность»⁴².

Таким образом, поведение, которое разрушает общепринятую иерархию социальных отношений, в архаичном обществе прочно ассоциируется с определенными поводами, подобными триумфальной церемонии, с некоторыми календарными праздниками или же с действиями ограниченного круга лиц, обладающих «смеховыми правами» говорить правду в лицо власти. С позиции современности такое асоциальное поведение осознается как скандальное, поскольку оно формально соответствует необходимым для этого условиям: совершаются серьезные нарушения общепринятых моральных норм, эти нарушения разоблачаются и становятся достоянием широкой общественности, присутствует публичная эмоциональная реакция на них и т. д. Однако о скандале как о самостоятельном моральном и социальном явлении на этом этапе развития культуры говорить еще нельзя. Скандальное поведение вписано в сложный архаичный ритуал на правах его составной части и вне его символики не имеет никакого смысла. Следовательно, и анализировать его можно только в общем контексте ритуала и особенностей архаичной культуры.

⁴¹ Ларше Ж.-К. Исцеление психических болезней: опыт христианского Востока первых веков. М.: Сретенский монастырь. 2011. С. 187.

⁴² Иванов С.А. Зачем юродивые взрывали общественный покой? // Фома. № 6 (110). 2012.

Позволительность осмеяния, обличения, ритуального оскорбления и даже принуждение к ним следует рассматривать прежде всего как стремление архаичного сознания к восстановлению целостности мира, нарушенной процессами социального расслоения. Идеал, с позиции которого оценивался мир в церемониях сатурналий и триумфов или в действиях юродивых, был опрокинут в прошлое: в мифический «золотой век» или в блаженное догреховное состояние. Современность, соответственно, понималась как следствие деградации и испорченности, фрагментации целостного образа мира. Возвышение человека, его выделение из общей массы, концентрация власти в его руках нарушали изначальное первобытное равенство. Такое нарушение представлялось архаичному сознанию опасным: оно было направлено на поиск механизмов, способных восстановить прежнее состояние, вернуть виновника в породившую его массу. Поскольку вернуться к равенству естественного состояния на практике было невозможно, оно разыгрывалось символически: в ритуальных действиях, связанных с временным снятием иерархических различий. По этой причине всякое прославление в ритуале должно было компенсироваться обличением, возвышение — снижением, сакрализация — профанированием. Вождям или царям нужно было постоянно напоминать, что они такие же люди, как и все остальные, и точно так же подпадают под действия моральных ограничений.

Помимо апелляции к идеалу равенства, все случаи архаичного антиповедения объединяет тесная связь со смеховой культурой. Для мифологического сознания скандальность, разоблачительность, видимо, прочно ассоциировались со смехом как с наиболее амбивалентным феноменом культуры, связанным одновременно со смертью (насмешка) и с рождением (радостный смех). О.М. Фрейденберг утверждала: «Обличение, порицание требуют семантического отвода назад, и тогда под ними оказываются смех, инвектива, сквернословие». При этом лицом, на которое было направлено обличение, являлись «сперва само божество, затем жрец, дальше глава государства, политический деятель, военный вождь»⁴³.

⁴³ Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт. 1997. С. 100.

Очевидно, на самых ранних этапах развития культуры смехом действительно сопровождалась ритуалы, связанные с плодородием, божества которых погибали каждую осень и возрождались весной. Смех здесь, с одной стороны, сопровождал символические «похороны» божества, а с другой — призывал к его возрождению. Фактически та же схема применялась и в ситуации триумфа: победитель в качестве финального испытания должен был пройти очистительное горнило смеха. Все его прошлые неудачи и неприглядные проступки нужно было проговорить, выставить на всеобщее обозрение и со смехом «похоронить», чтобы адресат заново «родился» уже в новом качестве — триумфатора, победителя. Призыв к рождению, в свою очередь, был связан с воспроизводственными, сексуальными смыслами смеха, которые получили свою ритуальную интерпретацию в оргиальных празднествах дионисийского типа.

Хотя в смеховой скандальности архаической культуры отчетливо прослеживаются ноты протеста, бунтарства, оппозиционности, фактически все антииерархические ритуалы выполняли функцию, противоположную протестной. Они позволяли «выпустить пар», на определенное время освободиться от давления строгих правил, окунуться в праздничную стихию равенства, поддержать иллюзию возможностей контролировать власть. В какой-то степени насмешки и обличения также помогали донести до верхов мнение народа, а праздничная перемена ролей способствовала лучшему пониманию властью желаний обычного человека. Однако фактически смеховой ритуал не вел ни к каким изменениям в реальности. Его завершение знаменовало полное примирение с настоящим. По окончании церемонии, выговорив все свои претензии, участники смехового действия возвращались к обычной жизни с ее узаконенным неравенством и неустрашимой социальной несправедливостью.

3. Скандал и карнавал

В периоды позднего Средневековья и Возрождения различные разрозненные обрядово-зрелищные и жанровые формы бытования смеха и праздничной жизни были объе-

динены в целостный феномен карнавальской культуры. Согласно М.М. Бахтину, карнавал в широком смысле этого слова — это совокупность площадных празднеств, смеховых произведений, проявлений шутовства и дурачества, объединенная глубинными философскими смыслами универсальности, неофициальности, амбивалентности.

Карнавал, который связывал и переосмыслял традиции сатурналий, вакханалий, скоморошества, юродства, унаследовал от них способность на определенное время сокращать социальную дистанцию и разрушать властную иерархию. На карнавале все были равны, все «священное и высокое» (авторитет власти, идеология, традиции, официальная культура в целом) в карнавале развенчивалось, осмеивалось и унижалось. Все «низкое» и «неприличное» (обжорство, пьянство, сексуальность), напротив, оправдывалось и возводилось на пьедестал. Представители власти подвергались издевательствам и унижениям, а королем карнавала объявлялся шут или дурак. Процесс такого переворачивания отношений, увенчания и развенчания, собственно, и обозначался Бахтиным как «карнавализация». При этом карнавальное «перевернутое» восприятие мира отличалось оптимизмом, праздничностью и сопровождалось всеобщим ликованием и радостью.

По своей сути карнавал был неофициальной жизнью народа, объединенной на основе смеха. В карнавале, писал Бахтин, «сама жизнь играет, разыгрывая — без сценической площадки, без рампы, без актеров, без зрителей, то есть без всякой художественно-театральной специфики — другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах»⁴⁴. Карнавал был чужд всякой завершенности, официозу, конечности и ориентирован на будущее, изменения, развитие и символическое обновление.

Формально многие элементы карнавала в бахтинской его трактовке обладают признаками, которые ассоциируются со скандальностью. Н.Я. Григорьева пишет: «На протяжении карнавала все является скандалом, если оценивать кар-

⁴⁴ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Языки славянских культур. 2010, Т. 4 (2). С. 16.

навальные события с точки зрения повседневности. Перманентная скандальность карнавала связана с тем, что в нем выходит наружу “родовое тело”, которое партиципирует каждый участник действия. Этот грубый контакт с “родовым телом”, включающий в себя, помимо осмеяния, ругательства, побои и забрасывание калом, предельно интимен. В известном смысле скандал можно было бы определить как внезапную интимизацию общественных отношений». С этой точки зрения верно и обратное: «в любом скандале, прерывающем ход обыденной жизни, можно обнаружить карнавальную механику»⁴⁵. В скандалах формально воспроизводится типичная логика карнавала: нарушаются общепринятые моральные нормы, происходит переворачивание социальных ролей, развенчиваются и разоблачаются лица, наделенные властью, профанируется священное, отрицается официальная культура.

Официальная культура на полюсе власти пронизана устрашением, угрозами, а на полюсе подданных — восхвалением и смирением. Карнавал же на время своего существования снимал все запреты, ограничения, освобождал от страха перед священным и авторитетом, от необходимости демонстрировать любовь к власти. Смирение и славословия сменялись насмешками, разоблачениями, бранью в адрес государства, церкви и всего официального. Стихия скандала — это та же *карнавальная вольность*, свобода от страха перед властью. Скандал — один из тех немногочисленных социальных механизмов, который, помещая представителей власти и их пороки на всеобщее обозрение, позволяет обычным людям почувствовать себя в роли контролеров и судей.

Скандал — это снижение, профанация, развенчание, вакхическое «разъятие» на части. Его результатом являются изменения в привычной иерархии: смещение виновников с высоких постов, лишение чинов и званий, окончание политической карьеры, тюремное заключение и т. д. События скандала, как и карнавала, развиваются по логике «оборотничества», выворачивания наизнанку. Для возникновения скандала необходимы ситуации, которые нарушают

⁴⁵ Григорьева Н.Я. Смех и зрелище в работах Бахтина и Плеснера // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 276.

естественный ход событий, противоречат общепринятым представлениям о целях той или иной деятельности. Скандалом представляется, например, деятельность ученого, обвиненного в плагиате, или учителя, торгующего оценками. Эта нацеленность на *профанирование* всего высокого, способность разрушать привычную социальную иерархию, опрокидывать общепринятые представления также объединяет культурные смыслы скандала и карнавала.

Оборотничество связано с постоянными перемещениями верха и низа, прежде всего с карнавальным подменой лица задом. Не случайно скандал легче всего вызвать, концентрируя внимание зрителей на проступках, связанных с «телесным низом»: сексуальных или непристойных действиях виновников. При этом скандальность проявляется наиболее отчетливо в случае, когда жертва в силу своего социального положения еще и должна служить примером морального поведения. В этом случае проходит «снижение» духовного, его сведение к материальному. Не случайно крупные общественные и политические деятели часто становятся фигурантами сексуальных скандалов, а в прессе постоянно муссируются факты непристойного поведения публичных лиц. Формально всякий скандал, подобно карнавалу, акцентирует *материально-телесные* элементы жизненного цикла.

Карнавал был явлением праздничным, всенародным, площадным. Для скандала не менее важна «площадь», открытое публичное информационное пространство, где новости могут свободно и беспрепятственно распространяться. Проступок, информация о котором скрывается, не является скандальным. Он становится скандалом, только будучи разоблаченным и превратившись в объект активного обсуждения публики. Без широкой аудитории скандал принципиально невозможен — он проявляется именно как публичная реакция на нарушение норм, а развитие скандала связано с вовлечением в процесс разбирательства все больших масс людей. Бесчестье, дискредитация, позор, стыд как составляющие скандала предполагают *массовость* восприятия — сцену, хор, площадь.

Карнавал являлся переходом от тяжелого труда к досугу и развлечениям, выходом за пределы тяжелых будней в праздничное, ликующее время. Скандал, подобно кар-

навалу, выполняет рекреационную функцию, снимает социальное напряжение, служит средством развлечения для широких масс. Всякий резонансный скандал подразумевает сенсационность повода и запутанную интригу. Он привлекает внимание аудитории, вызывает живой интерес, до последнего момента держит ее в эмоциональном напряжении, в нем всегда ощущается некоторая аффективность, драматичность, театральность. Крупный скандал становится поводом для публичных разбирательств, обсуждений и споров, в ходе которых решаются вопросы, обладающие несомненным интересом для всех, поскольку они прямо или косвенно влияют на жизнь каждого члена общества. Кроме того, предполагается, что каждый человек непосредственно или через своих представителей может принять участие в обсуждении и оказать определенное влияние на ситуацию. Следовательно, и в карнавале, и в скандале предполагается, что зритель активно воспринимает представление, оказывает на его ход непосредственное влияние, имеет возможность соучаствовать в нем. С этой точки зрения можно говорить о *зрелищном* характере скандала.

Итак, такие характеристики, как освобождение от страха перед властью, снижение высокого, сведение духовного к «телесному низу», массовость и зрелищность восприятия, наглядно демонстрируют, что всякий скандал обладает ярко выраженными карнавальными чертами. Точно так же во всяком карнавале присутствует скандальность: санкционируется преступление моральных норм, переворачивается социальная иерархия, допускаются непристойности и оскорбительность в поведении участников и т. д.

Тем не менее карнавал и скандал — явления разного порядка. Карнавал являлся целостной системой, где отрицание и утверждение как разнонаправленные элементы находились в уравновешенном состоянии. Развенчание в нем с необходимостью дополнялось увенчанием, оскорбление — восхвалением, телесно-материальное сменялось духовным, а за карнавальными похоронами с необходимостью следовало возрождение. Всякое отрицание в карнавале подразумевало утверждение, даже если акцент в нем делается на первом элементе. Чистая отрицательность вообще не была характерна для карнавальной культуры. Можно сказать,

что отрицание служило своеобразным антитезисом, который для своего появления нуждался в тезисе (официальной культуре) и затем в последующем снятии в синтезе (который представляет собой ту же официальную культуру, прошедшую символическое очищение смехом). Таким образом, отрицание в карнавале было лишь одной из множества его сторон, не имело самостоятельного значения и впоследствии компенсировалось утверждением. В скандале же отрицание абсолютизируется. Скандал есть чистая отрицательность, не подразумевающая никакого снятия. В основном именно разница в подходах к пониманию отрицания предопределяет все основные отличия карнавала от скандала.

Обличение для средневекового и ренессансного сознания было тесно связано со смехом, объединившим в себе символику отторжения (насмешки) и притяжения (совместный смех), смерти и возрождения, умерщвления и плодородия. По сути, обличение, как составная часть смеховой культуры, не могло рассматриваться вне ее смыслов. Оно являлось начальным моментом карнавального действия, испытанием, предостережением и в то же время — своеобразным «очищением» человека. Скандал, в отличие от карнавала, является однонаправленным явлением, которое носит сугубо *обвинительный* характер. Это развенчание и оскорбление, которые не предполагают последующих увенчания и восхваления. Скандал, как правило, окончательно «хоронит» репутацию отдельных лиц или целых социальных групп и разрушает отношения доверия в обществе. Конечно, и он в какой-то мере связан с обновлением, но лишь косвенным образом: скандал не создает нового, а только указывает на те области, где обновление необходимо, и, разрушая, расчищает для него место.

Особенностью народной смеховой культуры являлась амбивалентность, которая, помимо прочего, подразумевала направленность насмешки не только на объект, но и на самого себя. Карнавальный смех был универсальным — народ смеялся над всем миром в целом, не делая для чего-либо или кого-либо исключений. Поскольку сам народ тоже является органичной частью мира, субъект насмешек с необходимостью превращался и в его объект. В сканда-

ле же отрицание направлено только на конкретного виновника, а публика, как коллективный субъект, противопоставляет себя ему. С этой точки зрения объект отрицания теряет свою целостность и универсальность, превращается в частное, *фрагментарное* явление.

Насмешки и обличения занимали свое заранее оговоренное место в системе карнавальской деятельности: они были привязаны к календарным праздникам весны и обновления, особым переломным моментам в жизни общества. Собственно, вся эпоха Возрождения, когда карнавальная культура переживала свой расцвет, являлась таким переломным периодом. Скандал же как самостоятельное явление *спонтанен*: для аудитории он всегда разряжается неожиданно. Хотя скандал можно провоцировать, конструировать и искусственно приурочивать к определенным событиям, тем не менее и в этом случае его организаторы не связаны никакими требованиями места и времени или ритуальными условностями. В целом скандал не должен быть привязан к переломным моментам в жизни общества, напротив, он сам способен создавать такие моменты.

Наконец, карнавал обладал парадоксальным свойством: по сути, он возводил в особую норму отсутствие всяких норм. Можно сказать, что он принуждал к осмеянию, требовал нарушения приличий. Скандалное поведение здесь было вполне ожидаемо, просчитано заранее и обязательно для исполнения. Скандалность в карнавале была естественной и органичной. Чистый скандал, напротив, последовательно *антинормативен* — он всегда катастрофичен и представляет собой крушение чего-либо, сбой в работе системы. Скандал нарушает естественный ход событий, является чем-то неожиданным для его виновников и аудитории.

Таким образом, скандал от карнавала отличает его сугубо обвинительная направленность, а также такие характеристики, как фрагментарность, спонтанность, антинормативность. Эти характеристики являются следствием того, что отрицание официальной культуры, которое в карнавале играло подчиненную и вспомогательную роль, в скандале превратилось в самостоятельное и определяющее явление.

4. После карнавала

М.М. Бахтин в «Проблемах поэтики Достоевского» однозначно указывал на карнавальные корни скандала. Однако в специальной работе о карнавальной культуре — книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» — он оставил проблему скандала без рассмотрения (хотя привел достаточно много ситуаций, которые можно охарактеризовать как скандальные). Тот факт, что скандал оказался здесь вне фокуса внимания, можно объяснить тем, что в карнавальной культуре он был подчиненным элементом: в сущности, в эпохи Средневековья и Возрождения его еще не существовало как самостоятельного явления культуры.

Период формирования скандала как самостоятельной формы культуры следует отнести к началу Нового времени, когда карнавал ушел с авансцены европейской культуры. Бахтин писал: «В эту эпоху (собственно, со второй половины XVII века) совершается процесс постепенного сужения, измельчания и обеднения обрядово-зрелищных карнавальных форм народной культуры. Происходит, с одной стороны, огосударствление праздничной жизни, и она становится парадной, с другой — бытовизация ее, то есть она уходит в частный, домашний, семейный быт. Былые привилегии праздничной площади все более и более ограничиваются. Особое карнавальное мироощущение с его всенародностью, вольностью, утопичностью, устремленностью в будущее начинает превращаться просто в праздничное настроение. Праздник почти перестал быть второй жизнью народа, его временным возрождением и обновлением. Мы подчеркнули слово “почти”, потому что народно-праздничное карнавальное начало, в сущности, неистребимо. Суженное и ослабленное, оно все же продолжает оплодотворять собою различные области жизни и культуры»⁴⁶.

В определенной степени скандал стал одним из тех самых «суженных и ослабленных» проявлений карнавального начала, последствием его фрагментации. Сам Бахтин в других контекстах называет подобные «осколки» смеховой культу-

⁴⁶ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Языки славянских культур. Т. 4 (2). 2010. С. 144.

ры, сохранившие некоторые его особенности, но утеревшие его универсальность и амбивалентность, «редуцированными формами смеха» — к ним он относит, например, сатиру, иронию, сарказм. Видимо, и скандал в этом контексте можно назвать *редуцированной формой карнавала*, потерявшей свою мировоззренческую универсальность и получившей самостоятельное социальное и культурное значение. Скандал формально воспроизводит многие элементы карнавала, но он лишен ритуальных и символических значений, а также мистических напластований, характерных для праздника.

Поскольку карнавал в эпоху Нового времени постепенно деградировал, можно говорить о том, что скандал явился продуктом полураспада карнавальской культуры. Получив самостоятельность, скандал все же сохранил отчетливое фамильное сходство с карнавалом как с породившей его стихией. Особенно долго генетическая память скандала сохранялась в литературе, в частности в романном творчестве, продолжающем и развивающем традиции жанров, связанных со смеховой культурой. Так, Бахтин полагал, что понять особенности творчества Достоевского невозможно без обращения к теме карнавала.

В «Проблемах поэтики Достоевского» утверждается, что в основе скандала «лежит глубокое карнавальное мироощущение»⁴⁷. В скандалах, которые часто описываются Достоевским, а в ряде случаев определяют сюжет и композицию его произведений, воспроизводится атмосфера карнавала с кризисами и переломами, моральными экспериментами, контрастами, мистификациями, мезальянсами, катастрофами. Большая часть этих переломных ситуаций является следствием столкновений неординарной личности с внешней средой, с общепринятыми правилами. Именно в момент подобных столкновений, по мнению Бахтина, и возникает скандал как «первое и наиболее внешнее обнаружение пафоса личности»⁴⁸.

Скандал в этом понимании есть ситуация, создающая условия для самораскрытия личности, обнажения ее ис-

⁴⁷ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Языки славянских культур. Т. 6. 2002. С. 165.

⁴⁸ Там же. С. 17.

тинной сущности. Человек в ситуации скандала демонстрирует свое настоящее лицо, на время отвлекаясь от масок, условностей, социальных ролей, положения в социальной иерархии, рангов и званий, диктовавших ему, как себя вести, и предопределявших отношение к нему со стороны окружающих.

Скандалы у Достоевского, пишет Бахтин, «полны карнавальных контрастов, резких мезальянсов и эксцентричностей, существенных увенчаний-развенчаний, но внутренняя сущность их аналогична: лопаются (или хотя бы ослабевают на миг) “гнилые веревки” официальной и личной лжи и обнажаются человеческие души, страшные, как в преисподней, или, наоборот, светлые и чистые. Люди на миг оказываются вне обычных условий жизни, как на карнавальной площади или в преисподней, и раскрывается иной — более подлинный — смысл их самих и их отношений друг к другу»⁴⁹.

Поясняя причины внимания Достоевского к скандалам, Бахтин утверждал, что в литературе Нового времени полифонический роман являлся развитием традиций серьезно-смехового жанра мениппеи, тесно связанного с традициями карнавала. «Для мениппеи очень характерны сцены скандалов, эксцентрического поведения, неуместных речей и выступлений, то есть всяческие нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета, в том числе и речевого. Эти скандалы по своей художественной структуре резко отличны от эпических событий и трагических катастроф. Существенно отличаются они и от комедийных потасовок и разоблачений. Можно сказать, что в мениппее появляются новые художественные категории скандального и эксцентрического, совершенно чуждые классическому эпосу и драматическим жанрам. Скандалы и эксцентричности разрушают эпическую и трагическую целостность мира, пробивают брешь в незыблемом, нормальном («благообразном») ходе человеческих дел и событий и освобождают человеческое поведение от определяющих его норм и мотивировок»⁵⁰.

⁴⁹ Там же. С. 164.

⁵⁰ Там же. С. 132-133.

Отмечая генетическую связь скандала с карнавалом, Бахтин все же оговаривается, что первый имеет серьезные отличия от «комедийных потасовок и разоблачений». В этом контексте можно предположить, что основной причиной отличий карнавальных оскорблений от скандала является их символичность. Они не нарушали архаичной целостности мира, напротив, — служили для ритуальной коррекции подобных нарушений (как в римском триумфе) или же предполагали последующее обновление и возрождение. Скандал же является механизмом, нацеленным только на задачи разрушения целостности.

Для понимания причин разрушения цельности карнавального мировоззрения переход к фрагментарности скандала необходимо рассматривать в контексте широких историко-культурных изменений, происходивших в процессе движения от традиционного общества к обществу современного типа.

Карнавал был порождением традиционного доиндустриального общества, общинной солидарности, естественной регуляции. В теоретическом плане ему наиболее соответствовал универсализм гуманистов эпохи Возрождения, таких, как Ф. Рабле или Эразм Роттердамский. Скандал же является проявлением общества современного типа, индустриального и постиндустриального по характеру, тяготеющего к искусственной регуляции, публичности, а затем и к массовой культуре. Он отображает мировоззренческие ценности новой эпохи, которым на первых порах ее развития более всего соответствовал последовательный рационализм Р. Декарта и опора на достоверные факты, характерная для методологии Ф. Бэкона.

Каждый тип общества нуждался в особых культурных и моральных регуляторах, отличия в которых обусловлены различными пониманием идеала.

Идеал *традиционного общества* находился в мифологизированном прошлом. Всякие изменения в обществе ассоциировались, скорее, с деградацией, с уходом от «золотого века» изобилия и равенства. Соответственно культура была направлена на сохранение традиций или же на коррекцию всего, выходявшего за рамки привычного поведения.

Одной из важнейших функций ритуальных обличений было сохранение стабильности в обществе. Возможно,

на самых ранних этапах развития общества против тех, кто выделялся из общей массы, нарушал общепринятые установления и преступал табу, применялись реальные и достаточно жесткие санкции вплоть до остракизма, изгнания и даже умерщвления. И лишь со временем, когда стало понятно, что реально восстановить первобытное равенство уже невозможно, эти корректирующие механизмы приобрели ритуально-символический характер. Лица, выделившиеся из массы благодаря получению реальной власти, стали подвергаться символическому «умерщвлению» путем насмешек и оскорблений.

Однако полностью перекрыть путь инновациям было невозможно, и они продолжали накапливаться, представляя все большую угрозу традиционным ценностям. При этом с каждым новым столетием темп социальных изменений ускорялся. В определенный момент отдельных сдерживающих механизмов оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять этим разрушительным тенденциям. Потребовалась целая система, которая могла бы служить противовесом официальной культуре с ее строгим иерархизмом и санкционированным властью социальным неравенством. Такой системой и стал карнавал с его пафосом равенства, объединивший в эпоху позднего Средневековья и Возрождения различные формы смеховой культуры и некоторое время успешно противостоявший социальным изменениям. Он позволял снять напряжение и выступал как механизм переориентирования и ритуализации протестных настроений широких народных масс.

Уже к XVI веку количество накопленных «аномалий» привело к тому, что само существование традиционного общества оказалось под вопросом. Для сохранения стабильности в обществе требовалось особое напряжение всех сил, противоборствующих изменениям. Именно в это время карнавал переживает период своего расцвета. Этот последний всплеск карнавальской активности произошел в наиболее переломный момент истории европейской культуры, ознаменовавший переход к обществу с новой системой ценностей.

Идеал общества *современного типа* помещен в мифологизированное будущее. Это может быть просвещенная монархия, царство свободы, коммунизм, либеральный «конец

истории» и т. д. Предполагается, что для достижения такого идеала необходимы изменения, новации, развитие, а в некоторых случаях и революции. Карнавал с его стабилизирующей и охранительной функцией не способен придать общественному развитию требуемую динамику. Однако некоторые развенчивающие, профанирующие элементы карнавала могут быть использованы в качестве механизмов, провоцирующих социальные изменения. Скандал как редуцированная форма карнавала в этом аспекте наиболее показателен.

Всякий скандал служит своеобразным ориентиром для реформ: он указывает на те сферы деятельности, где назрели изменения и тем самым способствует улучшению регуляции этих сфер. Например, Ф. Фукуяма, рассматривая правила регулирования законодательства о здоровье, утверждает, что «в каждом случае очередной шаг в их развитии был связан со скандалом или ужасной ошибкой»⁵¹. Можно сказать, что всякий резонансный скандал с необходимостью приводит к появлению нового закона, акта и т. д., призванного предотвратить возникновение подобного скандала в будущем.

Возможны и крупные скандалы, бесповоротно подрывающие доверие общества к определенным практикам и целым социальным институтам. С точки зрения идеалов современного общества, такие скандалы также необходимы — они указывают на те сферы, где реформирование уже не способно ничего исправить. В таком случае скандал играет уже не реформирующую, а революционизирующую роль. Он разрушает, однако самим этим разрушением он готовит почву для возникновения чего-то кардинально нового.

Особенно хорошо заметна роль скандала в тех сферах, где направленность на новации наиболее важна, прежде всего — в литературе и искусстве. Для ряда направлений европейского искусства Нового времени, например для романтизма, футуризма, концептуализма, скандал был не побочным явлением, а формой существования, проявлением творчества, способом разрушения догм и негибких норм старого мира.

В настоящее время общество переживает очередную ценностную трансформацию, по многим параметрам вполне со-

⁵¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ. 2004. С. 283.

поставимую с изменениями эпохи Возрождения. Еще сложно говорить о том, какое развитие в этих условиях получит линия культуры, идущая от архаических ритуалов через карнавал к скандалу. Возможно, скандал перейдет в качественно новую форму существования, или же на новом этапе будут актуализированы старые его смыслы.

Пока можно с уверенностью утверждать только то, что переход от индустриального к информационному обществу усилил роль скандала в обществе. Новые формы массовой коммуникации, возможность практически мгновенного распространения новостей и быстрой мобилизации народных масс привели к тому, что скандал становится все более заметным и востребованным явлением в современной жизни. Практически каждый день мир сотрясают новые скандалы, и многие из них имеют серьезные последствия для политики, экономики, культуры.

Можно утверждать, что скандал для современной культуры имеет такое же значение, как и карнавал — для культуры Средневековья и Возрождения. И тот и другой представляют собой механизмы, способствующие движению общества в направлении культурного идеала. Однако, поскольку идеалы традиционного и современного общества расположены на разных полюсах временной шкалы, функции карнавала и скандала оказываются противоположно направленными. Первый способствует сохранению стабильности общества, второй же провоцирует постоянное его изменение и обновление.

СКАНДАЛ НА ГРАНИЦАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Скандал как дискредитация

В традиционной культуре главную опасность скандального поведения усматривали не столько в аморальном его характере, сколько в его способности служить дурным примером для широких масс. Такое понимание скандала соответствует изначальному значению греческого слова *σκάνδαλον* — «соблазн, искушение, ловушка» — и практике его словоупотребления в Библии. Всякое скандальное поведение признавалось предосудительным, поскольку оно способно было «соблазнить одного из малых сих», т. е. поколебать уверенность людей в незыблемости общепринятых норм, привести к разногласиям между ними и разрушить единство коллектива.

Поскольку основой средневекового мировоззрения была религиозность, наиболее скандальной в эту эпоху считалась деятельность, подрывавшая основы веры: в самых ранних зафиксированных случаях употребления слова «скандал» в новоевропейских языках оно имело значение дискредитации основ христианского учения⁵².

В единообразной культуре Средневековья скандальными представлялись жизнь и учение иноверцев, еретиков и прочих, о которых большая часть народа, как правило, узнавала из искаженных слухов, устных рассказов или церковных проповедей. Известия о том или ином скандальном происшествии постепенно распространялись, обрастая фантастическими подробностями и преувеличениями. В итоге в общественном сознании, а затем и в фольклоре, закреплялся предельно скандализированный образ чужого. Мифы, легенды, сказки, эпические сказания изобилуют описаниями колдунов, язычников и прочих «врагов Христа», которым приписывали злокозненные действия, предъявляли обви-

⁵² Scandal // Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 794.

нения в связях с нечистой силой, обличали в тайных заговорах против истинной веры и т. д. Эти обвинения поддерживались церковью и властями, заинтересованными в подавлении чужого и сохранении стабильности в обществе, а значит, и своего привилегированного положения в нем.

Не только поведение, дискредитирующее веру, воспринималось как скандальное, но и сами скандальные действия, в свою очередь, часто интерпретировались как индикатор безверия и аморализма их виновников. По этой причине обвинения в подобных действиях активно использовались церковью и властями для дискредитации тех групп, которые представлялись им опасными.

По иронии судьбы обвинения, которые европейское Средневековье использовало против чуждых групп, на исходе эпохи Античности предъяснялись самим христианством. А.А. Гусейнов пишет об этом так: «Наиболее важные вехи истории нравственности были сопряжены с непониманием господствующего большинства, утверждали себя в конфликте с существовавшими нравами, сопровождалась скандалами. Так было с Иисусом Христом, Нагорная проповедь которого еще сотни лет оставалась скандалом после гибели ее автора»⁵³. На протяжении нескольких первых веков своего развития христианство воспринималось как учение, бросающее вызов всем нормам и традициям.

Культура Античности была рационалистичной и прагматичной, и в то же время она не отказывалась от наслаждения и пользы как важных жизненных приоритетов. Христианство с его приматом веры и готовностью принять мучение за идеалы, не подтвержденные разумом, казалось римскому сознанию определенным видом безумия. В христианстве, однако, была и своя притягательность, связанная с особым пониманием божественности и с требованием любви ко всем людям без исключения. Эти идеи, представлявшие поначалу странными, постепенно нашли свой путь к сердцам многих оглашенных, желавших стать частью единой христианской семьи. В Библии сказано об этом так: «Мы проповедуем Христа распятого: иудеям соблазн, эллинам

⁵³ Гусейнов А.А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 35.

безумие» (при этом в греческом тексте «соблазн» передается словом *σκάνδαλον* — «скандал») ⁵⁴.

Пока христиане были малочисленной группой, они не вызывали особых опасений у окружающих. Однако по мере распространения религиозного учения власти Римской империи не без причин усмотрели в христианстве, чьи идеалы заметным образом отличались от жизненных ценностей языческого большинства, угрозу господствующей морали и общественным устоям.

Попытки дискредитации учения сводились прежде всего к предъявлению его сторонникам обвинений в скандальном поведении. По свидетельству историков, в числе обвинений, направленных против ранних христиан, чаще всего назывались кровосмесительные оргии и ритуальное поедание младенцев ⁵⁵.

Власти не препятствовали распространению подобных слухов (а возможно, иногда и сами служили их источником), хотя христиане (судя по текстам апологетов) постоянно требовали проведения объективных расследований, которые могли бы выявить истину и восстановить их репутацию. Тертуллиан с иронией писал: «Должно было бы расследовать все то, в чем ложно обвиняют нас, а именно: сколько каждый из нас пожрал умерщвленных детей? сколько при погашенных свечах уже совершил кровосмешений? какие были при этом повара, какие собаки? О, какая честь была бы судье, если бы он открыл того, который пожрал уже сотню младенцев!» ⁵⁶ Впрочем, до официальных расследований власти старались не доводить, опасаясь признания слухов ложными.

На примере обвинений христиан отчетливо прослеживается та цепь искажений и преувеличений, которая выступает немаловажным условием для разворачивания всякого крупного скандала: истина здесь преподносится таким образом, что превращается в свою полную противоположность, сохраняя при этом некоторую видимость правдоподобия.

⁵⁴ Библия. 1 Кор. 1, 23.

⁵⁵ Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. СПб.: Гуманитарная академия. 2003. С. 181.

⁵⁶ Тертуллиан. Апологетик // Отцы и учителя Церкви III века. Антология. М. Т.1. 1996. С. 317.

Противники христиан отталкивались от реальных событий и фактов. Однако информация о них на определенном этапе разворачивания скандала так искажалась, что она переставала соответствовать и реальности, и здравому смыслу. Толчком для возникновения представлений о каннибализме была, без сомнений, ритуальная практика евхаристии (вкушение хлеба и вина как тела и крови Христа). Сознательно или из-за буквального восприятия слов о вкушении тела и крови эта практика была представлена как фактическое поедание плоти. Для дополнительной драматизации ситуации и разжигания еще большей ненависти к христианам главными жертвами этой практики были объявлены безвинные младенцы.

Что касается оргий, то первоначальным толчком к обвинению в них, вероятнее всего, стала извращенно понятая заповедь любви и общие вечерние трапезы христиан (т.н. агапы). Христианскую жертвенную любовь к ближнему обвинители в силу узости своего кругозора искаженно трактовали как эротическую, половую любовь-страсть. В заблуждение язычников вводило и обращение всех христиан друг к другу как к братьям и сестрам. В итоге, после череды ошибок, преувеличений и ряда смысловых сдвигов, христианская любовь была переинтерпретирована в виде скандальной практики инцестов.

Необходимо отметить еще одну важную особенность скандализирования христианства: обвинения, обращенные к нему, по форме совпадали с обвинениями, предъявлявшимися в то же время или ранее другим маргинальным группам — например, евреям, якобы употреблявшим кровь младенцев или дионисийским сектам, практиковавшим оргии. Противникам христианства не было никакой нужды придумывать особые способы дискредитации: достаточно было использовать простые и понятные народу схемы, ранее успешно опробованные и уже доказавшие свою эффективность. Такое сведение нового, сложного и непонятного к простому и хорошо известному облегчало задачу дискредитации «чуждых» групп.

Дальнейшее триумфальное распространение христианства, впрочем, показало, что дискредитация путем разжигания скандалов не всегда способна достичь поставленных

целей. Более того, в переломные эпохи крупные скандалы могут вызвать интерес к дискредитируемым группам, а явная абсурдность обвинений способна подорвать доверие к тем, кто эти обвинения выдвигает.

Несмотря на это, начиная с IV в., само христианство, получив власть, начало использовать укоренившиеся в народе страхи и опасения против евреев, мусульман, еретиков, сектантов, прокаженных, ведьм и т. д. Их «антиповедение» описывалось при помощи того же стандартного набора клише, включавшего обвинения в убийствах, оргиях и прочих скандальных действиях.

Очевидно, что в эпоху Средневековья реальное поведение чужих соответствовало этим обвинениям примерно так же, как евхаристия соответствовала каннибализму. Разрушительное влияние чужих групп на христианство также часто было серьезно преувеличено — вплоть до конца Средневековья их возможности были несопоставимы с возможностями церкви. Однако светские и духовные власти (так же как и римские чиновники ранее) были заинтересованы в демонизации чужих и распространении слухов об их скандальном антиповедении. Это превращало чужих в своеобразный жупел, в напоминание всем добропорядочным христианам о том, как не следует себя вести. Преувеличение опасностей, исходящих от чужих, также способствовало мобилизации народа, обеспечивало его единство перед общим врагом. Кроме того, в периоды бедствий агрессию народа легко можно было перенаправить с властей на чужих.

С этой точки зрения можно сказать, что власть и церковь нуждались в чужих и использовали их в своих интересах, не будучи при этом прямо заинтересованы в их уничтожении. *Скандализация поведения чужих служила средством общественной консолидации и сохранения идентичности.*

2. Скандал на границах культуры

Если поведение чужих намеренно скандализировалось, то поведение своих было вне подозрения. Внутри официальной культуры скандалу было очень сложно состояться. Это было следствием отсутствия средств массового информи-

рования и непроницаемости границ, отделявших частную жизнь представителей власти от взглядов широкой публики. Если факты нарушения норм все же получали широкую огласку, они, как правило, не осознавались в качестве предосудительных. Высшим слоям общества, в отличие от низших, было дозволено многое, а мысль о том, что народ имеет право осуждать «богоизбранную» власть, уже сама по себе казалась скандальной. Если проступок все же подвергался публичному осуждению, это редко оказывало какое-либо заметное влияние на общий ход событий. В эпоху Средневековья общественное мнение еще не превратилось в силу, способную изменить положение нарушителя норм в обществе. Наконец, сама нацеленность скандала на социальные изменения была чуждой всей системе ценностей и норм традиционного общества, стремившегося к консервации привычного порядка вещей.

Культура Средневековья отличалась низким темпом изменений и однообразием в повседневной жизни. Как правило, среднестатистический человек всю свою жизнь проводил на ограниченной территории, общаясь с небольшим количеством людей, которые имели сходные с ним представления о мире, исповедовали одну религию и придерживались тех же обычаев. Механическая солидарность, основанная на единообразии индивидов, обеспечивала низкий уровень конфликтности в отношениях и способствовала поддержанию консолидации в коллективе.

Различия между людьми в традиционной культуре были сглажены до предела. Все, что считалось чужим и опасным для сохранения социальной однородности, вытеснялось из центра культуры на ее периферию.

Средневековье было временем четких границ между своим и чужим. Государства были раздроблены на феодальные вотчины, относительно независимые друг от друга и от политического центра. Горизонт познаний и потребностей человека ограничивался стенами замка, монастыря, городского квартала или межами его поля. Сословные различия были непреодолимы, а переход из одного сословия в другое — сильно затруднен. В общественной жизни было четко определено, что дозволено, а что нет. Для всего строя мышления средневекового человека была характерна яркая

контрастность, стремление провести четкие границы между белым и черным, злом и добром, истиной и ложью. Положительный полюс этих оппозиций устойчиво ассоциировался со своим, а отрицательный — с чужим. При этом чужим признавалось все, что выходило за пределы узкого кругозора человека.

Реальные или символические границы очерчивали пространство всех значимых элементов средневековой культуры. На них выносилось то, что не соответствовало общепринятым канонам. Только здесь, на пограничье официальной культуры, где властный контроль был ослаблен, все чужое, непонятное, странное могло состояться и проявить себя.

На страницах средневековых церковных рукописей центральное пространство, где располагался официальный текст, оформлялось согласно строгим каноническим правилам: какие-либо вольности здесь были недопустимы. Поля страницы — маргиналии — оформлялись по усмотрению переписчиков. Обычно они были заполнены рисунками, имевшими бытовой, смеховой или фантастический характер. В этих изображениях «доминируют разного рода уродства и невероятности: рука, переходящая в ногу, перекрученная (или завязанная узлом) шея человека, соединенный с человеческой рукой заяц, вырастающее из головы крыло, ...причудливые и жуткие гибриды людей, птиц, змей, музыкальных инструментов и т. д. ...Фигуры как бы враждебны тексту и по-своему с ним борются».

Эти фигуры по своему духу соответствуют периферийным образам из других областей искусства. Не менее показательны в этом смысле химеры готических храмов: «Последние так же внеархитектурны и находятся на “маргиналиях” храма, как чудовища западноевропейских средневековых рукописей — на их маргиналиях»⁵⁷.

Место для скандала как для чего-то столь же безобразного, уродливого, искаженного в лучшем случае могло найтись лишь на полях официальной культуры. Эти маргиналии можно понимать предельно широко: как отдаленное от

⁵⁷ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука. 1984. С. 6.

центра пространство, где господствующее мировоззрение сталкивалось с чем-то чуждым, непривычным, ненормальным. Здесь культура переходила в свое инобытие, в антикультуру. Фактически средневековый скандал как выражение ненормативности мог состояться лишь на границах Средневековья: внешних и внутренних, временных и пространственных.

Границы Средневековья во *времени* проходили по линиям разлома между языческой и христианской цивилизациями, а затем (в эпоху Ренессанса) между культурой, ориентированной на веру, и культурой Нового времени, ориентированной на человеческий разум.

Начиная от первых десятилетий новой эры и до момента падения Рима, количество скандалов в Римской империи постоянно увеличивалось. Если поначалу скандалы проявлялись как единичные, хотя и резонансные эпизоды в жизни общества (примером чего являются провокационные поступки Нерона или Калигулы), то в период упадка Рима скандальные действия, ставшие свидетельством потери мировоззренческих ориентиров и падения нравов, приобрели массовый характер.

Не меньшее количество случаев публичного нарушения норм фиксировалось и в период перехода к Новому времени, когда и началось структурирование скандала как явления современного общества. Таким образом, и во время упадка Рима и в эпоху Возрождения процесс смены ценностей и культурных ориентиров сопровождался бесчисленными скандалами.

У средневекового времени имелись не только внешние, но и внутренние (календарные) границы, пролежавшие между циклично сменяющимися друг друга периодами официальной и праздничной жизни. На границах официального времени оформился феномен смеховой, неподцензурной культуры. Карнавал был интегральной частью средневековой жизни, а скандальность — частью карнавала, обеспечивавшей его динамику и изменчивость и способствовавшей переворачиванию иерархий и развенчаю священного. Впрочем, карнавальное нарушение норм было не скандалом в полном смысле этого слова, а, скорее, его ритуальным разыгрыванием с целью разрядки социального напряжения.

Четкие границы между официальным и неофициальным — характерная черта Средневековья, отличавшая его от Нового времени: современность вывела скандал из резервации праздничных периодов в официальное время и сделала его полноправным элементом обычной жизни.

Границы культурного *пространства* Средневековья проходили по линиям его столкновения с чужими традициями, как реальными, так и воображаемыми.

Представления о чужом в средневековом мировоззрении ничем не отличались от фантастических рисунков переписчиков на полях книг: они имели мало общего с реальностью и конструировались в виде образов, нарушавших все мыслимые нормы. К. Леви-Стросс отмечал, что в традиционном обществе «разнообразие культур редко представало людям в качестве того, чем оно является, — естественного феномена, проистекающего из прямых или непрямых отношений между обществами. В нем видели скорее нечто чудовищное, скандальное»⁵⁸.

Воображаемые обычаи и образ жизни народов чужих стран самым невероятным образом отличались от привычных: «В диких странах жили пигмеи, которые сражались с журавлями, и великаны, воевавшие с грифонами. Верили, что там обитают люди со ступнями, повернутыми назад, и с восемью пальцами на каждой ноге; существа, которые ложатся на спину и поднимают вверх огромную единственную ногу, чтобы спастись от солнца; безголовые монстры с глазами на животе»⁵⁹. Моральные нормы далеких народов в описаниях средневековых «хождений» были еще более экзотичными, а потому поведение их представителей воспринималось со стороны как распущенное, агрессивное, шокирующее, то есть в полной мере скандальное.

Представления о соседях, которые жили в непосредственной близости к Европе и которых время от времени можно было встретить воочию, были не столь фантастичными, но не менее предвзятыми. Основной причиной необъективности таких представлений было стремление поддержать еди-

⁵⁸ Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика. 2000. С. 328.

⁵⁹ Даркевич В.П. Аргонавты Средневековья. М.: КД «Университет». 2005. С. 12.

нообразии в поведении, перекрыв для этого все возможности чуждых влияний на традиционную культуру. Поскольку именно воздействие ближайших соседей было наиболее ощутимым, Средневековье прилагало особые усилия для их дискредитации. В культуре формировалось негативное отношение к традициям и образу жизни соседей, основанное как на сознательной дезинформации, так и на заблуждениях, связанных с ксенофобией и узостью кругозора.

Наиболее жесткую и непримиримую позицию христианская культура занимала по отношению к иноверию. Особое внимание при этом уделялось исламу, который воспринимался как опасный конкурент христианства. «Мусульманский мир был для западноевропейских хронистов тем зеркалом, в котором они хотели увидеть себя, найти подтверждение собственным представлениям и иерархии ценностей. Но, не найдя адекватного отражения своим взглядам, хронисты наделили мусульманскую культуру отрицательным знаком»⁶⁰.

В Европе на всем протяжении Средневековья культивировался негативный образ ислама. Ему пытались приписывать многобожие, идолопоклонничество и прочие черты, которые совершенно не отражали действительное положение вещей, а были сконструированы в виде простой оппозиции христианству. Образ жизни мусульман описывался по тем же лекалам: как аномальный, скандальный. «Живут они постыдно, не по-человечески и богопротивно», — писал о них Григорий Палама⁶¹. Непонимание было взаимным: такие же карикатурные и гротескные представления о христианах были характерны и для мусульман того времени.

При изображении чужого использовались простейшие шаблоны: общепринятые моральные нормы «выворачивались наизнанку», и вся жизнь других народов в итоге приобретала вид бесконечного скандала. Представителям иных культур при этом приписывали все возможные отрицательные черты: распущенность, враждебность, вероломство, жестокость, жестокость и т. д.

⁶⁰ Лучицкая С.И. Араб глазами франка (конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей — 1993: Образ «другого» в культуре. М.: Наука. 1994. С. 35.

⁶¹ Палама Г. Письмо своей церкви // Богословские труды. М. 1986. С. 310.

У культурного пространства Средневековья были не только внешние, но и внутренние границы, которые проходили по линиям столкновения догматов официальной культуры с теми практиками и взглядами, которые отличались от общепринятых. В списке этих практик особое место занимали ереси и ведовство. При описании образа жизни еретиков или ведьм официальная культура не пыталась быть оригинальной и пользовалась теми же схемами, что и при описании жизни иноверцев, т. е. рисовала ее исключительно черными красками и представляла как зеркальную противоположность всему нормальному в плане традиций, морали, обыденной жизни.

В Средние века в основание для скандала превращалось все, что выходило за границы обыденного, Скандалность, со своей стороны, настораживала, воспринималась как индикатор враждебности, чуждости ее носителей: «свой» скандалить не мог по определению. Скандал считался следствием враждебной активности чужих, проявлением «темных сил» и являлся примером тех действий, которые были недопустимы в поведении доброго христианина.

Однако средневековая культура при всем ее желании не могла пресечь все внешние влияния. Без постоянных критических отсылок к чужому она не сумела бы осознавать и поддерживать свою идентичность. На контрасте с чужим и в ходе его скандализации средневековая культура сохраняла себя как целое. Пространство «маргиналий» было необходимо как поле борьбы с чужим, на котором она должна была постоянно самоутверждаться. Без этой борьбы, без постоянного подтверждения границ культура не имела бы достаточных стимулов для самосохранения.

Значение границ для культуры подробно описано М.М. Бахтиным, полагавшим, что точки роста культуры находятся не в центре, а на ее маргиналиях: «Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»⁶².

⁶² Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. М.: Русские словари. Т. 1. С. 282.

Для традиционной культуры граница — единственно возможное пространство для появления нового, изменения и развития. На ней постоянно сталкиваются смыслы и разрушается всякая определенность. Только в этом пространстве право скандала на существование могло быть признано. Более того — только здесь он и мог реализоваться в полной мере, поскольку всякий скандал по своей сути является нарушением официально предписанных границ. С этой точки зрения *в эпоху Средневековья естественным пространством, где скандал мог существовать, были границы культуры.*

Скандал в классическом смысле был рожден на границах Средневековья и Нового времени. Первыми жертвами крупных скандалов в это время стали ведьмы.

3. Охота на ведьм

На протяжении Средневековья церковь предпочитала бороться не с ведьмами, а с колдовством как с явлением. Проповедники не упускали случая указать на опасность соблазнов, исходивших от «врагов истинной веры», однако не призывали к масштабным репрессиям против них. Так же сдержанно к ведовству относились обычные люди. Опасаясь и не одобряя его, в практической жизни они все же активно пользовались услугами деревенских ведьм и знахарей для приготовления приворотных зелий, заговоров или гаданий. Несмотря на негативное в целом отношение официальной культуры, колдуны и ведьмы воспринимались в качестве естественных элементов повседневной жизни, а их право на существование на маргиналиях культуры молчаливо признавалось всеми заинтересованными сторонами.

Французский медиевист Ж. Ле Гофф писал, что «Средневековье не было еще той великой эпохой охоты на ведьм, каким станут XIV — XVIII вв.»⁶³ Более того, массовые и хорошо организованные гонения на ведьм были явлением, глубоко чуждым по духу всей системе средневекового мировоззрения. Начались они только после ухода культуры

⁶³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс. 1992. С. 295.

Средневековья с авансцены истории. «Подъем демонологии и демономании приходится на период позднего Возрождения, барокко и начала Просвещения. Естественно возникает вопрос: как сочетались культурные явления, радикально обновившие духовную жизнь Европы, с предельным обострением суеверий и мракобесия? Этот разительный парадокс тревожит ученых, — европейская культура начала Нового времени утрачивает немалую долю светоносности и оптимизма, обнажая свою дисгармоничность»⁶⁴.

Ситуация охоты на ведьм не желает укладываться ни в какие объяснительные схемы: десятки тысяч людей, ложно обвиненных в колдовстве, подвергались пыткам и сжигались на кострах фактически в то же самое время, когда в Европе создавались сложные естественнонаучные теории, рациональные философские системы и эпохальные произведения искусства. «В те годы, которыми мы обычно завершаем Средневековье, радостно взирая на расцвет Гуманизма, систематическое распространение безумия ведовства, этого жуткого ответвления средневековой мысли, подтверждают такие произведения, как *Malleus maleficarum* (Молот ведьм) и булла *Summis desiderantes* (Всеми помыслами) (1487 г. и 1484 г.). И никакой Гуманизм, никакая Реформация не противятся этому безумию...»⁶⁵

Объяснить истерию, охватившую Европу, исходя из особенностей средневекового мировоззрения, невозможно. Видимо, охоту на ведьм следует все же рассматривать в контексте более поздних взглядов эпохи Возрождения и Нового времени, то есть как оборотную, теневую сторону гуманизма, рационализма и демократизации общества.

Страх перед ведовством, охвативший население Европы после завершения Средневековья, был вызван комплексом тесно взаимосвязанных событий и процессов в различных областях жизни. Некоторые исследователи полагают, что первоначальным толчком, спровоцировавшим кризис, стали климатические изменения: в XIV веке в Европе снизилась среднегодовая температура (историки называют это

⁶⁴ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 1990. С. 308.

⁶⁵ Хейзинга И. Осень Средневековья. М.: Прогресс. 1995. С. 241.

время «малым ледниковым периодом»), что привело к неурожаем, массовому голоду, распространению болезней⁶⁶. Эти бедствия послужили катализатором для ряда локальных экономических и политических кризисов, войн и других проявлений социальной нестабильности. Неуверенность в завтрашнем дне породила иррациональные фобии, и оптимистическое отношение к жизни сменилось глубоким разочарованием в ней. По Европе, как эпидемия, распространялись представления о скором конце света. Тогда же новую жизнь получали старые суеверия и мистические страхи перед нечистой силой. Человек везде ощущал присутствие дьявола и повсюду усматривал его козни.

Ранее, в эпоху Средневековья, «темные силы» вызывали не только страх: их можно было победить и обмануть, посмеяться над ними. В народных сказках и в карнавальной культуре образ нечистой силы был амбивалентным — одновременно страшным и смешным. На исходе Средневековья рост пессимизма и разнообразных фобий вызвал серьезные сдвиги в трактовках этого образа. Теперь он стал одномерно страшным, превратился в воплощение абсолютного, бесчеловечного зла, страданий и смерти. «В эпоху Ренессанса дьявол, властитель ада, уже не мог быть веселым шутком, каким он был в Средние века, в эпоху натурального хозяйства. Теперь ад мог быть только синонимом страшных мук, а дьявол должен был казаться людям самым утонченно-жестоким мучителем из застенка»⁶⁷.

Климатические изменения, болезни и неурожай как проявления физического зла дополнялись не менее серьезными проявлениями зла социального. Со сменой типа хозяйствования в деревнях проходила ломка традиционного коллективного образа жизни. Т. Мору принадлежит емкая характеристика этого времени: «овцы съели людей». Для работы английских ткацких фабрик требовалось больше шерсти, и у крестьян отбирали земли ради расширения овечьих пастбищ. Многие крестьяне лишались всего, а те, кому везло,

⁶⁶ *Fagan B.M.* The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300-1850. NY.: Basic Books. 2008.

⁶⁷ *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. М.: Республика. 1993. С. 499.

нанимались за бесценок на те же фабрики. Такие процессы в Европе с каждым столетием проходили все интенсивнее. Одним из их следствий было быстрое разрушение механической солидарности, усиление дифференциации, рост индивидуализма. Поскольку после разрыва социальных связей и традиций взаимопомощи человек оказывался без точки опоры, усиливалась психологическая напряженность, усугублялись его неуверенность и страх. Человек перестал доверять близким, знакомым, соседям. В обстановке всеобщей подозрительности каждый видел в других врагов и пытался обвинить их во всех своих несчастьях.

Если в относительно стабильный период Средневековья человек не чувствовал явных угроз своему образу жизни, то в условиях системного кризиса он был склонен искать тех, на кого можно было бы переложить вину за происходящие беды. «Страх был вызван потерей жизненной ориентации. Но те, кто его испытывали, не понимали этого. Они искали конкретных виновников, хотели найти того, кто испортил жизнь. Страх жаждал воплотиться»⁶⁸. Самым подходящим объектом для этого оказались ведьмы, отношение к которым у народа изначально было резко отрицательным. Кроме того, в отличие от других «чужих» никакого реального отпора своим обвинителям ведьмы (фактически — неграмотные деревенские женщины) дать не могли, несмотря на все рассказы об их сверхъестественных способностях и покровителях.

Образ ведьмы уже в эпоху Средневековья был окутан многочисленными суевериями. Ее поведение (так же, как и поведение всех других «чужих» — иноверцев, еретиков и т. д.) в фольклоре, слухах, проповедях священников рисовалось отталкивающим и скандальным. Образ жизни ведьм представлялся вызывающе распутным: согласно распространенным поверьям, они летали ночами на шабаши, где участвовали в массовых оргиях и противоестественных союжениях с демонами и животными. Ведовскую силу обеспечивал договор с дьяволом и тайные колдовские знания. При помощи зелий и заговоров ведьмы вредили соседям: насылали болезни, вызывали неурожай, оскверняли трупы и т. д.

⁶⁸ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство. 1998. С. 629.

На основании этих фольклорных представлений ведьму можно было легко превратить в «козла отпущения» и приписать ей вину за все творящееся вокруг зло. В демонизации ведьм были заинтересованы многие влиятельные силы, включая церковь, государство и культурную элиту. Их совокупных усилий было вполне достаточно, чтобы поддерживать представления о могуществе ведьм и необходимости жесткой борьбы с ними.

На протяжении веков суеверия и опасения, связанные с ведовством, были удобны для церкви и освящались ее авторитетом. Проповедники постоянно предупреждали об опасностях, исходящих от ведовства. При этом использовался набор обвинений, мало чем отличавшийся от обвинений других маргинальных и чужих групп. В относительно благополучный период Средневековья эти представления и проповеди были призваны отвратить народ от вольнодумия и официально неодобряемых практик. Речи о масштабной войне с ведьмами, а тем более об их истреблении еще не шло. Однако на переломе эпох, когда кризис породил иррациональные страхи, ведьмы из безграмотных женщин внезапно превратились в могущественных противников, опасных врагов рода человеческого, виновных во всех его бедах.

Важным этапом истории охоты на ведьм стала булла папы Иннокентия VIII «Всеми помыслами», направленная против ведовства и узаконивавшая гонения. Католическая церковь поддерживала и усиливала страхи народа, пытаясь восстановить свои пошатнувшиеся позиции при помощи репрессий. Действия инквизиции, «Святого отдела расследований еретической греховности», должны были служить устрашением для несогласных и предупреждением для сомневающихся. Протестантизм в целом также разделял эти взгляды и использовал примерно те же методы для усиления своего влияния. Духовенство учило, что в основании всех бед можно усмотреть руку дьявола, и спасение от него можно было найти только в лоне церкви.

Власти не меньше церкви были заинтересованы в том, чтобы усилившееся недовольство народа находило себе жертв в своей же социальной среде, а не в более высоких сферах. Истребление бедных деревенских ведьм помогало отвлекать внимание от социальной несправедливости и ее

реальных виновников, занимавших высокое положение в обществе.

Идеологи Нового времени были заинтересованы в гонениях на ведьм, поскольку они видели в них представителей народной культуры с ее опасными суевериями, безграмотностью, дремучестью и грубостью. Лишь при условии уничтожения этой магической и мифологической традиции, полагали они, возможно просвещение народа. Просветители надеялись, что вместе с ведьмами на кострах будут уничтожены народная культура и коллективный образ жизни, тормозившие общественный прогресс. На первых порах они пытались использовать против традиционной культуры те же средства, которые сама эта культура использовала против «чужих». Не случайно в трактатах ученых теологов и философов изображение шабашей и черных месс представляет собой фактически скандализированное, искаженное описание народных праздников — деревенских хороводов, пиров, карнавалов.

Важным средством, с помощью которого идеологи оказывали влияние на публику, была печатная книга. В эпоху Возрождения и раннего Нового времени на волне иррациональных массовых страхов огромную популярность приобрели трактаты о ведьмах, где во вполне рациональном духе теологи описывали причины и следствия ведовства, развивали учения о суккубах и инкубах, разрабатывали целые демонологические бестиарии. Трактаты описывали мир как нечто враждебное, где верующий человек окружен множеством врагов, объединенных в тайные секты и плетущих нити заговоров. Работы по демонологии издавались большими тиражами и обладали широкой известностью. Эти книги (особенно «Молот ведьм», выдержавший десятки переизданий) порождали новые витки гонений, усиливая массовую истерию.

В «Молоте ведьм» деятельность ведьм описывалась по фольклорным образцам, как зловредная и опасная. При этом степень опасности ведьм по сравнению с фольклорными представлениями драматизировалась и преувеличивалась: «Именно они насылают всякого рода порчу: град, бури и дурную погоду, причиняют бесплодие людям и животным, посвящают детей, которых они не пожрали, демонам...

Они умеют гуляющих возле воды детей на глазах родителей бросать в воду, но так, что никто этого не заметит, приводить лошадей под всадником в бешенство, перелетать с места на место по воздуху телесно или только в воображении; затуманивать души судей и председателей, дабы последние не могли им вредить; внушать себе и другим молчание во время пыток; поражать руки и сердца арестовывающих их сильной дрожью; скрытое от других обнаруживать, предсказывать будущее по указанию дьявола»⁶⁹.

Соединение устной культуры (которая еще долгое время оставалась господствующей) с возможностями культуры письменной породило взрывоопасную смесь: «Народная фантазия обогащается учёными измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и, в свою очередь, сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к великим учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола»⁷⁰.

Обычные люди сами с энтузиазмом участвовали в охоте на ведьм. На соседей поступали многочисленные доносы, содержавшие обвинения в самых фантастических преступлениях. Эти доносы демонстрировали распад деревенской традиционной общины и усиление скандалов, трений и конфликтов между ее членами. Спаянного средневекового коллектива уже не было, и каждый пытался получить преимущество за счет другого. Люди пытались устранить опасных соперников и решить свои проблемы руками инквизиции, тем более что для осуждения противника было достаточно только доносов.

Чаще всего жертвами становились те, кто выделялся из коллектива независимостью суждений, успешностью или красотой. Для основной массы людей отрыв от коллектива все еще казался вызовом традиционной морали и, следовательно, достаточным основанием для обвинений в связи с нечистой силой и ведовстве.

⁶⁹ Инстититорис Г., Шпренгер Я. Молот ведьм. СПб: Амфора. 2005. С. 76.

⁷⁰ Лозинский С.Г. Роковая книга Средневековья // Молот ведьм. СПб: Амфора. 2005. С. 195.

«Разоблачение» ведьм представляло собой серию масштабных скандалов, призванных шокировать добропорядочную публику. На процессах подробно описывались невообразимые нарушения моральных норм со стороны ведьм, их тайные козни против добропорядочных христиан. В Новое время судебные процессы активно обсуждались везде, где собирались люди — в кофейнях, церквях, на площадях. Решающее влияние на распространение информации о судах над ведьмами оказывала пресса — в первых газетах процессы ведьм освещались очень подробно. Пресса также значительно расширила пространство публичного самовыражения. Информация о каждом ведовском скандале быстро становилась достоянием общественности и приводила к усилению истерии и всплескам публичного негодования.

Чем большее количество людей охватывали волны паники, тем настойчивее крестьяне и горожане требовали от власти восстановления справедливости и принятия жестких мер. Общественное мнение уже стало той силой, с которой невозможно было не считаться. Мятежи, восстания и бунты, ставившие перед собой четкие цели, были немыслимы в Средневековье, но в Новое время они стали обычным делом. Ж. Мишле писал, что эта эпоха была «решительной победой великого Бунта, проявлявшегося уже раньше в таких смелых формах, как ирония Галилея, как абсолютное сомнение, от которого исходит Декарт, чтобы начать свою постройку. Средние века сказали бы: “То голос Злого Духа”⁷¹.

Для успокоения народа церковь и власть должны были показать ему, что виновники всех бед найдены. Костры на площадях на время утихомиривали публику, создавая иллюзию того, что голос народа услышан, а зло изобличено и наказано.

Под давлением публики и властей в судебных уложениях появились законы, направленные против колдовства. Правоведами были даны подробные инструкции по обнаружению ведьм, разработаны процессуальные вопросы. Если средневековые суды вершились общиной или сеньором, то в Новое время судебная система стала упорядоченной и цен-

⁷¹ Мишле Ж. Ведьма. Киев: «Украина». 1994. С. 101.

трализованной, дела велись от имени и в интересах государства и церкви, заинтересованных в том, чтобы недовольство было направлено именно против ведьм. Истребление людей стало рутинным и бюрократичным делом. В какой-то степени охота на ведьм предвосхитила позднейшие процессы борьбы с инакомыслием в тоталитарных государствах, которые наглядно показали темную сторону Просвещения и рационализма.

Поскольку ведовство считалось тяжелым преступлением, обвинители серьезно относились к любым доносам и не останавливались перед самыми жестокими пытками, чтобы выбить признания и информацию о сообщниках. В результате такой работы инквизиции количество подозреваемых и обвиненных росло как снежный ком, порождая ложные страхи по поводу того, что ситуация быстро ухудшается, и людей, заключивших договор с дьяволом, становится все больше.

Новое время инициировало процесс рационализации общественной жизни, который в ряде сфер общественной практики протекал неравномерно. Совмещение старых суеверий с новыми возможностями дало совершенно неожиданный результат. Место спонтанных, эмоциональных, локальных расправ заняли четко рассчитанные рациональные методы истребления, что привело к массовым жертвам. В условиях Нового времени традиционные обвинения ведьм в скандальном образе жизни превратились в их демонизацию, а неприятие чужого переросло в его методическое истребление.

Новые технологии распространения информации (книгопечатание, пресса) и управления общественным мнением, которые возникли в Новое время, на первых порах были вынуждены обслуживать примитивные страхи Средневековья перед чужим. Фигурально говоря, это было мощное оружие в руке дикаря, который не умел им правильно пользоваться. Для того чтобы эффективно использовать технологии, необходимо было, чтобы моральные регуляторы соответствовали этим технологиям по уровню своего развития. Однако мораль широких масс еще долгое время оставалась традиционной и сильно отставала от быстро меняющейся действительности (можно сказать, что в обществе был на-

рушен техно-гуманитарный баланс)⁷², что и сделало охоту на ведьм возможной.

Гонения на ведьм полностью прекратились лишь тогда, когда в Европе произошел окончательный переход от традиционного образа жизни к современному, а народная культура бесповоротно распалась на отдельные осколки, одним из которых и был скандал. В скандалах Нового времени общественность постепенно переориентировала свое негодование с ведьм (олицетворявших уходящую традиционную культуру) на представителей власти и публичных людей (олицетворяющих культуру современную). Со сменой субъекта скандал окончательно приобрел свой классический вид.

⁷² См.: Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М.: ЛКИ. 2007. С. 62.

СКАНДАЛ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. История преступления

Начиная с XVII века, общественную жизнь европейских стран сложно представить без многочисленных финансовых, политических и сексуальных скандалов. Особое место в ряду этих скандалов занимает «дело об ожерелье королевы», которое произошло во Франции в 1785 году, подорвав репутацию Марии-Антуанетты, а в ее лице — всей французской монархии.

Случай с ожерельем показателен по многим причинам. Прежде всего это был один из самых обсуждаемых и резонансных скандалов Нового времени. Благодаря прессе за перипетиями этой запутанной истории, в которой оказались в приблизительно равных пропорциях соединены коррупция, мошенничество и развращенность, следила публика не только Франции, но и всей Европы. До сих пор в деталях этого скандала остается немало загадок, которые привлекают как исследователей, так и публику в целом.

Авантюра с ожерельем занимает особое место в ряду других подобных инцидентов еще и потому, что его последствия оказались весьма значимыми для истории. В их числе — беспрецедентное падение престижа королевской власти, которое в немалой степени способствовало крушению французской монархии. Конечно, сам по себе этот скандал нельзя назвать причиной революции, но он находился в ряду тех знаменательных событий, которые сделали ее возможной или даже неизбежной. Известный политик и мыслитель эпохи Просвещения Т. Джефферсон, упоминая дело об ожерелье, сделал такое признание: «Я всегда считал, что если бы не было королевы, то не было и революции»⁷³.

Еще одной важной особенностью скандала является то, что Мария-Антуанетта на деле никак не была замешана в со-

⁷³ Jefferson T. Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 128.

бытиях, развивавшихся вокруг покупки и похищения ожерелья, и даже, по-видимому, ничего не знала о них. Однако скандал разворачивался таким образом, что именно ее репутация в итоге пострадала больше всего. Это несоответствие между реальными поступками и реакцией публики на недостоверные факты раскрывает важные особенности скандала Нового времени, для возникновения которого решающим является не само нарушение норм, а его отображение в прессе и восприятие его в обществе.

Сюжетная канва истории с ожерельем следует всем классическим канонам новоевропейского скандала. Ее центральный персонаж — молодая авантюристка Жанна де Ла Мотт, происходившая из крайне обедневшей ветви королевской фамилии Валуа. Жанна легко входила в доверие к обеспеченным людям, представляясь близкой подругой королевы Марии-Антуанетты. За некоторое вознаграждение она обещала решить все проблемы своих новых знакомых на самом высоком уровне и удовлетворить их карьерные запросы. Кроме того, окружающие, уверенные в кредитоспособности и устойчивом положении Жанны при дворе, охотно давали ей деньги в долг.

Размах мошенничеств и аппетиты авантюристки были не особенно велики до той поры, пока она не завела близкие отношения с действительно влиятельным человеком — кардиналом Франции Луи де Роганом. Кардинал мечтал получить пост первого министра, и лишь испорченные отношения с королевской семьей мешали его успешной карьере. Жанне не составило труда убедить де Рогана, что в обмен на определенную материальную поддержку она сможет уговорить Марию-Антуанетту отнестись к нему более благосклонно.

В качестве документальных подтверждений успеха своей миссии Жанна некоторое время передавала кардиналу фальшивые письма, написанные от имени Марии-Антуанетты, где содержались намеки на более близкие отношения и недвусмысленные авансы. Кроме того, она устроила кардиналу короткое «свидание с королевой» в боскете Венеры — темном закоулке версальского парка, где обычно тайно встречались влюбленные. Марию-Антуанетту успешно сыграла очень похожая на нее дама легкого поведения. Потерявший голову то ли от блестящих карьерных перспектив, то ли от

надежд на любовь самой королевы, кардинал не сумел распознать обмана.

Приблизительно в это же время к де Ла Мотт обратились парижские придворные ювелиры с просьбой за хорошие коммиссионные повлиять на королеву и уговорить ее приобрести баснословно дорогое бриллиантовое ожерелье, которое некогда заказал для своей фаворитки Людовик XV. Чтобы закупить материалы, ювелирам не хватило собственных сбережений, и они были вынуждены занять большую сумму денег. Однако когда ожерелье было готово, король умер, а новый король, Людовик XVI, отказался выкупить его из-за финансовых проблем двора. По причине высокой стоимости найти другого покупателя на ожерелье, даже чтобы просто вернуть потраченные деньги, было практически невозможно. Проценты по долгу между тем росли, приближая банкротство ювелиров. Жанна согласилась помочь просителям и через некоторое время сообщила, что Мария-Антуанетта согласна выкупить ожерелье. Поскольку король не желал сделки, она сделает это в тайне от него из собственных средств, а ввиду финансовых проблем покупка будет произведена в рассрочку несколькими взносами.

В очередном фальшивом письме от имени Марии-Антуанетты де Рогану в знак примирения и доверия поручалось от имени королевы вести сделку по покупке ожерелья, для чего кардиналу следовало выступить ее поручителем. Подписав все необходимые бумаги, влюбленный кардинал получил ожерелье на руки и тут же отправил его королеве через человека, на которого указала ему Жанна. Излишне говорить, что в тот же день ожерелье было разобрано мошенниками на камни, и большая их часть продана скупщикам по сильно заниженным ценам. В результате цена на бриллианты в Париже настолько упала, что их остаток пришлось вывезти на продажу в Лондон.

Обман оставался нераскрытым, пока не подошел срок уплаты денег. Не дождавшись обещанного взноса, ювелиры отправились к королеве. При встрече выяснилось, что Мария-Антуанетта на самом деле не имела намерений покупать ожерелье, не получала его от кардинала, более того — она абсолютно ничего не подозревала о сделке, которая совершалась от ее имени и за ее спиной.

В аристократических кругах новости о раскрывшейся аванюре вызвали потрясение, по своему драматическому накалу сопоставимое с финалом гоголевского «Ревизора»: слишком много представителей высшего света были одурочены ловкой мошенницей. Сенсацией, которую обсуждали все без исключения жители Франции, стали известия об аресте кардинала де Рогана и о высочайшем решении передать дело в уголовный суд.

2. Разбирательство

Сложно предположить, на что рассчитывала Жанна де Ла Мотт, планируя свою авантюру: очевидно было, что ее разоблачение являлось всего лишь делом времени. Возможно, она полагала, что кардинал, не желая становиться посмешищем для двора, предпочтет отдать деньги ювелирам. Однако те обратились с требованиями заплатить обещанную сумму не к кардиналу, а напрямую к королеве. Даже в этом случае был шанс, что король предпочтет не предавать дело огласке и уладит дело с ювелирами сам. Но он не проявил достаточной твердости и позволил де Рогану выбирать между королевским вердиктом и обычным уголовным судом. Кардинал, так долго добивавшийся близости от королевы, не решился вручить свою судьбу в руки ее супруга и попросил расследовать случай об ожерелье в обычном порядке. Если бы король мог предполагать, какое брожение в умах народа вызовет судебное расследование, он наверняка постарался бы не доводить дело до публичного разбирательства.

Сам процесс по делу о королевском ожерелье вызвал такой всплеск интереса со стороны общественности, что прецедентов ему в предшествующей истории обнаружить невозможно. Люди ожесточенно спорили, была ли королева действительно замешана в этой афере, обсуждали подробности показаний свидетелей, делали ставки на то, обвинят или оправдают кардинала.

Слушания сторон проходили в парламенте, то есть абсолютно гласно, и всегда — при большом стечении публики. Адвокаты, как это было принято в те времена, писали «мемуары» — тексты с аргументами в защиту своих подзащитных и с обвинениями в адрес противной стороны. Эти мемуары из-

давались огромными тиражами и были так популярны, что для покупки свежих выпусков люди были готовы простоять в очереди всю ночь. В огромных количествах появлялись анонимные пасквилы, дискредитирующие кардинала или королеву. Отчеты о процессе печатались и в периодической прессе. Французские газеты еще находились под контролем государства, но иностранная пресса была свободна от подобных ограничений, и голландскую «Лейденскую газету» в то время читала вся Франция. В кофейнях и аристократических салонах, при дворе и на городских окраинах авантюра с ожерельем была главной темой для обсуждений.

Действия, связанные с обвиняемыми, рождали многочисленные слухи: они объявляли голодовки, ссорились и обменивались чудовищными обвинениями, заявляли о покушениях на их жизнь, между ними и адвокатами завязывались романы. В горячих новостях из суда рассказывалось о том, что после допроса госпожа де Ла Мотт укусила надзирателя, разделась в камере догола, бросила на очной ставке канделябром в Калиостро, который тоже каким-то образом оказался замешанным в аванюре⁷⁴. Ввиду необычайного интереса публики процесс быстро коммерциализировался: в моду вошли красно-желтые дамские шляпки под названием «кардинал на соломе», а торговцы предлагали коллекционную серию из двадцати двух карточек с портретами всех фигурантов авантюры⁷⁵. Кардиналу запретили прогулки на бастионах Бастилии из-за того, что это зрелище собирало слишком много зрителей. Популярность подсудимых можно сравнить с крайними истериями и маниями по поводу современных звезд массовой культуры.

В день приговора парламент оцепили войска, чтобы не допустить давки и массовых беспорядков: выслушать приговор суда желал весь Париж. По решению присяжных, де Ла Мотт единогласно была признана виновной и приговорена к наказанию плетью, клеймлению и пожизненному заключению. С кардинала же все обвинения были сняты. Народ встретил решение о его освобождении аплодисментами: он

⁷⁴ Алданов М.А. Графиня Ламотт // Сочинения. Кн. 2: Очерки. М.: Новости. 1995. С. 135.

⁷⁵ Funck-Brentano F. L'Affaire du collier, Paris: Hachette. 1901. P. 288.

воспринял его как поражение королевы, которая считалась противницей де Рогана.

Суд отвел все подозрения и с королевы. Однако к этому выводу правосудия у народа было гораздо меньше доверия: многие предполагали, что именно королева тайно дирижировала всем спектаклем ради дискредитации кардинала, причем делала это так ловко, что не оставила суду никаких улик. Были и те, кто считал, что обвиняемые выгораживали королеву: косвенным доказательством этого послужил побег де Ла Мотт из тюрьмы, который явно был устроен кем-то из ее высоких покровителей. В любом случае, вопреки всем официальным выводам о полной непричастности королевы к делу об ожерелье, популярность королевской семьи после скандала катастрофически упала.

Суд открыл дорогу потоку слухов и пасквилей по поводу распутства и интриганства королевы, что в итоге подорвало и без того небезупречную репутацию Марии-Антуанетты. Год за годом без особых усилий с ее стороны из символа нации она превращалась в самого ненавидимого человека во Франции. То, что начиналось в жанре фарса и авантюрного романа, приобретало черты инвективы и трагедии. История, которая началась уголовным разбирательством дела об ожерелье, менее чем через десять лет завершилась крахом монархии и разбирательством дела о государственной измене, где в роли подсудимой оказалась сама королева.

В начале 1893 года был казнен гражданин Людовик Капет (так именовали короля после революции). В том же году Ж. Бийо-Варенн, член «великого» Комитета общественного спасения, инициировал процесс против королевы. В его обращении к конвенту говорилось: «Женщина, позор человечества и своего пола, вдова Капет должна наконец искупить свои преступления на эшафоте. Уже всюду печатают, что она была доставлена в Тампль, судима тайно и что революционный трибунал оправдал ее; как будто женщина, пролившая кровь многих тысяч французов, может быть оправдана французским судом!»⁷⁶

⁷⁶ Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы. СПб.: Невский проспект. 2000. С. 93.

Декрет о заговоре против французской свободы поручал расследовать дело королевы в революционном трибунале. На процессе в вину Марии-Антуанетте были поставлены расточение финансов, предательство национальных интересов, подготовка к интервенции и т. д. Конкретных и документально подтвержденных обвинений этому не было. Вот пример утверждения из стенограммы допроса: «Это вы научили Людовика Капет искусству того глубокого притворства, с каким он слишком долго обманывал добрый французский народ, который и не предполагал, что преступление и коварство могут быть доведены до такой степени»; «Вы никогда, ни на минуту не переставали желать уничтожения свободы; вы желали царствовать какой бы то ни было ценой и вернуться на трон по трупам патриотов»⁷⁷. Сама напыщенная риторика этих пассажей свидетельствовала о том, что их целью было не выяснение истины, а апелляция к чувствам публики.

Поскольку допросы Марии-Антуанетты не давали никаких конкретных данных для ее безоговорочного осуждения, королеве были дополнительно предъявлены обвинения в инцесте, основанные на газетных публикациях, пасквилях и взятых под давлением показаниях ее малолетнего сына. Особого влияния на приговор они не оказали, однако только тот факт, что подобные обвинения серьезно рассматривались трибуналом, уже способствовал усилению народной ненависти.

Суд постановил, что королева виновата в поддержании связей с врагами революционной Франции (что, в принципе, не требовало доказательств) и предательстве национальных интересов. Смертный приговор был принят единогласно. На казнь королеву везли на обычной телеге как преступницу из простонародья; из толпы раздавались издевательские реплики. После казни палач показал народу голову Марии-Антуанетты, что вызвало целый шквал радостных криков «Да здравствует республика!».

Казнь стала завершением процесса подрыва монархии, начатого авантюрой де Ла Мотт. В ходе этого процесса менее чем за десять лет отношение народа к королеве переменялось от восторженности к глубокой ненависти. При этом

⁷⁷ Там же. С. 96.

сама королева в большей части скандальных дел, которые с ней связывали, виновата не была.

Перед смертью Мария-Антуанетта написала в письме: «Я спокойна, как бывают спокойны люди, когда совесть ни в чем не упрекает»⁷⁸. Эти слова несомненно были искренними, но в пространстве публичного скандала реальность или нереальность обвинений не имеет особого значения. В общественном мнении революционной Франции она являлась причиной всех бед нации и чудовищем, совершившим все мыслимые преступления.

Почему история с ожерельем приобрела такой широкий резонанс и вызвала ожесточенные споры? Каким образом скандал за короткое время сумел уничтожить репутацию королевы, даже не подозревавшей о событиях, которые совершались за ее спиной? Почему авантюра, не имевшая никаких целей, кроме банального обогащения, стала одной из причин краха монархии во Франции? Для поиска ответа на эти и сопутствующие им вопросы важно рассмотреть особенности того исторического и социального контекста, внутри которого стал возможен скандал с ожерельем.

3. Общественное мнение

Новое время было периодом прощания с традиционной культурой. На первое место выдвигались ценности критичности, рационализма, коммерческого успеха. Общество фрагментировалось, усиливались индивидуалистические настроения. Поначалу этот процесс захватывал узкие слои городских жителей, и в народной массе воспринимался как нарушение основополагающих социальных норм: «Индивидуализм и конкуренция стали настоящим скандалом для общества, долгое время носившего наряд корпоративных и коллективных ценностей»⁷⁹.

В эпоху Просвещения, с упрочением положения и усилением влияния буржуазии, процесс модернизации стал оказывать заметное влияние на жизнь всего общества. Те-

⁷⁸ Там же. С. 101.

⁷⁹ Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. Киев: Ника-Центр. 2004. С. 19.

перь уже уходящая в прошлое традиционная культура все чаще воспринималась в искаженном, карикатурном и скандальном виде: как отсталая, бессмысленная, развращенная, аморальная. «Просвещение было «в высшей степени скандальной эпохой (достаточно будет вспомнить в этой связи хотя бы имена Руссо, Стерна, де Сада...). Просвещенческий проект, как и авангардистский, был особенно сильно ориентирован на то, чтобы найти для всей истории культуры новую отправную позицию»⁸⁰.

К XVIII веку на авансцену истории вышло третье сословие, представлявшее непривилегированные классы (первыми двумя сословиями были дворянство и духовенство). К этому времени оно фактически определяло экономическую жизнь страны, однако так и продолжало оставаться вне политики. Его идеолог Э.-Ж. Сийес в своем памфлете 1879 г. «Что такое третье сословие?» писал: «Что такое третье сословие? — Все. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем. Чем оно желает быть? — Чем-нибудь». Достижение даже такой скромной цели требовало, по мнению Сийеса, усиления борьбы с привилегированными классами. Свой вклад в эту борьбу вносил и сам памфлетист, всячески дискредитируя дворянство и духовенство: «Какое место должны занять оба привилегированных сословия в социальном строе? По-моему, предложить такой вопрос — все равно что спросить больного, в какой части тела ему желательно иметь злокачественную язву? Где бы она ни была, она только способна подтачивать его силы и погубить. Необходимо устранить ее окончательно и восстановлением здоровья и нормальной деятельности всех органов предупредить возможность болезненных явлений»⁸¹.

Центральным объектом критики идеологов третьего сословия служила королевская власть как выразительница и защитница интересов дворян и духовенства. Падение монархии рассматривалось ими как необходимое условие возвышения буржуазии. Борьба с монархией началась с под-

⁸⁰ Смирнов И.П. Человек человеку — философ. СПб.: Алетейя. 1999. С. 217.

⁸¹ Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: От Бурбонов к Бонапарту. СПб.: Алетейя. 2003. С. 209.

рыва ее репутации. Королевская власть, которая в Средние века казалась незыблемой и священной, теперь подвергалась изошренным обличениям и насмешкам в карнавальном духе. Весьма действенным способом профанирования святынь, в том числе развенчивания монархических мифов, оказался скандал.

В конце XVIII века в ходе революционных процессов французская монархия прекратила свое физическое существование, но в сознании народа она потерпела полный крах задолго до этого события. Каждый скандал, в котором были замешаны высокие должностные лица, особенно король и королева, расшатывал традиционные представления о священном характере королевской власти: «Благодаря сакральности скандал получает универсальное значение, обнажая свое архетипическое ядро. Скандал имеет здесь функцию знака, делая явным то, что ранее было скрыто. Благодаря скандалу происходит прыжок из бессознательного в сознательное, и притом самым грубым образом. Сакральное основание французской монархии рушится прежде всего в коллективном бессознательном. Социальная революция есть лишь следствие психологической»⁸². В немалой степени именно такие скандалы, как дело об ожерелье, послужили средством разрушения представлений о монархии как о чем-то высоком, показав реальную — и достаточно грязную — изнанку власти. Тем самым они подготовили почву для перехода к республике.

Процесс десакрализации монархии на первых порах воспроизводил привычные и многократно опробованные ранее практики: для снижения образа привилегированных сословий в массовом порядке фабриковались скандальные истории, восходящие к самым древним образцам жанра. Так, в 1750 г. массовые бунты в Париже вызвали слухи о принце, похищавшем детей и принимавшем ванны из их крови⁸³. Эти и подобные ему обвинения (вряд ли имевшие что-то общее с реальностью) в основных своих моментах воспроиз-

⁸² *Евзлин М.* Обман и скандал в мифе о Прометее // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 76.

⁸³ *Darnton R.* *Bohème littéraire et Révolution. Le monde des livres au XVIIIe* Paris: Gallimard. P. 98.

водили те же ходячие сюжеты, которые использовались для дискредитации первых христиан на заре Средневековья, и еретиков и ведм — на его закате.

Нелицеприятные слухи о своих конкурентах распускали и многочисленные противоборствующие группировки. Они передавались от человека к человеку на улицах, площадях, трактирах на городских окраинах, обрастая подробностями и приобретая все большее правдоподобие. Информация о великосветских скандалах, подобных скандалу об ожерелье, находила свое отражение в анекдотах, сатирических песнях, комических сценках и фарсах народных уличных театров.

В эпоху Разума прямолинейной апелляции к иррациональным страхам простого народа было явно недостаточно. Городская публика в XVIII веке была совсем не похожа на «безмолвствующее большинство» эпохи Средневековья: ей было что сказать, и она желала свободно и гласно высказывать свое мнение. Грамотность и политическая сознательность находились уже на достаточно высоком уровне. Просвещенные слои со времен Декарта и Фронды на первое место ставили сомнение и критику и ничего не принимали на веру. Чтобы убедить их в том, что монархия не имеет под собой никаких легитимных оснований, требовались не смутные слухи, а рациональные доказательства. Такие доказательства, представлявшие собой рафинированные, интеллектуальные способы десакрализации монархии, были предложены философией Просвещения.

Если для теологов Средневековья власть была благословением, данным богом, то в философии XVIII века возникают влиятельные контрактные теории, в которых единственным источником власти признавался народ. При этом подходе отношение к власти менялось коренным образом: если король не выполнял условий общественного договора, т. е. не защищал свой народ, договор объявлялся расторгнутым, а монархия — низложенной. Первоначально эти концепции воспринимались настроенно даже в образованных кругах, а именно на Ж.-Ж. Руссо или П.А. Гольбах стойко ассоциировались с опасным вольнодумием и интеллектуальным скандалом. Однако ко времени революции их идеи стали общим местом.

И философские построения, и слухи о великосветских скандалах в эпоху Просвещения становились поводом для

оживленных дискуссий образованной публики в дружеских сообществах, клубах по интересам, литературных и философских салонах, кофейнях, чайных домах и парламентах. В атмосфере споров и в условиях небывалой до того времени свободы выражения мнений рождалась публика — необходимый наблюдатель и участник всякого процесса, претендующего на широкий резонанс. С ее появлением сложилась публичная сфера как пространство взаимообмена информацией, критики действий власти, обсуждения общественно значимых проблем. Изменился характер дискуссий: решающую роль в дискуссиях стала играть рациональная сила аргументов, а не сословная принадлежность оппонентов, сила обычая или апелляция к чувствам и эмоциям. Согласно Ю. Хабермасу публичная сфера, как особая институциональная технология решения социальных проблем в Европе, складывается в основном к XVIII веку. Именно с ее помощью третье сословие начало движение к власти, а общественное мнение превратилось в силу, с которой были вынуждены считаться короли⁸⁴.

Дело об ожерелье королевы продемонстрировало, что именно *публичная сфера является важнейшей предпосылкой существования скандала*: он может полностью реализовать свой преобразовательный потенциал только в рамках демократического государственного устройства и развитого гражданского общества.

Формирование в Новое время пространства для дискуссий и свободной прессы позволило скандалу превратиться в эффективное средство политической борьбы и мощный инструмент общественного давления на власти. Любое происшествие, нарушавшее принятые нормы, могло за короткое время скомпрометировать известных лиц, подорвать их репутацию и снизить популярность групп влияния, стоящих за этими лицами. Снижение их популярности, в свою очередь, вело к ослаблению положения этих групп или даже полному их исчезновению со сцены политического взаимодействия. Обнародование или прямая фабрикация скандалов были выгодны как различным силам, представляющим

⁸⁴ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press. 1991.

интересы третьего сословия, так и многочисленным группировкам при дворе, желающим расправиться с конкурентами и усилить свою власть.

Хотя скандалы использовались представителями различных политических сил, в долгосрочном контексте, однако, почти все они способствовали падению престижа монархии и возвышению третьего сословия, поскольку, целясь в конкретных должностных лиц, они неизменно попадали и по государственной власти как таковой.

4. Печатная культура

К эпохе Просвещения процесс передачи информации упростился, а книги и газеты стали достоянием широких слоев общества. Печатная культура стала массовой и превратилась в важнейший элемент публичной сферы. Из пространства устной коммуникации слухи и суждения быстро проникали в записки, дневники, частную корреспонденцию, эпиграммы, романы, философские трактаты, газеты, памфлеты и книги. Пресса, в свою очередь, служила источником новых слухов, поддерживая интерес к той или иной проблеме и создавая информационное пространство, идеально подходящее для разворачивания скандалов и сенсаций. Фактически под влиянием прессы и литературы скандального характера в Европе возникла «определенная форма сознания, наученная воспринимать скандал как форму жизни, а катастрофу — как постоянный задний план»⁸⁵.

В XVIII веке скандалы стали самым популярным развлечением для широкой публики. Р. Дарнтон приводит список из пятнадцати книг, которые были самыми читаемыми в период, когда произошел случай с ожерельем⁸⁶. Пять из них были скандальными хрониками, три — эротическими романами. В числе последних была книга «Тереза-философ», основанная на реальной истории соблазнения иезуитом фанатичной верующей. Кроме этого в числе популярных книг

⁸⁵ *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. М: АСТ. 2009. С. 462.

⁸⁶ *Darnton R.* The forbidden best-sellers of pre-revolutionary France. New York, London: W. W. Norton. 1996.

была весьма откровенная даже для эпохи Просвещения «Орлеанская девственница» Вольтера и несколько философских (то есть по тем временам вольнодумных) произведений. По сути, все бестселлеры за исключением нескольких книг имели ярко выраженный скандальный характер.

Газеты во Франции находились под контролем государства и подвергались строгой цензуре. По этой причине в политической и литературной борьбе широко использовался памфлет — выходящее эпизодически короткое печатное произведение на злобу дня, разоблачавшее деяния конкретных лиц, и посредством этого критиковавшее, осмеивавшее, предававшее позору социальный институт, политический строй, сословие, государство и т. д. В преддверии революции памфлет стал ведущим жанром публицистической литературы: памфлеты писали Вольтер, Д. Дидро и многие другие известные просветители. А. Токвиль писал, что в это время в Париже «все было шум и движение; ежеминутно рождались политические памфлеты, их появлялось до 92 штук в неделю. Даже в Лондоне никогда не видел я подобного пробуждения гласности»⁸⁷.

Для многих французских памфлетов эпохи Просвещения основным предметом критики была монархия. Такие работы, как правило, имели разоблачительный характер и характерные заголовки: «Коронованные тигры», «Злодеяния французских королей», «Ужасающие истории жестоких преступлений, бывших обычным делом королевских семей» и т. д.

После смерти Людовика XV популярность приобрели полупорнографические памфлеты о его распутной жизни и многочисленных фаворитках. Следующей мишенью для памфлетов стала новая королевская чета. Людовик XVI, однако, не давал никаких поводов обвинять его в распутстве или фаворитизме, и пасквильянтам пришлось искать другие способы его дискредитации. В итоге своей мишенью они избрали бессилие и безволие короля. Что касается Мари-Антуанетты, известной своим легкомыслием и любовью к развлечениям, то ее продолжали описывать по тем же образцам, которые были разработаны для памфлетов о фаво-

⁸⁷ Токвиль А. Старый порядок и революция. М.:МФФ. 1997. С. 64.

ритках предыдущего короля: они были настолько физиологичны, что в них достаточно было заменить имена главной героини и ее любовников.

Недостатка во врагах у королевской четы не было: некоторые аристократы чувствовали себя обойденными или желали передела власти, а многие представители третьего сословия были заинтересованы в ослаблении монархии как таковой. Те и другие пытались в своих целях раздуть скандал, для чего нанимали памфлетистов для описания жизни короля и королевы и распускали порочащие их слухи. Подпольная литература, издаваемая массовыми тиражами, снижала образ монархов и в итоге бесповоротно подорвала их репутацию в общественном мнении.

«В эпоху Просвещения монарх постепенно теряет свой сакральный ореол. С королем произошло самое страшное: он стал посмешищем, превратился в наиболее презираемую фигуру — комического роконосца. Казнив Людовика XVI, Революция спасла его репутацию, увенчав мученическим венцом. Памфлетисты изоцрялись, описывая распутство Марии-Антуанетты, давая ей в любовники королевских братьев, придворных. Скандал с «ожерельем королевы» свидетельствовал: кардинал де Роган, духовный пастырь, возмечтал купить за бриллианты любовь государыни — значит, это возможно»⁸⁸.

Издания о распутной жизни Марии-Антуанетты появились в изобилии во время судебного процесса по делу об ожерелье и продолжали выходить после ее смерти. Историк Гектор Флейшман в работе «Распутность Марии-Антуанетты по памфлетам» перечисляет более ста брошюр, направленных против Марии-Антуанетты и повествовавших о ее более чем свободном поведении⁸⁹. Фактически таких произведений было гораздо больше: они переписывались, переиздавались, ссылались друг на друга, создавая видимость правды.

В памфлете «Исторические опыты о жизни Марии-Антуанетты», к которому, как предполагается, приложил руку маркиз де Сад, обобщались все обвинения, когда-либо предъявленные королеве, включая инцест, гомосексуализм,

⁸⁸ Строев А.Ф. Авантюристы Просвещения. М.: НЛО. 1998. С. 93.

⁸⁹ Флейшман Г., Альмерас А. Королева Мария-Антуанетта. СПб.: Сфинкс. 1911.

неисполнение материнских и супружеских обязанностей, ненависть к Франции и т. д. После революции вышли в свет памфлеты с не менее характерными названиями: «Распутная и скандальная частная жизнь Марии-Антуанетты», «Республиканцы, гильотинируйте олуха Людовика XVI и шлюху Марию-Антуанетту», «Последние вздохи плачущей потаскухи» и т. д. Литературное качество их оставляло желать лучшего, но влияние на массы было огромным. С каждым новым памфлетом реальная королева в сознании народа все более замещалась ее окарикатуренным образом.

М. Фуко отмечал, что Мария-Антуанетта «концентрирует в себе на страницах тогдашних памфлетов множество черт монструозности. Прежде всего, конечно, она заведомо иностранка, а потому не принадлежит к общественному телу. Как следствие, по отношению к общественному телу страны, где она правит, она — дикое животное или, во всяком случае, нечеловеческое существо. Более того, она — гиена, людоедка, “тигрица”... Живое воплощение каннибализма, антропофагии властителя, питающегося кровью своего народа. И к тому же это скандалистка, распутница, предающаяся самому отъявленному разврату»⁹⁰.

Памфлеты дополнялись соответствующим изобразительным рядом. Здесь падение престижа монархии было показано во всей его наглядности. А. де Бек утверждал, что зримые изменения в отношении к монархии произошли на протяжении царствования, о чем свидетельствует сравнение изображений Людовика XVI и Марии-Антуанетты в рисунках. Если на изображениях, относящихся к началу правления, король олицетворяет мощь государства, то на более поздних рисунках он изображен безвольным и бессильным существом, чья слабость ассоциируется со слабостью государства. Королеву, в свою очередь, после скандала с ожерельем чаще изображают не на парадных портретах, а на порнографических картинках с различными любовниками, приписываемыми ей молвой. Подобные сюжеты стали первыми действительными образцами «обличения политиков с помощью скандальной постельной хроники»⁹¹.

⁹⁰ Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука. 2004. С. 125.

⁹¹ *Вассье А. де.* Le Corps de l'histoire. Paris: Calmann-Lévy. 1993.

Потоки порнографии и клеветы, тиражируемые в памфлетах, по мнению ряда исследователей, сыграли решающую роль в падении французской монархии: революция в печати привела к реальной революции⁹². Хотя в конкретные слухи о близких связях королевы с различными придворными или о ее тайных политических махинациях могли не верить, само количество таких слухов рождало фоновую уверенность в том, что жизнь двора действительно скандальна и безнравственна, а монархия приносит Франции больше вреда, чем пользы.

5. Мифология вины

Если согласиться с большей частью историков и признать, что Мария-Антуанетта никак не участвовала в событиях с ожерельем, возникает вопрос, почему именно ее репутация в итоге больше всего пострадала.

С. Цвейг полагает, что на королеве все же лежала определенная часть личной вины за последствия скандала, поскольку именно ее прошлые необдуманные поступки сделали скандал возможным: «С моральной точки зрения Марию-Антуанетту нельзя считать полностью невиновной, ибо этот грандиозный обман можно было затеять лишь потому, что всем известная ее дурная слава придала мошенникам смелости, потому что любой самый невероятный, необдуманный поступок, любой неправдоподобно опрометчивый шаг, приписываемый королеве, воспринимался обманутым кардиналом как правдоподобный. Если бы на протяжении многих лет не было непрерывной цепочки легкомысленных поступков... то не было бы и предпосылок для этого фарса лжи и обмана... Еще и еще раз: в фантастической афере с колье Мария-Антуанетта была абсолютно невиновна. Однако то, что мошенники, используя ее имя, смогли эту аферу осуществить, — в этом была и осталась историческая вина королевы»⁹³.

⁹² Darnton R., Roche D. *Revolution in Print: The Press in France, 1775-1800*. Berkeley: University of California Press. 1989.

⁹³ Цвейг С. Мария-Антуанетта: портрет ординарного характера. М.: Фолио. 2009. С. 221.

Действительно, не отличайся королева крайней ветреностью, кардинал не поверил бы ни в свидание в вечернем парке, ни в секретную переписку, полную авансов. Если бы Мария-Антуанетта не слыла расточительной, ювелирам даже не пришла бы в голову мысль, что она способна втайне от мужа совершать покупку дорогого ожерелья. Репутация королевы была небезупречной, и именно на этом строился весь расчет де Ла Мотт.

Такой подход способен обнажить причины, которые сделали мошенничество возможным, однако он никак не может объяснить последствия скандала для репутации королевы. Поведение королевы в прошлом действительно могло быть безупречным, однако из этого никак не следовало, что авантюра, о которой она даже не догадывалась, должна была окончательно разрушить престиж французской монархии.

Отчасти падение популярности королевы можно объяснить общим критическим настроем просвещенной публики, которая достаточно скептически относилась к официальным утверждениям. Третье сословие было склонно к протестным настроениям и изначально воспринимало заявления власти с изрядной долей недоверия. Хотя по результатам расследования уголовного дела было объявлено, что королева не имела никакого отношения к истории с ожерельем, достаточно большая часть публики оставалась при мнении, что суд выгораживает истинную виновницу скандала. Несмотря на все выводы следствия, для общественного мнения, подогретого памфлетами, ее было проще представить не безвинной жертвой, а любовницей кардинала, плетущей сложные интриги: «Одни говорили, что г-жа Ламотт ни в чем не повинна: ожерелье украли королева, ювелира обманула королева, в “боскете Венеры” была королева, и когда дело раскрылось, то взвалила все на бедную госпожу Ламотт опять-таки королева! Эта версия была глупа и противоречила твердо установленным фактам, однако “что-то всегда остается”. Менее неспособные к рассуждению люди говорили, что королева ожерелья не крали и в “боскете Венеры” не была, но обо всем этом отлично знала: хотела посмеяться над бедным кардиналом Роганом... Говорили даже, что подсудимые самоотверженно выдумали фантастическую версию, чтобы отвести подозрения от королевы»⁹⁴.

⁹⁴ Алданов М.А. Графиня Ламотт // Сочинения. Кн. 2: Очерки. М.: Новости. 1995. С. 136.

Падение популярности королевы можно связать и с падением популярности старого порядка. Скандал пришелся на период глубочайшего кризиса, вызванного целым рядом внешних и внутренних причин. В стране начались финансовые затруднения и ускорилось обнищание народа. В это же время королева тратила большие суммы на украшения и развлечения. Народ считал ее поведение основной причиной расстроенных финансов государства, за что дал ей прозвище «мадам Дефицит». Слыша о роскоши придворной жизни и развратном поведении королевы, он испытывал то, что Ф. Ницше назвал французским словом *ressentiment* — бессильную зависть и ненависть к тому, кого считал причиной всех бед.

С этой точки зрения унижение королевы на революционном трибунале было платой за каждодневное унижение нищих жителей Франции. Ее судили как обычную преступницу — на суде над ней говорилось: «Та женщина, которую недавно окружал изысканнейший блеск, какой только могли придумать гордость королей и низость рабов, та женщина в настоящее время занимает в народном трибунале место, которое два дня тому назад занимала другая женщина, и это равенство обеспечивает ей нелицеприятную справедливость»⁹⁵. На казнь «вдове Капет» повезли на обычной телеге: народ приветствовал ее казнь, рассматривая ее как месть за все свои унижения и восстановление социальной справедливости.

То, что именно Мария-Антуанетта была признана виновной, во многом связано и с тем, что она была австрийкой, и значит, чужой для французов. Все те, кто старался дискредитировать королеву, постоянно подчеркивали ее иностранное происхождение. В памфлетах ее именовали не иначе как Австрийская волчица. В отождествлении королевы со всем чужим и враждебным воспроизводились привычные архетипы, связанные с особым пониманием скандальности в традиционном обществе, когда всякий «чужой» (иностранец, еретик) при необходимости превращался в «козла от-

⁹⁵ Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы. СПб.: Невский проспект. 2000. С. 99.

пущения». Простой народ всегда был склонен к поиску виноватых, о чем свидетельствовали костры, на которых кое-где в Европе все еще сжигали ведьм.

Кроме того, под воздействием памфлетов, где король был выставлен слабовольным и ничего не решающим человеком, в сознании народа сложилась картина, согласно которой реально мужем и страной управляет иностранка Мария-Антуанетта. Фактически образ королевы слился с образом власти, не способной и не желающей делать что-либо на благо народа.

В более образованных слоях в то же время все большую популярность приобретали просвещенческие идеи прогресса, разума, свободы и равенства. Эти идеи вели к усилению недовольства аристократией, которая, пытаясь удержать свою власть, тормозила всякие изменения. Общим местом в риторике выразителей идей третьего сословия было отношение к монархии как к опасной болезни. Унижение власти рассматривалось как возвеличение непривилегированных слоев населения. Чем хуже воспринималась монархия, тем больше поддержки было у буржуа. По сути, одной из важных задач третьего сословия являлась дискредитация монархии. Просвещенная публика хорошо понимала то, что каждый скандал — это удар не только по ее репутации, но и по репутации монархии.

Если рассматривать скандал как особого рода текст со своими жанровыми особенностями, структурой и целями, то его истинными персонажами, очевидно, будут не личности как таковые, а социальные институты, режимы, сословия, социальные практики, которые стоят за каждой из них. Именно они описываются, критикуются и обвиняются в лице их конкретных представителей. В политических скандалах может ставиться под удар институт президентства, номенклатура, nepotизм и т. д. Кто именно окажется в нужном месте под напором критики — зачастую дело случая. Даже если скандал был спровоцирован специально для дискредитации какого-либо лица, он все равно бьет не только по этому лицу, а по всему институту или практике, им представленной.

В скандале человек всегда является представителем определенной функции, носителем статуса: королем, президен-

том, крупным чиновником и т. д. Если бы Мария-Антуанетта не была королевой, ее легкомысленное поведение не вызвало бы нездорового интереса публики. В скандальных слухах и новостях она отображалась не как личность, а как воплощение власти, аристократии, а также монархии и ее пороков.

С этой точки зрения скандал подорвал престиж монархии тем, что показал реальную кухню государственных решений. На процессе об ожерелье в показаниях свидетелей вскрылись такие подробности взаимоотношений на высочайших этажах власти, которые были способны навсегда похоронить репутацию монархии, а вместе с ней — всех тех, кто ее представлял в лицах. Государственные мужи и духовные лица оказались замешаны в сомнительных аферах, адюльтерах и коррупции. Многие, как кардинал, оказались не по чину легковверны или попросту глупы. На процессе подсудимые выдвигали друг против друга чудовищные обвинения, не останавливаясь перед клеветой. Кроме того, и непосредственная виновница событий Жанна де Ла Мотт, являясь потомком королевской фамилии, была для народа такой же аристократкой, как и прочие фигуранты скандала. «Изумленная Европа вдруг увидела, как одна ложь сменяла другую, как язвы коррупции, жадности и глупости покрыли тела и высших и низших и что всюду царит одна лишь алчность»⁹⁶.

Хотя королева была признана невиновной в афере с ожерельем, она несла вину за все преступления монархии и государства: за социальную несправедливость, обнищание народа и нежелание власти что-либо менять. В ее личности в народном воображении сконцентрировались все пороки правящего класса. Королева несла полную ответственность за них уже в силу своей принадлежности к привилегированной группе, и к институту, со скандалами покидающему авансцену истории.

С этой точки зрения публике было необходимо, чтобы Мария-Антуанетта все же была замешана в скандале с ожерельем. В ее вину все верили, потому что *слишком много людей хотели верить в это*. Логика судебного расследования

⁹⁶ Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль. 1991. С. 47.

в случае с королевой была заменена логикой мифа. Миф — это обман, но такой обман, через который просвечивает глубинная истина. Вина Марии-Антуанетты — ложь, но вина монархии и аристократии была несомненной.

В любом случае Мария-Антуанетта не могла не быть безвинной жертвой в силу метафизической вины монархии и своей аристократической натуры. Точно так же волк по своей волчьей природе всегда остается хищником и никогда не превратится в ягненка. Не случайно в декрете о заговоре против французской свободы 1793 г., который обязывал королеву предстать перед революционным трибуналом, содержалась и статья, согласно которой «должны быть разрушены гробницы и мавзолеи бывших королей, сооруженные в церкви Сен-Дени, в храмах и других местах на протяжении республики»⁹⁷. Два этих события были символическими действиями, разрушающими монархию, и личная вина королевы или отсутствие таковой уже не играли здесь какой-либо значимой роли.

Сюжетом мифа двигает ничем не ограниченное желание: его не интересуют причинно-следственные связи, он не останавливается перед выдумками, поскольку сам по себе является не более чем фантазией: «Закон каузальности преодолевается в мифе в такой же мере, как пространство и время. Абсолютная сила творческой воли, желания, т. е. творческой фантазии — вот логическое основание, порождающее любое чудесное действие»⁹⁸. Монархия всегда была окружена мифами, которые имели мало общего с реальностью, — народ верил вплоть до начала Нового времени, что король приобретал чудотворную силу при помазании и, например, мог лечить золотушных возложением⁹⁹.

В XVIII веке миф о королях продолжал существовать — но он поменял свой знак на противоположный. Из вырази-

⁹⁷ Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы. СПб.: Невский проспект. 2000. С. 85.

⁹⁸ *Голосокер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. СПб.: Университетская книга. 2010. С. 118.

⁹⁹ *Блок М.* Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры. 1998.

телей интересов народа монархи стали его антагонистами. Так, Марии-Антуанетте приписывают слова «Пускай они едят пирожные» как ответ на известия о том, что у народа закончился хлеб. Хотя известно, что королева на самом деле никогда не произносила таких слов, в популярной истории ее образ стойко ассоциируется именно с ними. Точно так же ее имя оказывается прочно связанным со скандалом об ожерелье, о котором она ничего не подозревала.

Скандал в Новое время превратился в действенный способ развенчивания мифов традиционного общества. Однако следствием развенчивания стали новые мифы, также требующие своих разоблачений. Этот ускоряющийся процесс создания и разоблачения выражает революционный дух Просвещения с его критицизмом и публичностью, свободой самовыражения, тягой к постоянному отбрасыванию старого и поиску нового. Только в этой атмосфере скандал способен полностью раскрыть свой социально-преобразовательный потенциал.

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СКАНДАЛА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Понятие моральной паники

В последнее время в центре внимания средств массовой информации все чаще оказываются события, вызывающие у публики серьезные опасения по поводу будущего общественной нравственности. Скандалы высвечивают многие актуальные проблемы современного общества, такие как насилие в семье, оскорбление религиозных чувств, вождение автомобиля в нетрезвом виде, нелегальная миграция, терроризм, распространение ВИЧ, употребление наркотиков, рост молодежной преступности и т. д.

За последние полвека количество подобных скандалов возросло в разы: сегодня, как только из фокуса внимания исчезает один скандал, дающий пищу для опасений публики, он тотчас сменяется другим, не менее злободневным. Помимо этого, претерпела качественные изменения и реакция общества на скандалы. Теперь они воспринимаются уже не просто как изолированные и экстраординарные эпизоды нарушения общественных норм, но как целостная система тесно взаимосвязанных процессов и явлений, угрожающих социальному порядку как таковому.

В ряде случаев особо скандальные инциденты (такие, как убийство ребенка приемными родителями, осквернение святыни или автомобильная авария с большим количеством жертв) приобретают широкий общественный резонанс и начинают трактоваться как признаки надвигающейся моральной катастрофы. В публичной реакции на подобные скандалы рациональные соображения обычно отодвигаются на задний план, сменяясь эмоциями и аффектами: страхами по поводу забвения нравственных традиций, возмущением, вызванным бездействием властей, агрессией, направленной против виновников произошедших событий.

Особый эмоциональный накал при оценке скандалов, затрагивающих моральные чувства, связан со специфической нравственных убеждений и норм. В соответствующих условиях они могут (а с точки зрения классической этики — должны вне зависимости от условий) признаваться приоритетными по отношению ко всем прочим нормам, интересам, мотивам и т. д. Реакция на действия, выраженные в виде нарушения общественных норм и пренебрежения к моральным убеждениям, обычно не ограничивается расчетом выгод и ущерба. Когда нравственным устоям грозит опасность, ценности и традиции начинают функционировать как ограничители рациональности. Используя термины М. Вебера, можно сказать, что в этих условиях целерациональные действия сменяются ценностно-рациональными или традиционными.

Ярко выраженный иррациональный характер массовой реакции на моральную угрозу связан и с особенностями коллективного поведения. Когда в процесс коммуникации вовлечено большое количество людей, их чувства усиливаются и получают общую направленность, задействуются процессы эмоционального заражения, возможна эскалация враждебности по отношению к какой-либо социальной группе, представители которой начинают идентифицироваться как виновники всех бед. В этом случае наблюдается рост количества социальных действий аффективного типа, при которых способность к рациональным рассуждениям окончательно блокируется эмоциями и чувствами.

После резонансного скандала и последующего определения какого-либо явления в качестве моральной угрозы, информация о нем быстро распространяется по официальным и неофициальным каналам, обрастая сенсационными подробностями, преувеличениями и слухами. Со стороны некоторых публичных лиц начинают звучать предупреждения о надвигающейся нравственной катастрофе, а также призывы к тому, чтобы остановить ее, ужесточив наказания за соответствующие преступления и усилив нетерпимость по отношению к их виновникам.

Реакция общественности на скандалы, подпитываемая средствами массовой информации и борцами за нравственную чистоту, в какой-то момент способна привести к эскалации возмущения и коллективных страхов. Эту реакцию

можно квалифицировать как массовую панику, которая, согласно представлениям социальных психологов, характеризуется «появлением одновременно у многих людей, находящихся в контакте, чувств беспокойства, хаотичных движений и непродуманных действий, состоянием массового страха перед реальной или воображаемой опасностью, который нарастает в ходе взаимного заражения и блокирует способность рациональной оценки обстановки, мобилизации воли и организации совместного противодействия»¹⁰⁰.

Реакция на скандалы часто является чересчур острой, истерической, и по эмоциональному своему накалу не соответствующей реальной значимости вызвавшей ее проблемы. Непропорциональность реакции на угрозу воспринимается как центральная характеристика моральных паник, традиционно определяемых как «эпизоды широко распространенного беспокойства и страха, вызванные событиями, которые имеют явно тривиальное значение»¹⁰¹.

Многие характерные для моральных паник скандалы не раз становились поводами для массовой истерии, порождая ситуации «охоты на ведьм», «кровавых наветов», «чистки рядов», шпиномании и т. д. Однако как целостное явление, оказывающее заметное влияние на все общество, моральные паники начали фиксироваться сравнительно недавно — приблизительно в конце 60-х гг. XX столетия. Именно с этого времени страх перед действиями, воспринимающимися в качестве угрозы социальным устоям, превратился в постоянный информационный фон общественной жизни. Моральные паники стали особой формой организации и существования скандалов в обществе.

Отличительной особенностью современной ситуации является то, что там, где раньше публика видела отдельные скандальные проступки, часто достаточно тривиальные, сегодня она видит целую систему взаимосвязанных проблем, несущих угрозу обществу. Так, в случае выдвижения на «публичную арену» случая насилия в семье, объектами оза-

¹⁰⁰ Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест. 1998. С. 306.

¹⁰¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика. 2004. С. 163.

боченности становятся не только конкретные пострадавшие дети, но и дети как таковые, семья как социальный институт, система социальных ролей в ней, отношения между ее членами, деятельность социальных работников, проблемы в семейном и школьном воспитании, пропаганда насилия в СМИ и т. д. Все прочие скандалы, имеющие даже самое отдаленное отношение к этому широкому комплексу проблем, начинают трактоваться как звенья единой цепи, направленной на разрушение устоев общества. Как следствие, попустительство по отношению к какой-либо отдельной девиации воспринимается как прямой путь, неизбежно ведущий к тотальной вседозволенности и разрушению традиционных ценностей. Ведь если общество, как утверждают моралисты, стоит перед пропастью, то будет достаточно даже небольшого толчка, чтобы сделать нравственное падение окончательным и необратимым.

Появление и быстрое распространение моральных паник в конце XX — начале XXI вв. проходит одновременно с процессами глобальной смены мировоззренческих парадигм, знаменующих переход от современного типа общества к постсовременному. В концепциях информационного общества этот переход связывается прежде всего с быстрым развитием средств массовой коммуникации. Телевидение, спутниковая связь, компьютерные сети создали необходимые условия для быстрого и беспрепятственного распространения новостей, призывов, деклараций, предположений и слухов. Следствием совершенствования коммуникационных технологий стала глобальная информационная среда, в которой заинтересованные группы (в основном элиты) получили возможность эффективно манипулировать общественным мнением в своих целях, провоцируя скандалы и поддерживая массовые паники по различным поводам.

Однако рост страхов по поводу падения нравственности вызван не только искусственным конструированием проблем в СМИ. Он также является реакцией на реальный процесс распада традиций, спровоцированный масштабными социальными и культурными переменами. Закат индустриального общества сопровождается смешением и столкновением цивилизаций, ценностей и образов жизни, а также увеличением и без того огромной пропасти между социаль-

ной реальностью и моральным идеалом. Подобный разрыв, по мнению А. Тоффлера, приводит общество в состояние «шока перед будущим», одной из граней которого является реакция паники: «Социальные перемены увеличивают разрыв между тем, во что мы верим, и тем, что есть на самом деле, между существующими образами и реальностью, которую они должны отражать. Когда этот разрыв невелик, мы можем более или менее совладать с изменениями, мы можем разумно противодействовать обстоятельствам, мы имеем власть над реальностью. Однако когда этот разрыв увеличивается, мы становимся все менее способными справиться, мы слабо реагируем, ретируемся или просто впадаем в панику»¹⁰².

Не менее важным условием, способствующим распространению массовых страхов и их поддержанию на стабильно высоком уровне, является объективный процесс увеличения количества бедствий, катастроф. С усложнением общества риски, которые ранее были спорадическими и изолированными, превратились в системные и неизбежные. Социальная жизнь в этих условиях продуцирует постоянные коллективные фобии, в том числе вызванные беспокойством за будущее общества.

У. Бек утверждает, что в обществе риска «традиционные формы подавления страха и нестабильности в социально-моральной сфере... более не действуют»¹⁰³. Сбои в работе традиционных механизмов социальной регуляции спровоцированы прежде всего исчезновением четких ценностных ориентиров, ранее задававших основы для правильного поведения. Идеалы прошлого стремительно девальвируются, девиации и нормы меняются местами, в то время как контуры будущей морали, способной адекватно регулировать отношения в обществе, пока еще не намечены даже вчерне.

Если мораль Нового времени основывалась на надежде и вере в идеализированное будущее (будь то коммунизм или либеральный «конец истории»), то для постсовременной морали не остается иного фундамента для нормативности

¹⁰² Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань. 1997. С. 138-139.

¹⁰³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 234

кроме страха перед будущим¹⁰⁴. Усиливается беспокойство по поводу сохранения природы человека и условий его существования, а также поддержания традиционных моральных ценностей, скрепляющих общество.

Информатизацию общества, увеличение количества рисков и усиление моральной неопределенности следует отнести к числу основных условий возникновения моральных паник. Поскольку никаких признаков замедления или ослабления этих процессов не наблюдается, очевидно, что и в обозримом будущем моральная паника будет оставаться важной составляющей информационного фона социальной жизни.

2. Оформление концепции

Сочетание «моральная паника» появилось в 1971 году в работе британского социолога Дж. Янга «Роль полиции в процессе усиления девиации»¹⁰⁵. В статье для объяснения явления был использован интеракционистский подход Г. Беккера к социальным отклонениям. Беккер полагал, что девиация — это то, что люди договорились называть девиацией: «девиантность — это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами правил и санкций к “нарушителю”»¹⁰⁶. Определение поведения какой-либо группы в качестве отклоняющегося порождает или усиливает отклонение: навесив на какую-либо социальную группу «ярлыки» наркоманов или преступников, общество подвергает ее остракизму, тем самым ограничивая возможности для самореализации ее членов и вынуждая их разыгрывать те девиантные роли, которые ожидает увидеть публика.

Следуя в общем русле интеракционизма, Янг поместил в центр своего исследования не сами отклонения от моральных норм или их социальные причины, а реакцию на них прессы и публики. В работе он описал процесс углубления

¹⁰⁴ Йонас Г. Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс. 2004. С. 37.

¹⁰⁵ Young J. The Role of the Police as Amplifiers of Deviance // Images of Deviance. Ed. by S. Cohen. L.: Penguin Books. 1971. P. 27 — 61.

¹⁰⁶ Беккер Г. Девиантность как следствие наклеивания ярлыков // Контексты современности — 2. Казань: Изд-во КГУ. 2001. С. 145.

девиации на примере скандалов, связанных с употреблением наркотиков. Янг показал, как в ходе информационной кампании взаимодействие прессы, публичного мнения, заинтересованных групп, властей и полиции привели к своеобразному «замкнутому кругу» в определении угрозы — публичные беспокойство и страх вызвали усиление девиации, а усиление девиации поспособствовало еще большему росту беспокойства. Опасения публики в итоге стали нарастать по принципу «снежного кома», породив процесс массовой истерии, который и был назван Янгом моральной паникой.

Оформление идеи Янга о моральной панике в целостную социологическую концепцию произошло год спустя в книге С. Коэна «Воплощение зла и моральные паники»¹⁰⁷. В своей книге Коэн проследил, как британские СМИ в конце 1960-х годов спровоцировали серию скандалов по поводу групп модов и рокеров, представлявших собой субкультуры с определенными стилями одежды, музыкальными предпочтениями и т. д. Конфликт между этими группами привел к массовой драке в небольшом городке в Англии, что стало предметом освещения национальной прессы. Журналисты продемонстрировали стремление к преувеличению угроз и искажению фактов в поисках сенсационности и скандальности. В итоге реакция публики на скандал оказалась более бурной и эмоциональной, чем можно было ожидать, исходя из реальной социальной значимости групп модов и рокеров, а также конкретного эпизода, послужившего поводом для паники.

Внимание прессы создало рокерам и модам своеобразную рекламу, сконструировало для них внятную протестную идеологию и сформировало ролевую модель для подражания. Сами эти группы были «демонизированы», то есть превращены прессой в «воплощения зла» (*folk devils*), на которых и была возложена основная ответственность за процессы моральной деградации общества. Этот процесс, по сути, представлял собой «наклеивание ярлыков», которое в итоге сформировало девиацию и послужило средством ее усиления.

¹⁰⁷ *Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. L.: MacGibbon and Kee. 1972.*

Моральная паника у Коэна представлена как непропорционально жесткая публичная реакция неодобрения, осуждения и страха, возникающая по поводу девиации. Эта озабоченность возникает внезапно и через какое-то время исчезает без всяких видимых причин. Основными участниками моральной паники в модели Коэна являются средства массовой информации, моральные предприниматели, агенты социального контроля и публика.

Моральная паника создается в СМИ и без их активности невозможна в принципе. Именно СМИ очерчивают контуры социальных проблем и определяют реакцию публики на них. Они же получают очевидные дивиденды от моральных паник — скандалы позволяют СМИ привлечь аудиторию и упрочить свое влияние на общественность. По этой причине они особо заинтересованы в преувеличениях и запугивании: каждая новая история привлечет тем больше внимания, чем более драматично она будет описана, и чем сильнее она затронет чувства аудитории.

Коэн указывает, что эффект драматизации в СМИ достигается при помощи таких механизмов, как *преувеличение, искажение, прогноз и символизация*. Преувеличения и искажения используют для придания событию видимости особой серьезности. В этих целях может, например, преувеличиваться количество людей, участвовавших в каком-либо скандальном инциденте, или сумма ущерба от их действий. Сопутствующие искажения обычно подразумевают использование соответствующей лексики — экспрессивно окрашенной, часто напоминающей сводки с поля боя, проповедь или мелодраму («непримиримая битва», «кошунство», «святое дело»). Прогнозы, которые дают СМИ, обычно неутешительны — они предсказывают дальнейшее ухудшение ситуации вплоть до полного разрушения социального порядка, если зло не будет немедленно остановлено и наказано. При этом такие алармистские прогнозы часто «сбываются», поскольку СМИ начинают интерпретировать многие похожие скандалы как продолжение и развитие магистральной негативной тенденции. Действие символизации связано с тем, что определенные признаки, ассоциируемые с виновниками (стиль, одежда) интерпретируются как признаки девиации, а различные проблемы (алкоголизм, наркомания, преступ-

ность) начинают прочно ассоциироваться с определенной группой (футбольные фаны, рейверы, мигранты и т. д.).

Другим важным участником процесса являются моральные предприниматели — видные общественные деятели, которые стремятся возглавить «крестовый поход» во имя восстановления нравственности. Как правило, эти агенты являются адвокатами «строгой» морали, с позиции которой мир видится в двух цветах — черном и белом. Виновики скандалов (гомосексуалисты, мигранты, наркоманы) описываются ими как воплощение абсолютного зла, с которым необходимо начинать немедленную борьбу, пока общественные устои, подточенные ими, не рухнули. Моральные предприниматели мобилизуют общественное мнение, оказывая тем самым давление на власти и призывая их к усилению социального контроля, законодательной защите нравственных ценностей и ужесточению законов. Очевидно, что основной целью подобных «крестonosцев» от морали является завоевание авторитета в качестве защитников традиций и, как следствие, получение определенных политических дивидендов или приобретение еще большей известности у публики. Соответственно они не меньше журналистов заинтересованы в скандалах и раздувании массовой истерии.

Третьей группой участников моральных паник являются агенты социального контроля — полиция, судьи, представители администрации и т. д. Они также стараются поддерживать панику, поскольку заинтересованы в расширении возможностей и инструментов контроля. В реакции агентов социального контроля на девиацию прослеживаются три элемента, названных Коэном *диффузией*, *эскалацией* и *инновацией*. Под диффузией понимается сложение сил агентов контроля (например, на локальном и национальном уровне) в борьбе против проблемы. Эскалация — это ужесточение наказаний, а инновация — внедрение новых методов контроля, разработка новых законов и придание властям дополнительных репрессивных полномочий. В более широком контексте саму моральную панику можно анализировать (используя терминологию М. Фуко) как механизм социального контроля и форму реализации власти. Публичную озабоченность в таком случае можно рассматривать как

особый дискурс, дисциплинирующий людей путем установления контроля над различными вариантами отклонения от нормы.

Четвертым участником моральных паник является сама публика. Ряд существенных характеристик моральных паник связан с тем, что они реализуются как проявления коллективного поведения, а потому имеют прямое или опосредованное отношение к массовой истерии, коллективным иллюзиям, бунтам, действиям толпы, поношениям, слухам, городским легендам и т. д.

Объектом моральной паники являются, если пользоваться термином Коэна, «народные дьяволы», т. е. персонифицированные «воплощения зла», девианты, «чужие», «враги народа», которые объявляются источником морального зла и угрозой для общества, обвиняются в большинстве проблем, становятся мишенью для «благородного» негодования публики, т. е. фактически превращаются в «козлов отпущения» современного общества.

В разное время к этим объектам относили те или иные молодежные субкультуры — модов, рокеров, хиппи, панков, рейверов, а также скинхедов, националистов, футбольных фанов, наркоманов, наркокурьеров, гомосексуалистов, алкоголиков, феминисток, сутенеров, проституток, носителей ВИЧ, педофилов, нелегальных иммигрантов, ваххабитов, сектантов, сатанистов, распространителей порнографии, нетрезвых водителей, террористов и т. д.

Хотя конкретные объекты, вызывающие опасение и ненависть, быстро сменяют друг друга, все они рассматриваются в едином ключе и «клеятся» по стереотипным, зачастую отработанным заранее схемам. Враждебность публики традиционно поддерживается представлениями о разрушительной роли виновников паники по отношению к традиционным моральным ценностям. Деятельность то одних, то других девиантов рассматривают в качестве основной причины увеличения уровня бытового насилия, кризиса семейных традиций, падения авторитета религии и церкви, потери этнической идентичности, вымирания нации, упадка культуры или других схожих явлений. Иными словами, все объекты моральных паник объявляются источниками серьезных рисков для государства и общества.

Для объяснения характера отклика публики на риски Коэн проводит аналогию между моральной паникой и природной катастрофой. В том и в другом случае реакция общественности описывается при помощи таких понятий, как предупреждение, угроза, воздействие, спасение, принятие мер, подведение итогов, возмещение и т. д.

Процесс разворачивания моральной паники описывается Коэном так: «Время от времени общества испытывают периоды моральной паники. То или иное условие, какой-либо эпизод, лицо или группа лиц начинают определяться как угроза социетальным ценностям и интересам, его или ее характер представляется средствами массовой коммуникации в стилизованной или стереотипизированной форме; редакторы, священники, политики и другие благонамеренные люди занимают «моральные баррикады»; признанные в обществе эксперты объявляют свои диагнозы и решения; разрабатываются или, что бывает чаще, восстанавливаются уже существовавшие варианты решения; условие затем исчезает, пропадает из виду или ухудшается и становится более заметным. Иногда предметом паники становится нечто совершенно новое, иногда то, что существует уже довольно давно, но внезапно оказалось в центре внимания. Иногда паника проходит и забывается, сохраняясь лишь в фольклоре и коллективной памяти; иногда она имеет более серьезные и продолжительные последствия и может порождать изменения в правовой и социальной политике и даже в том, как общество понимает себя»¹⁰⁸.

Коротко этапы разворачивания моральной паники можно описать таким образом: (1) некто или нечто определяется как угроза; (2) СМИ описывают угрозу в простой и доступной форме; (3) заинтересованные лица призывают к борьбе с угрозой; (4) возмущение и страх публики нарастают; (5) власти принимают меры для снижения угрозы; (6) паника порождает серьезные социальные изменения или забывается.

Коэн подробно описал все эти этапы на примере рокеров и модов. На первых порах эти субкультурные группы существовали на периферии общественного внимания, не вызы-

¹⁰⁸ Коэн С. Средства массовой коммуникации, моральная паника и девиантность // СМК и социальные проблемы. Казань: Изд-во КГУ. 2000. С. 218.

вая интереса у окружающих и прессы. Возможно, они сошли бы с исторической сцены, не замеченные никем, если бы не драматичный инцидент — массовая драка, сопровождавшаяся общественными беспорядками. Инцидент послужил поводом для новостей, а пресса в погоне за скандальностью преувеличила и исказила данные об участниках и ущербе.

«Эксперты» и «борцы за нравственность» представили субкультурные группы как источник угрозы обществу и морали, описав их деятельность как выражение социального протеста и «наклеив» на нее ярлык девиантности. Напуганная этим общественность начала обвинять правительство и полицию в бездействии. Для успокоения публики полиция совершила серию задержаний среди рокеров и модов, а также указала на связь других преступлений с членами этих групп, что дало повод прессе заявить об усугублении проблемы и вовлечении в нее все большего количества людей. На новые волны паники полиция ответила карательными мерами, а суды — показательными процессами и неоправданно жесткими приговорами, которые подпитывали интерес публики к проблеме.

Многие ранее законопослушные рокеры и моды, получив ярлык опасных преступников, были ограничены в легальной деятельности, что подвигло их на противоправные действия. Кроме того, к этим группам присоединилась молодежь, привлеченная рекламой, которую сделала модам и рокерам национальная пресса. Протестно настроенную молодежь заинтересовала контркультурная идеология (также во многом искусственно сконструированная прессой). Этот всплеск интереса привел к увеличению численности рокеров и модов, а также преступлений с их стороны, что послужило подтверждением верности алармистских прогнозов и вызвало новую волну паники.

3. Управление кризисом

Моральная паника по поводу рокеров и модов исчезла так же внезапно, как и появилась. Через некоторое время СМИ переключили внимание публики на новую панику, поводом для которой стали уличные ограбления. Социологический

анализ этой паники был предпринят сотрудниками Бирмингемского центра современных культурных исследований — С. Холлом, Ч. Критчером и др. В 1978 г. ими была опубликована работа «Управление кризисом. Грабежи, государство, закон и порядок», которая стала очередным этапом развития теории моральных паник.

Исследовательские стратегии центра сформировались под сильным влиянием марксизма, что оказало заметное влияние на характер рассмотрения моральных паник. Позиция сотрудников центра в целом близка к идеям А. Грамши, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, сместивших пафос критического анализа марксистской теории с экономических проблем на вопросы, связанные с культурой буржуазного общества — массовым искусством, идеологией потребления, манипулированием общественным мнением с помощью СМИ.

Основные вопросы, поставленные исследователями, были такими: «Как конструировалась идеология “закона и порядка”? Какие социальные силы была призвана сдерживать и подавлять эта идеология? Каким силам было это выгодно? Какую роль сыграло в этом процессе государство? Какие страхи и опасения были мобилизованы при этом?»¹⁰⁹

В центре внимания социологов находилась кампания в прессе, посвященная грабежам на улицах, совершенным молодежью и связанным с чрезмерным насилием. Явлению было дано наименование «маггинг» (*mugging*), до того употреблявшееся исключительно в США. Само явление рассматривалось как следствие распространения американских ценностей и образа жизни. Увеличение количества грабежей связывалось с ростом криминальной активности и падением нравов в среде бедной рабочей молодежи, особенно среди чернокожих, которые, судя по сообщениям прессы, выступали в основном в роли грабителей.

На самом деле в уличных грабежах не было ничего принципиально нового, а реальная статистика не демонстрировала реального ухудшения криминальной ситуации в стране. Тем не менее, пресса выстроила свою кампанию так, как

¹⁰⁹ Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order. L.: Palgrave Macmillan. 1978. P. VIII.

будто Англия столкнулась с новым и опасным явлением. При подаче информации о грабежах, совершенных молодежью, пресса сыграла на расистских стереотипах общественности и ее недовольстве усилением иммиграции. Поддержав эти опасения и описав ситуацию в скандальных тонах, пресса способствовала тому, что в общественном сознании сформировались ассоциации, прочно связавшие чернокожую рабочую молодежь и грабежи, совершенные с особой жестокостью.

Исследователей центра интересовали причины конструирования прессой маггинга как социальной проблемы. В результате анализа моральной паники они заключили, что пресса была лишь вторичным источником информирования о явлении. Основным источником были властные элиты, получившие основные выгоды от последовавшей паники.

Согласно выводам Холла и др., изначально любая моральная паника искусственно конструируется властными группами в своих целях. Провоцируя панику по поводу тривиальных вещей, элиты стараются отвлечь внимание публики от тех серьезных проблем, интерес к которым поставил бы под угрозу бесконтрольную деятельность самих элит. Моральная паника, таким образом, рассматривается как результат сознательного манипулирования общественным мнением.

С. Холл и его коллеги обратили внимание на то, что моральные паники возникают в периоды серьезных экономических кризисов и роста безработицы. В таких условиях скандалы позволяют отвлечь наименее привилегированные группы (молодежь, рабочих) от антиправительственных протестов, направив их негодование в иное русло. Вместо того, чтобы сплотиться против реальных врагов (представителей бизнеса и власти, паразитирующих на них и эксплуатирующих их труд), эти группы возмущаются действиями алкоголиков, наркоманов, грабителей и т. д.

Алкоголизм, наркомания и прочие девиации процветают на социальном дне — то есть там, где кризис, безработица и экономическое неравенство блокируют возможности молодежи добиться жизненного успеха. Моральные паники позволяют перенаправить возмущение с реальных виновников экономических проблем на представителей собственного класса. Иными словами, они заставляют обездоленных бороться друг с другом, а не с реальными причинами своей обездоленности —

социальной несправедливостью, бедностью, эксплуатацией, расизмом, некомпетентностью правительства.

Поскольку результатом моральных паник обычно являются усиление репрессий и ужесточение наказаний, власть получает дополнительные возможности для репрессии и контроля. Публичное негодование позволяет элитам легитимировать репрессии и усиливать карательные меры против молодежи, рабочих и чернокожих, подавляя тем самым все возможные протесты с их стороны. Именно в этом и заключается «управление кризисом». Идеология «закона и порядка» — это идеология тотального контроля над обездоленными ради сохранения элитой механизмов несправедливого распределения общественных благ.

Важным следствием моральной паники также является временная консолидация общества перед лицом общей угрозы. Образ врага (педофила, террориста и т. д.), который вызывает однозначное неприятие у большей части общества, позволяет на какое-то время достичь состояния солидарности в обществе, расколотом по причине серьезных идеологических, религиозных, культурных разногласий. Если для солидарности не существует позитивных оснований (например, экономических успехов и культурных достижений) и соответствующих условий (прежде всего развитого гражданского общества), элита вынуждена постоянно выдумывать врагов, чтобы хотя бы на этой общей платформе объединить народ и власть. Кроме того, в нужные моменты (например, в период выборов или в ситуации падения рейтингов) конструирование образа врага в серии масштабных скандалов позволяет мобилизовать общественность для политической поддержки действий элиты.

Таким образом, власть получает наиболее ощутимые выгоды от массовой истерии и потому она является основной ее движущей силой. Все прочие агенты социального контроля (точнее, его средства) — СМИ, полиция, суды, пенитенциарная система выполняют миссию, цели которой заложены на высших этажах власти.

Если Коэн рассматривал СМИ как самостоятельную и относительно независимую силу, то для Холла и др. это всего лишь инструмент, посредством которого власть осуществляет социальный контроль и манипулирование массами.

СМИ — средство символического воспроизводства институционального порядка и доминирующей идеологии.

Деятельность СМИ может рассматриваться в нескольких аспектах. Прежде всего они выступают в качестве вторичного, т. е. зависимого источника информирования, транслируя в массы определения социальных явлений, данные властью. Далее СМИ очерчивают основные параметры угрозы, нагнетая обеспокоенность публики. Эта обеспокоенность оформляется в виде «общественного мнения» (которое на деле является все тем же мнением власти, только уже навязанным публике). СМИ, действуя теперь «от имени народа» начинают требовать от власти немедленной реакции. В ответ власть объявляет об усилении опасности, что позволяет запустить следующий виток паники.

В ходе нарастания массовой паники полиция и суды получают новые возможности для карательных мер и репрессий, из-за чего степень властного контроля над обществом постоянно возрастает. Например, еще несколько десятилетий назад тщательный контроль в аэропортах, запрет на провоз ряда товаров в самолетах, проверка металлоискателями и выборочный обыск на вокзалах, контрольно-пропускной режим в учебных учреждениях и т. д. показались бы покушением на личную свободу. Однако после паник, связанных с терроризмом, такие ограничения стали восприниматься как вполне адекватные почти во всех странах мира. Если оценивать эту ситуацию с позиции Холла сотоварищи, все подобные ужесточения являются не только показателем кризиса современного общества, но и свидетельством последовательного нарастания государственного авторитаризма, расширения возможности элит «надзирать и наказывать» (тем более что количество терактов в итоге не снижается).

4. Конструирование девиации

В 1994 г. вышла книга социологов Э. Гуда и Н. Бен-Иегуды «Моральные паники. Социальное конструирование девиантности», которая стала очередным этапом в развитии теории моральных паник. В этой работе причины, последствия и этапы развития моральной паники были представлены в наиболее систематизированном виде.

Во всякой моральной панике, по мнению Гуда и Бен-Иегуды, присутствуют пять основных элементов: озабоченность, враждебность, консенсус, непропорциональность и неустойчивость.

Озабоченность — это повышение внимания публики к девиантному поведению той или иной социальной группы, а также к его возможным последствиям. О росте озабоченности обычно свидетельствуют опросы общественного мнения и увеличение количества материалов, посвященных этой теме в СМИ. Озабоченность может смениться *враждебностью* к девиантам, которые объявляются силой, противодействующей законопослушному большинству. Их поведение рассматривается как угроза ценностям и интересам общества, а сами девианты начинают трактоваться стереотипно, как «чужие» и «воплощения зла». Далее достигается *консенсус* по поводу того, что угроза, исходящая от девиантов, реальна и серьезна. В ходе разворачивания паники фабрикуется статистика, а опасность девиации преувеличивается. В итоге очевидной становится *непропорциональность* реакции публики на тривиальное по своей сути явление. Применительно к моральным паникам *неустойчивость* обозначает, что, будучи формами коллективного поведения, они возникают и исчезают мгновенно, часто без каких-либо видимых и разумных причин¹¹⁰.

Гуд и Бен-Иегуда пытаются последовательно идентифицировать причины моральных паник (то есть выяснить, кто инициирует их), проанализировать процесс разворачивания моральных паник и их социальные последствия.

Прежде всего они отмечают множественность сил, способных активно влиять на возникновение и развитие моральной паники или использоваться в качестве инструмента ее создания: это социальные движения, религиозные группы, профессиональные ассоциации, полиция, пресса и т. д. Роль каждой из этих сил в ситуации каждой конкретной паники может варьироваться. В зависимости от ведущей роли той или иной силы Гуд и Бен-Иегуда выделяют три модели моральной паники.

¹¹⁰ Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. 2-d ed. L.: Blackwell Publishing. 2009. P. 37-42.

В *массовой модели* моральная паника инициируется «снизу»: она возникает как беспокойство широких масс по поводу реальной или воображаемой опасности. В *элитной модели* паника сознательно провоцируется властными элитами с целью отвлечения внимания общества от нежелания или неспособности властей решить социальные проблемы. В *групповой модели* паника провоцируется заинтересованными группами с целью усиления своего влияния в обществе¹¹¹.

Групповая модель в целом соотносится с положениями С. Коэна, а элитная — с теорией С. Холла. Небольшая часть моральных паник также может быть описана в рамках массовой модели. Гуд и Бен-Иегуда склоняются, как и Коэн, к «среднему» варианту, соглашаясь, что моральные паники выгодны прежде всего заинтересованным группам. Однако в реальности на разных этапах развития моральной паники в процесс могут вмешиваться различные силы. Так, инициатива изначально может исходить «снизу», но на определенном этапе к панике закономерно подключаются группы, желающие использовать ее в своих целях. Массовая модель в этом случае соединяется с групповой. Точно так же паника, инициированная определенной группой, может быть «утилизирована» властью для решения своих собственных проблем или наоборот.

Развивая идеи Коэна, Гуд и Бен-Иегуда рассматривают процесс разворачивания моральных паник в контексте теории коллективного поведения и социальных движений Н. Смелзера. В этом контексте реакция публики на социальные проблемы проходит ряд последовательных стадий, в число которых входят: структурное напряжение, вызванное девиацией; беспокойство; определение проблемы и общее согласие по поводу того, что уровень контроля недостаточен; возникновение инцидента, мобилизующего людей; предложения по поводу усиления контроля и наказания или устранения виновников¹¹².

Однако не только социальные проблемы порождают социальные движения, происходит и обратный процесс, в ходе которого сами движения конструируют проблемы. Основная цель социального движения — заявить о себе, получить доступ к СМИ и повлиять на политику таким образом, чтобы

¹¹¹ Ibid. P. 54.

¹¹² Smelser N.J. Theory of Collective Behaviour. L.: Routledge. 1963.

власть и большая часть общества приняла его точку зрения на социальные вопросы. Для этого им нужно привлечь внимание СМИ, властных элит и широких масс посредством акций протеста, демонстраций, скандальных информационных поводов. По этой причине движения особо заинтересованы в преувеличении и искажении фактов: чем опаснее будет казаться угроза, тем более привлекателен образ борца с ней. Позиционирование членов движения в качестве борцов с угрозой позволяет привлекать в движение новых сторонников и получать больше пожертвований. Постоянная борьба способствует развитию движения: если проблема исчезнет, пропадет внимание СМИ, поток финансов и неофитов. С этой точки зрения решение проблемы является наименее выгодным исходом для социальных движений: для них будет рациональнее поддерживать существующую проблему в актуальном виде, а если она все же решена, то пытаться сконструировать новую.

Следствием паники обычно становится институционализация явления, например принятие новых законов, или нормативная трансформация, т. е. изменение границ моральной допустимости того или иного явления. При любом исходе моральные паники необходимо рассматривать как важный фактор социальных изменений: «Паники не просто приходят и уходят бесследно. Даже те из них, которые, казалось бы, завершаются без видимых последствий, часто оставляют неформальные следы, которые готовят нас к последующим паникам. Внимательное исследование воздействия паник заставляет нас взглянуть на вещи в более широкой перспективе, посмотреть на паники как на социальный процесс, а не как на изолированные, фрагментарные, преходящие случаи. Моральные паники — важнейший элемент ткани социальных изменений. Они — не маргинальные, экзотические, тривиальные явления, а ключ, способный раскрыть некоторые чрезвычайно интригующие тайны общественной жизни»¹¹³.

За несколько десятилетий, прошедших со времени появления первых работ о моральных паниках, теоретические представления о них обогатились новыми данными и идеями. При этом ведущая тенденция развития теории связана с постепенной заменой одномерных представлений о моральной панике

¹¹³ Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance*. 2-d ed. L.: Blackwell Publishing, 2009. P. 250.

многомерными. Если первые исследователи проблемы фокусировались на отдельных ее аспектах (природе девиации или гегемонии), то современные авторы используют комплексные модели, позволяющие описывать паники различных типов и отвечать на вопросы, связанные с их природой.

Кто стоит за участвовавшими моральными паниками последнего времени? Что они призваны продемонстрировать обществу или, наоборот, скрыть от него? К чему они приводят в итоге — к решению проблем или к их усугублению? Ответы на эти и подобные им вопросы важны для понимания современного общества.

Участвовавшие скандалы, структурирующие информационное пространство современной России, представляют большое количество эмпирических данных для поиска ответов на эти вопросы. Тем не менее, исследований по этой проблеме чрезвычайно мало. Имеются отдельные статьи, посвященные паникам, связанным с наркоманией¹¹⁴ и с молодежными сообществами¹¹⁵, но нет трудов, которые претендовали бы на теоретические обобщения или демонстрировали бы особенности российской специфики протекания моральных паник. Для лучшего понимания процессов социальных изменений и качественного скачка в теории моральной паники важно обратить самое пристальное внимание на эту проблему, ее причины, следствия и роль в обществе.

В зависимости от особенностей конкретной паники ключом к ее пониманию могут стать и мысли по поводу конструирования и усиления девиации, и представления о борьбе элит за сохранение и усиление власти, и идеи о коллективном поведении и деятельности социальных движений. Путем же к наиболее глубокому пониманию явления представляется такое сочетание всех этих теорий, которое смогло бы наилучшим образом объяснить ситуацию и одновременно дать новый импульс развитию изучения скандала в контексте теории моральных паник.

¹¹⁴ Мейлахс П.А. Опасности моральной паники по поводу наркотиков // *Credo new*. 2003. N 1. С. 216 — 233.

¹¹⁵ Громов Д.В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // *Историческая психология и социология истории*. 2012. Т. 5. № 1. С. 164 — 178.

РАЗДЕЛ III

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СКАНДАЛА**

СКАНДАЛ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ*1. Общие замечания*

У каждого человека есть склонность оценивать любую группу или отдельных ее представителей по наиболее полезным и вредоносным качествам. Если влияние такой группы довольно велико, то это всегда вызывает тревогу у других групп. Признавая этот постулат, многие исследователи предлагают ради смягчения ситуации быть толерантным, вести диалог, т. е. умиротворять, искать компромиссы, предотвращать столкновение путем мудрых и уступчивых переговоров. Возможно, успех на этом поприще и достигается, однако преодолеть базовые различия между культурами больших групп не удалось еще никому. Забота представителей доминирующей культуры о сохранении *status quo* и, соответственно, обида и вызов со стороны слабой культуры сохраняются всегда, при всем том, что существует базовый принцип — культуры не только все уникальны, но равноправны и заслуживают всяческой поддержки. Этой теоретической модели противостоит реальная ситуация разлома культур и их столкновения.

Прийти к окончательному соглашению относительно наименее спорных, следовательно, безопасных принципов диалога культур, к сожалению, не удастся. Многие исследователи вообще не желают видеть неустранимого трагизма социального бытия, т. е. конфликта ценностей, включая самые возвышенные и желанные. По-видимому, страх отверженности одних культур со стороны других многократно обостряет чувство даже предполагаемого, призрачного унижения. Простая оценка соприкосновений двух наиболее заметных религиозных культур — исламской и христианской — требует особой деликатности. Но даже при этом условии лишь отдельные немногочисленные аналитики, прежде всего С. Хантингтон, пытаются высказать свою точку зрения на эту проблему.

Для любого социального исследователя здесь имеется масса материала. Для иллюстрации можно привести событие, связанное с так называемым карикатурным скандалом. Суть его в следующем. В сентябре 2005 г. одна из датских газет напечатала несколько карикатур на пророка Мухаммеда — толстяка в чалме в виде бомбы с тлеющим фитилем. Возможно, художник и редактор не знали, что согласно догме ислама запрещено изображать Аллаха и пророка Мухаммеда. Разразился скандал, итогом которого стали напряженность и конфликт международного масштаба.

В разгар скандала премьер Дании объявил возмущенным послам мусульманских стран, что в Дании господствует европейская культура, а значит, и свобода слова. Этот ответ вызвал возмущение мусульман, особенно явное в тех странах, где они составляют большинство населения. Призывы к насилию не только по отношению к датчанам, но и всем европейцам стали обычной практикой. В ответ некоторые европейские издания перепечатали упомянутые выше карикатуры в знак не столько поддержки своих датских коллег, сколько в знак протеста против исламизации Европы.

У конфликтолога не может не сложиться впечатление, что скандал оказался полезным для самих мусульман, чтобы на время объединиться и легализовать некоторые радикальные позиции в исламе. Со своей стороны, многие европейцы, ранее не склонные к жестким оценкам, начали призывать к деисламизации континента.

В создавшихся тогда условиях некоторые эксперты считали, что у европейцев по итогам карикатурного скандала есть два основных пути дальнейшего поведения. Радикальный вариант заключается в принятии вызова со стороны мусульманского мира и объявлении войны в защиту светских и христианских культурных ценностей Запада. Но на практике она была бы отказом от повсеместно декларируемой в Европе мультикультурности, толерантности и политкорректности. При возврате к традиционным европейским культурным корням отношения с мусульманами неизбежно ужесточились бы. Другой путь — уступки исламу в виде компромиссов, связанных с ограничением свободы слова с учетом требований мусульманских проповедников. Но на

практике это означало бы принятие чуждой большинству европейцев культурной гегемонии.

Население в своем большинстве выбрало третий путь — постараться забыть столь масштабный инцидент, действовать по старым лекалам и ждать новых событий. Это не решило конфликт, а приглушило его на время. Кризисное развитие ситуации, разумеется, не заставит себя ждать.

Конечно, представители разных культур по-разному выражают свое согласие или несогласие с принятыми стандартами поведения в общественных местах, обучения и т. д., но даже в монокультурных социумах люди часто умеют выражать свое несогласие таким образом, чтобы не усугублять конфликт. Здесь группы пользуются различными нормами и стилями обучения.

Заметны и гендерные особенности, поскольку в рамках одной культуры мужчины и женщины противоречиво оценивают тот или иной скандал. Очевидно, что горничная отеля «Софитель» Н. Диалло, обвинившая Д. Стросс-Кана в изнасиловании, пыталась апеллировать к женской половине населения страны: «Мы бедные, но мы хорошие... Я не думаю о деньгах». Сразу же появилась масса потерпевших, утверждающих, что несколько лет назад они тоже подвергались сексуальным домогательствам. Во время предварительных слушаний дела большое количество горничных и уборщиц нью-йоркских отелей вышли на демонстрацию в поддержку Диалло. Телевизионные картинки разъяренной толпы, показанные по российскому телевидению, были довольно впечатляющими и привели зрителей к осознанию того, что эти женщины, возможно, тоже подвергались насилию лет 20 назад.

В российской прессе при всей сдержанности комментариев читателя привлекла заметка Ю. Калининой «Горячие кролики атакуют», где многим мужчинам-политикам были даны самые нелицеприятные характеристики: «Скандалную известность приобретают только те “горячие кролики”, которые занимают самые высокие посты. А про тех, кто ниже, мы и знать не знаем. Но если бы удалось всех выявить и сосчитать, результат наверняка оказался бы ошеломляющим. Выяснилось бы, что важнейшими для людей вещами зачастую рулят неполноценные личности, не умеющие и не

желающие контролировать разумом свои инстинкты. ...Тот, у кого хотелка главнее разума, — не человек. Он существо. Кролик. Или, скорее, все-таки козел?»¹.

Мужская реакция на происходящее, естественно, зависела не только от половой принадлежности и профессии (прокурор против, адвокаты в поддержку), но и от культурных традиций. Во Франции, например, к скандалу отнеслись более снисходительно: глава журнала «Marrigane» Жан-Франсуа Кан, комментируя по телевидению судебное разбирательство, заявил: «Да что тут такого, задрал при слуге юбку».

Культура, таким образом, наделяет определенные модели коммуникации большей степенью влиятельности. Где-то не принято вмешиваться в частную жизнь известных людей, где-то она выставляется на всеобщее обозрение. Во многих обществах любые слухи, толки, пересуды, собственно скандалы осуждаются, в других — принимаются как необходимость.

Научная литература на эту тему довольно многогранна. Из современных работ особо привлекают внимание исследования культурологов, которые, пользуясь различной методологией, анализируют разные формы скандала как одну из основных категорий культуры.

Показателен в этом отношении уже упомянутый нами ранее сборник «Семиотика скандала», в котором представлены материалы международной конференции, проведенной в Центре славянских исследований (Сорбонна, Париж) — третий по счету из серии «Механизмы культуры».

Эта книга, безусловно, стала научным событием и до сих пор вызывает многочисленные вопросы и споры. Она, базирясь на описании скандалов в литературе и литературной среде, содержит много оригинальных идей, объединенных общим замыслом выявления и описания скрытых, глубинных механизмов культуры, которые спонтанно сопровождают человеческое существование. Скандал здесь рассматривается как некая пауза в культурном процессе, обусловленная попыткой своеобразным взрывом разрушить устоявшиеся семиотические формы.

¹ Московский комсомолец. 2011. 20 мая.

При всей противоречивости и спорности смыслов, изложенных в статьях сборника, читателя привлекает ряд достаточно аргументированных положений. Так, Н. Брукс («Скандал как механизм культуры»), приводя современное определение феномена скандала в качестве умышленного нарушения принятой системы значений, сопровождающегося заданной неприличностью поведения или текста, приходит к выводу, что скандал всегда семиотически организован и представляет собой некий осколок системы, который врезается в другой. При этом автор схематично выделяет три обязательных структурных условия: претензия на спонтанность, трансгрессия нормы и публичность ее осуществления². Интересны и некоторые закономерности этой своеобразной культурной матрицы: разрушительность, очернение репутации, наказуемость, утрата позиций и т. д.

У В. Руднева («Метафизика скандала») этот ряд таков: 1) скандал может относиться лишь к постмифологическому осмыслению действительности с линейным развертыванием времени и возможности эксцесса; 2) как следствие этого скандал возможен лишь при наличии тестирования реальности — внутри сообщества безумных людей скандал невозможен; 3) скандал нарушает привычное энтропийное течение событий и подразумевает резкое повышение информации в социальной системе; 4) вследствие этого скандал может играть чрезвычайно важную роль в сюжете, будь то сюжет художественного произведения или сюжет в широком (например, журналистском) смысле³.

В. Топоров («Литературная «Аль-Каида») наиболее радикален, считая скандал способом слабых заявить о себе. Философия скандала, по его мнению, сильнее всего похожа на террористическую. Литературные же скандалы — это прежде всего личная или групповая самореклама. Для него литературная критика, если она честна, — поле перманентного скандала и перманентного террора. Ирония автора в оценке объекта нападок чувствуется в довольно уверенных и откровенных фразах: «Самая разумная тактика (да и стратегия) терроризируемых заключается в полном игнориро-

² Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 9.

³ Там же. С. 9.

вании нападок, в страусовой политике, в напускной слепоглухоте: мне, мол, все как божья роса... Один-единственный раз сорвавшись — пробормотав что-нибудь раздраженно-невнятное про Слона и Моську, сочинив полемический ответ или, не дай Бог, эпиграмму, пригрозив судебным преследованием или безмолвно опустив в почтовый ящик обидчику свернутую петлей веревку (как поступили со мной после публикации о «государственном писателе» Данииле Гранине), обижаемые разоблачают себя в качестве обиженных, литературный террор срабатывает и, начиная с этого момента, удваивается и утраивается. Пока какой-нибудь Залупович кроет на чем свет стоит Солженицына, это частное дело Залуповича, — но стоит Солженицыну огрызнуться, как проснувшийся наутро знаменитым Залупович, потирая руки, пишет «Необходимый ответ Солженицыну», — и эту лабуду всему литературному сообществу приходится учитывать»⁴.

После ознакомления с содержанием статей сборника⁵ признаемся в своей наивности и идеализации как прошлой, так и современной литературы. Кроме того, сборник, с точки зрения его составителей, сообщает нам, представителям общественных наук, ту степень драматургичности, о которой мы и не подозревали. Во всяком случае, нам с помощью текстов сборника удалось четко различить скандал в качестве приема построения художественного текста от скандала как межличностного общения писателей и критиков, а также увидеть особенности скандала в сфере художественной культуры.

Что касается социальных причин литературных скандалов, то здесь каких-либо различий в сборнике не наблюдается. Здесь и конфликт поколений, и тщетность морально-этических ограничений христианства, и кризис идеологии марксизма, и общая деградация культуры. Впрочем, для России всегда было характерно и повсеместное пьянство с его неистребимым атрибутом — хулиганством. В первой половине прошлого века воздействие деревенской культуры

⁴ Там же. С. 537.

⁵ *Дмитриев А.В., Лепилкина О.И.* Некоторые замечания в связи со сборником «Семиотика скандала» // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 237-241.

(позиция образа хулигана) означало протест дореформенных крестьянских поколений. (С. Есенин).

*«Посмотрим —
Кто кого возьмет! И вот в стихах моих
Забил
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла».*

Ныне, как и ранее, любой скандал, оставаясь вне системы, все же способен ее постоянно расшатывать. В литературе это по-прежнему заметно, хотя место скандального авангарда уже довольно твердо заняли средства массовой информации.

В истории культуры и литературы, помимо уже упомянутых выше типов скандального действия как построения художественного текста и межличностного общения, существует и третий скандал как стратегия творческого поведения (книгоиздательская, выставочная, театральная, действия авангардистов и др.)⁶. Оставив в стороне этот третий вариант, обратим последующее внимание на скандал первого типа (скандал как техника построения художественного текста) и второго (скандал как форма литературного общения). Наш выбор в этом случае оказался на стороне творчества прозаика М. Зощенко и поэта Е. Евтушенко — наиболее ярких и статусных представителей российской культуры, широко использующих скандал в тексте (первый вариант) и в общении (второй).

2. Скандал как построение текста

Прежде всего заметим, что существуют, как правило, некие особенности эстетических воззрений на конфликтные ситуации при общении. В случае, когда конкретная ситуация затрагивает нас, мы используем слова, действия и делаем это чаще всего автоматически. Когда же ситуация обостря-

⁶ Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 11.

ется, мы, обдумывая значение и возможные последствия, пытаемся затем ее разрешить, разумеется, в свою пользу. Этот процесс зачастую сопровождается недоумением, любопытством, невежеством, но чаще всего серьезностью.

Выбор последней в таких случаях у большинства людей довольно ясен: именно *серьезность* восприятия представляется нам, отягощенным унаследованным знанием и приобретенным позднее опытом, по-настоящему важной. Признаемся, что подобная установка на принятие очевидности, однако, все же серьезно ограничивает действия людей и порождает некоторую инерцию восприятия.

Есть два варианта эмоционального выхода из проблемной ситуации, и один из них — не воспринимать ее всерьез, то есть отдалиться от нее. Другой — воспринимать слишком близко. В таких случаях трагичное может завершиться плачем, комическое — смехом. Плач и смех, таким образом, — своеобразные ответные реакции в случаях, когда люди растеряны, не знают, что делать и что говорить.

У М. Зощенко юмор и сопровождающий его смех достаточно парадоксальны, они являются своеобразной попыткой автора осознать себя в окружающей жизни. Как следствие, спектр смыслов скандальной ситуации в его произведениях включает в себя крайности как трагичности, так и комизма.

Особо характерен в этом смысле рассказ 1927 г. «Драка», который можно использовать в качестве примера при работе со студентами в курсе конфликтологии.

Место конфликта. Железнодорожный вокзал под Ленинградом. Платформа.

Общая характеристика публичного пространства. Дачное местечко «ужасно какое тихое. Прямо все дни — ни пьянства, ни особого грохота, ни скандала... Звонит от полной тишины...».

Особенности публичного пространства. Тишина стоит не полный месяц. Исключаются суббота, воскресенье, понедельник. «Ну, вторник, еще. Ну, конечно, праздники. Опять же дни получек... В эти дни, действительно, нехорошо выйти на улицу. В ушах звенит от криков и разных возможностей».

Участники конфликта. «Два гражданина нападают друг на друга. Один замахивается бутылкой. А другой обо-

роняется балалайкой. И тоже, несмотря на оборону, норовит ударить своего противника острым углом музыкального инструмента».

Примиритель. Третий гражданин. «Ихний приятель. Наиболее трезвый. Разнимает их. Прямо между ними встречается и запрещает драться».

Неудача примирения. Примиритель принимает на себя все удары. «И, значит, балалаечкой, и бутылкой».

Критическая точка. Примиритель: «Закачался и вообще, видимо, ослаб от частых ударов по разным нужным органам своего тела».

Попытка внешнего наблюдателя. «...я решил позвать милиционера, чтобы прекратить истребление этого благородного организма. И вдруг вижу: тут же, у вокзала, на переезде стоит милиционер... Я закричал и замахал руками...».

Пассивный наблюдатель. Отговаривает от вмешательства местных властей:

«— Этот не пойдет. Он здешний житель. Напрасно зовете... Свяжется, а после на него же жители косо будут глядеть: дескать, разыгрывает начальство. А то еще наклепают, когда протрезвятся. Были случаи. Это не в Ленинграде. Тут каждый житель на учете».

Позиция местных властей. Невмешательство. «Милиционер стоял на своем посту и скучными глазами глядел в нашу сторону. И жевал семечки. Потом вздохнул и отвернулся».

Конфликт на исходе. «Драка понемногу ослабевала».

Итог конфликта. Катарсис. «Вскоре трое дерущихся, в обнимку, пошли с вокзала».

Выпадение скандала из ритма театральной жизни с ее издавна установленными правилами — излюбленный сюжет рассказов М. Зощенко. Здесь краткий их перечень, видимо, необходим: «Сила таланта», «Аристократка», «Сильное средство», «Театр для себя», «Монтер», «Прелести культуры», «Мелкий случай» и несколько других.

Рассмотрение этих рассказов с позиции «ритуал — скандал» можно начать с изучения текста рассказа «Мелкий случай», содержащего описание досады посетителя спектакля Василия Ивановича. Вначале ритуал, как его понимал ге-

рой, соблюдался. При подготовке посещения он серьезно готовился («помылся, побрился, галстук привязал»). Пришел в радостном настроении минут за двадцать («С билетом. Тепло, уютно, интеллигентно»). Неожиданность — в фойе объявление — двадцать копеек за раздевание. Денег не хватает: «Придется в пальто и галошах переть и на шапке сидеть», то есть Василий Иванович сразу же озадачен сложившимся порядком и пытается его нарушить. Гардеробщик («человек циничный») в долгу не остается: «— Ты, — говорит, — что ж это, собачья кровь, шесть копеек в руку кладешь? Я, — говорит, — за это могу тебе галошей по морде ударить».

Далее ссора, в которой принимают участие другие гардеробщики («вешальщики»), перерастает в скандальное обсуждение происшедшего. («Дискуссия у них поднялась — дескать, можно ли шесть копеек в руку совать»).

Потенциальный зритель складывает вещи и бросается к входным дверям зала. Не пускают.

Апогей скандала: «Бросился до своего вешальщика. — Ах ты, — говорит, — распродажная твоя личность! Смотрите, какую харю наел, ухаживая за нэпом». Появляется «модератор» — старенький, наиболее добродушный гардеробщик: «вешай ко мне задаром...». Исход — *проигрыш* одной из сторон: «— Чего мне теперь вешать, раз второе действие идет..., все равно теперь ни хрена не пойму...». С трудом продал за гривенник билет одному беспризорному. «Плюнул в сторону своего вешальщика и вышел на улицу».

При оценке различных значений слова «скандал» все исследователи сходятся на том, что все они указывают на ситуации, когда движение внезапно прерывается как в физическом смысле, так и в моральном, то есть налицо «неправильность», неожиданная остановка обычного («правильного») движения⁷. В данном случае скандален не сам театральный порядок, а содержащееся в нем неожиданное препятствие.

М. Евзлин, рассматривая мифологические образы и экстраполируя их на современное понимание термина «скандал», размышляет: следует подчеркнуть момент *внезапности* — неожиданное, как ловушка. «...Позор и срам никог-

⁷ Евзлин М. Обман и скандал в мифе о Прометее. // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 69-70.

да нельзя предвидеть, а глупость вообще не имеет никаких правил и пределов»⁸.

Возвращаемся к тексту... Василий Иванович, натолкнувшись на препятствие, пытается его обойти или перепрыгнуть: («надел пальто, положил галоши в шапку и бросился к дверям» — не пускают; вторая попытка — «завернул одежду в узел» — тот же результат).

Скандал в театре блокировал плавное течение ритуала в довольно ограниченном публичном пространстве — в данном случае в театральной раздевалке.

Примерно тот же сюжет в рассказе М. Зощенко «Прелести культуры», где действие происходит уже при большом стечении публики — в зрительном зале. Вначале автор кратко вкладывает в голову героя некоторые идеи относительно выгоды нэпа по отношению к военному коммунизму: «...в театре можно было свободно даже не раздеваться — сиди в чем пришел. Это было достижение». Приглашенный своим другом и его подругой персонаж перед входом в театр обнаруживает, что его пальто надето прямо на ночную, к тому же несвежую, рубашку. Троице обманом все же удалось пройти в зал. Холод. «Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит... После приводим себя в порядок и садимся на места. Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался. Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию... «Дамам, — говорят, — противно на ночные рубашки глядеть. Это, — говорят, — их шокирует. Кроме того, — говорят, — он все время вертится, как сукин сын».

Нарушение театрального ритуала тут же ритуальными же средствами и осуждается. Эти средства обычны: публичное разоблачение, осмеяние и наказание. В случае завершения описываемого скандала в зрительном зале — жалоба в администрацию театра, обидные слова в адрес провинившегося и трехрублевый штраф. «Вот гадость-то. Прямо не угадаешь, откуда неприятности...».

В общем, поведение этого, как и многих других персонажей М. Зощенко, постоянно представляется скандально упрощенным.

⁸ Там же. С.70.

Общепринято считать, что любая скандальная ситуация имеет социальную подоплеку. Кроме того, эта социальность должна проявляться в негативном свете, поскольку нормальные ее характеристики обыденны и мало кого интересуют.

Если изначальная скандальная ситуация, как уже говорилось, может иметь скорее социальную, нежели вербальную, энтелехию (целевое начало), то по ходу развития событий скандал приобретает подчеркнуто речевую, дискурсивную транскрипцию. Рассматривая скандал в контексте социально-речевого взаимодействия, следует отметить, что он является внутренне разносторонним информационным явлением, последовательно актуализирующимся на различных уровнях и в различных коммуникативных жанрах, что усиливает конфликтотенный потенциал по ходу его развития⁹.

Герой наиболее известного рассказа Зощенко «Аристократка» (1923 г.) — мелкий управленец, героиня — «фря» в шляпке, «чулочки фильдекосовые», «зуб золотой». Описывая историю знакомства, автор краток и лишь намеками сообщает о разнице их социального положения. Через некоторое время герои встречаются в публичном пространстве (снова театр!), где и происходит коммуникативный взрыв. Зачатки взаимопонимания исчезают, ситуация резко ухудшается.

Стартом к скандалу послужило твердое намерение героини в антракте полакомиться пирожными: ... «подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет». Дама съела три пирожных и тянется за четвертым.

«Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!».

После этой кульминации события разворачиваются лавинообразно, вовлекая в свою орбиту все большее число действующих лиц. Как правило, в первой половине зощенковской новеллы представлены один, два, иногда три персонажа. И только тогда, когда развитие сюжета проходит высшую точку, когда возникает потребность и необходимость типизировать описываемое явление, сатирически его

⁹ Готлиб Р.А. Социально-коммуникативные компетенции управления дискурсивным пространством политического скандала в межкультурной среде // Скандал как форма коммуникации. М., Изд-во СГУ. 2012. С. 154.

заострить, появляется более или менее выписанная группа людей, порою толпа (аудитория, социальное пространство).

Чем ближе к финалу, тем большее число лиц выводит автор на сцену. Сперва возникает фигура буфетчика, который на все уверения героя, жарко доказывающего, что съедено только три штуки, поскольку четвертое пирожное находится еще на блюде, «держится индифферентно».

«Нету, — отвечает, — хотя оно и в блюде находится, но надкус на нем сделан и пальцем смято».

Тут же появились эксперты, одни из которых говорят, что «надкус сделан, другие — нету». Из экспертов выделился лишь один. «— Давай, — говорит, — я докушаю. И докушал, сволочь». И, наконец, привлеченная скандалом толпа, которая смеется при виде незадачливого театрала, судорожно выворачивающего на ее глазах карманы со всевозможным бараклом»¹⁰.

Мнения основных участников скандала по поводу произошедшего, естественно, разошлись: «Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами». Ответ: «Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение». М. Зоценко, таким образом, не только провоцирует скандал речевым приемом: («ложи, — говорю, — взад!»), но и им же завершает. Этот дискурсивный прием, «срывающий оковы» с реальности, можно назвать хамством (у М. Бахтина — «неуместным словом»). Иными словами, установка на скандал, понятная с первых же слов рассказчика, ведет к словесному же скандалу, скандалом же и разрешается. Стороны, недовольные друг другом, расходятся. «Не нравятся мне аристократки...».

Отношение М. Зоценко к скандалам, кочующим от рассказа к рассказу, можно определить (снова по Бахтину) как «проникновенное» и в то же время сочувственное к его участникам. В качестве примера можно взять те же ранние рассказы — «Не надо иметь родственников», «Баня», «Тормоз Вестингауза», «Мещанский уклон».

Вкратце представим развитие скандала в рассказе «*Мещанский уклон*». События в нем разыгрываются довольно

¹⁰ Комментарий Л. Ершова // Зоценко М.М. Избранное в двух томах. Т. 1. Л.: Художественная литература. 1982. С. 7.

бурно. Главная движущая пружина — социальная обида и унижение, которые испытывает Василий Растопыркин, «чистый пролетарий, беспартийный черт знает с какого года». Маляр. Стягивали его с трамвая по просьбе мещански настроенных пассажиров. После работы, уставший, со стремянкой и ведром с оставшейся краской, он сел в трамвай и перепачкал соседей по вагону. Проводник («нэпманша из кондукторов») остановила трамвай и «хамским голосом» просила сойти. Растопыркин отказывается: «Трамвай для публики, или публика для трамвая — это же, — говорит, — понимать надо». И все же пролетария «сымают, как сукина сына, с трамвайной площадки, мордой задевают об полустойку и выживают». Прямое поражение героя скандала.

Сюжетный скандал у М. Зощенко, как это обычно принято, часто сопровождается провокацией и последующим подстрекательством. Объектом провокатор выбирает слабое существо, а целью — защиту своего пространства от проникновения других. В этом отношении показателен рассказ «Бешенство», где мелкий чиновник (член правления) ударяет пробегавшую мимо собаку палкой. Дворник тоже не растерялся: «вооружился камушком и тяпнул ее по башке». Собака, естественно, реагирует — «накидывается».

Скандал заканчивается с выгодой для участников: прибежавший постовой расстреливает («уконтропупивает») собаку. Член правления из роли провокатора наконец выходит и пытается стать реальным руководителем процесса. «Член правления из окон своей квартиры командует, куда проходим бежать».

Единственный пострадавший — хозяин собаки укоряет участников: «Да что вы, — говорит, — черти, нормальных собак кончаете?..» и, пытаясь получить выгоду от скандального происшествия, говорит: «Трех нормальных собак у меня в короткое время прикончили. Это же, — говорит, — немисливо! Нет ли, — говорит, — в таком случае свободной квартирки в вашем доме?».

Здесь «повествующий голос» М. Зощенко вряд ли можно считать ироническим. Скорее — ерничество по отношению к участникам скандала и с элементами сочувствия лишь к жертве скандала — «застрелили собачку».

Сцена рассказа «Тормоз Вестингауза» разворачивается в более тесном социальном пространстве (вагон поезда) по тому же сценарию, где провокатор (некто в «синем картузе») убеждает одного из подвыпивших пассажиров дернуть за стоп-кран. Последний, совершив действие и, естественно, испугавшись, потребовал задержать провокатора («пушай вместе сядем. Он меня подначил»). Поскольку поезд почему-то не остановился, была произнесена заключительная фраза: «... я ж и говорю: ни хрена мне не будет. Выкусили!» Катарсис. Автор рассказа описывает его таким образом: «И сел. А на остановке вышел на площадку, освежился малость и домой прибыл трезвый, что стеклышко».

Краткий экскурс по некоторым ранним произведениям М. Зощенко явно свидетельствует о скандально-упрощенном поведении его персонажей, что отчасти и послужило причиной критических статей в адрес автора. В письме к М. Слонимскому (сентябрь 1929 г.) сам М. Зощенко сетует: «Чертовски ругают... Невозможно объясниться. Я сейчас только соображаю, за что меня (последний год) ругают — за мещанство! Тему путают с автором. Не могу же я к каждому рассказу прилагать учебник словесности¹¹. Ранее он объяснял: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей»¹².

Как бы то ни было, санитарный смысл зощенковских скандалов ясен. В этом отношении конфликтолог, чаще всего утомленный рутинным разбором жестких и в то же время скучных и повторяющихся в своей основе скандальных ситуаций, жаждет нетривиальных подходов, а иногда и развлечений. Тут же их и получает.

Что касается общего заключения, то, по-видимому, прав Руднев, заявляя: «Скандал является неотъемлемой частью сюжетного мышления и практически всегда присутствует при кульминации или развязке художественного произведения»¹³.

¹¹ Зощенко М.М. Уважаемые граждане. Серия «Из архива прошлого». М.: Книжная палата. 1991. С. 55.

¹² Там же. С. 586.

¹³ Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 32.

3. Скандал как общение

Скандалы в литературной среде давно стали обыденным явлением. Нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как девальвацию скандала, что хорошо прослеживается и подтверждается на примере аналитики скандала в художественно-эстетическом опыте и литературной среде, предпринятого в уже неоднократно упомянутом коллективном труде о семиотике скандала. В нем авторы настойчиво подчеркивают настораживающую обыденность скандала. Так, отмечается: «история постсоветской литературы предстает цепочкой скандалов, сплетен и анекдотов». Одновременно подчеркивается и снижение внутреннего драматизма и творческого накала, в силу чего «сегодняшний скандал зачастую — это конъюнктурный жест, откровенно вписанный в рыночный контекст».

Обратимся к методу интервью. Этим методом постоянно пользуются социологи, конфликтологи, психологи и представители других научных специальностей для анализа ряда социальных проблем. В журналистике же чаще всего преобладают не столько аналитические, сколько информационные мотивы. Обычная ситуация выглядит таким образом: журналист задает вопросы, т. е. проясняет те или иные события, случившиеся с интервьюированной персоной, последняя отвечает на эти вопросы, попутно предлагая свою оценку ситуации.

Именно поэтому фигурант скандала, состоявшегося когда-то в прошлом или продолжающегося поныне, чаще всего предпочитает именно такой вариант общения. Таким образом, один (интервьюер) покупает товар (информацию), другой (интервьюированный) — продает.

Продавец в таком случае получает заметную выгоду — возможность напрямую и без особого риска урезания текста общаться с аудиториями. И чем шире последняя, тем охотнее дается интервью.

Исследователь лингво-культурных особенностей скандалов М.Ю. Кочкин считает, что сам жанр интервью имеет довольно большую значимость не только в период медийных противостояний, когда участник тех или иных скандалов дает информацию «от первого лица», в максимально неис-

каженном виде, но и потому, что часто используется для взаимных обвинений. Последние, произнесенные от первого лица, обладают большой исторической силой убеждения.¹⁴

Журналистское интервью в отличие от социологического содержит несколько приемов, позволяющих участникам скандала напрямую обратиться к публике без особого риска искажения информации со стороны СМИ. К тому же внушительное воздействие прямой речи манит этих участников обличать своих обидчиков, опережая их в своих обвинениях.

Другой вариант, о котором упоминает тот же М. Кочкин, состоит в использовании жанра интервью в качестве оправдания или, чаще всего, при «попытках примирения или видимости такового. Этот вариант применяется при необходимости как-то смягчить накал страстей, выглядеть невиновным человеком. Под примирительные речи сторона “продолжает агрессию”, прибегая к “коммуникативной” мимикрии»¹⁵.

Поэт Евгений Евтушенко при праздновании своего 80-летия дал интервью «Российской газете» (корр. Игорь Вирбанов), в котором ответил на вопросы не столько творческого содержания, сколько касающиеся межличностных отношений в той среде, где он привык общаться. В результате появился текст, который можно охарактеризовать как «скандал в скандале».

Корреспондент: «Дозвонился я ему, каюсь, не в самое урочное время: по-тамошнему в три часа ночи. Но Евтушенко махнул рукой... и как из мелких стеклышек склеился вдруг разговор — о роли поэтических ссор и свар в историческом процессе»¹⁶.

Всего корреспондент задал поэту 13 вопросов, и все они без исключения были, на наш взгляд, провокационно-скандальными. На все эти вопросы были получены ответы, где упомянутые выше приемы (нападения, оправдание, примирение и др.) сочетались самым удивительным образом. Для иллюстрации выше приведенного вывода рискнем расположить текст интервью в табличном виде.

¹⁴ Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен. Дисс. на соискание уч. степени кандидата филол. наук. Волгоград. 2003. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Вирбанов И. Ночной разговор с Евтушенко. Российская газета. 2013.18 июля.

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: — Евгений Александрович, вот только что, в мае, отметили 80-летие вашего вечного поэтического друга — друга Андрея Вознесенского. Три года назад на его похоронах вы прочли свои стихи, в которых вспомнили общую дружную юность и горько подытожили: «Не стало поэта, и сразу не стало так многого, и это теперь не заменит никто и ничто»... А что вас все-таки рассорило когда-то? Не жаль стальных лет и сил, потраченных на взаимные упреки, на вечный спор, кто первый, кто второй?</p>	<p>Евгений Евтушенко: — Да я же много говорил об этом, много об Андрее написал. Мы в конце концов поняли, приняли друг друга и пожали руки.</p>	<p>Демонстрация окончательного примирения.</p>
<p>Игорь Вирбанов: Я не из праздного любопытства — как раз в дни между вашими 80-летиями я наткнулся на парочку жутко злобных публикаций. В одной неистовый патрист Павлов обвиняет всех скопом шестидесятников в нынешних бедах и зовет буквально «спасти нашу Родину» и «кончатъ со всякими “окупациями” и “окупантами”», — пофамильно перечисляя вас, Вознесенского, Окуджаву, Ахмадулину, Аксенова. Буквально по-хрущевски: убирайтесь вон, тоже мне Пастернаки нашлись Но... с другой-то стороны, читаю, как некий-таки еврей-эмигрант Фельдман выступает с гневным призывом не звать таких авторов «генеральными русскими поэтами» и предавать их анафеме. Ну и куда вам, бедным крестьянам, податься — никому шестидесятники-идеалисты не угодили? А вы, между тем, и сами между собой никак не могли разобратъся... Отчего так?</p>	<p>Евгений Евтушенко: — Отчего, — я думаю, вам придется уже без нашей помощи решать, разгадывая те проблемы, которые возникли между нами и внутри нашего поколения. Вам будет легче разобратъся, все это безумно интересно и досадно. Я заканчиваю роман, в котором хотел бы ответить на многие вопросы. Понимаете, очень много важного надо успеть сказать, все, что я должен... Никого почти не осталось из моего поколения. И ведь как все уходило — это страшно... Вот уже недавние смерти — Золотухин, Герман, они же были прекрасные люди... В романе, названном еще не окончательно, «Город желтого дьявола», как всегда, я пытаюсь сказать все сразу. Там и про то, как мы с дочкой соседа сбегали на фронт после первого класса, добрались до Ясной Поляны, очутившись даже ненадолго у немцев в плену. Там и про первую поездку в Америку в шестьдесят первом...</p>	<p>Отказ от ответа. Реклама нового романа. Примирительный тон.</p>

Продолжение

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: <i>Иногда кажется, что шестидесятники и сами подогревали, этот интерес к своим «скандалам», радостно давали поводы для пересудов — стихами и прозой цепляли друг друга, где выступал один — демонстративно не появлялся другой...</i></p>	<p>Евгений Евтушенко: <i>«Подогревали» больше все-таки третьи лица — всегда находились такие. Такие хорошие отношения, какие были у нас, всегда кого-то раздражают, всегда кому-то хотелось нас сорвать. Естественно, и чиновникам писателям, государственным это часто было на руку, и околотературным кругам... Вот этого всего очень жаль.</i></p>	<p>Перевод обвинений в скандалность отношением между шестидесятниками на третьих лиц: представителей государства, публичных организаций, околотературных кругов. Примирение и сожаление.</p>
<p>Игорь Вирбанов: <i>Помните, в 90-х годах вас собирал журнал «Огонек»? Вы были на обложке вчетвером — с Рождественским, Вознесенским, Окуджавой, опять вместе. Что это было — только красивый жест?</i></p>	<p>Евгений Евтушенко: <i>Конечно, помню. Поверьте мне, это было не то что вот положили руки перед камерой. Все мы знали цену друг другу — в хорошем смысле слова... Главное, что я понимаю сейчас, насколько все эти выяснения, письма, взаимоподорожения, готовности верить всяким испорченным телефонам, — лишь укорачивали жизни... Глупо — как глупо и пытаться изменить прошлое: когда, например, из собрания сочинений Беллы Ахмадулиной выбрасываются все посвящения мне. Но этого же не Белла сделала, она была выше этого. Я уважаю Бориса Мессерера, но... Мы все равно остались связаны с ней как поэты, как друзья.</i></p>	<p>Сожаления. Контратака. Защища.</p>

Продолжение

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: Писатель Юрий Нагибин, за которого Ахмадулина вышла замуж, расставшись с вами, в своем дневнике тоже не жаловал вас, да и не только вас...</p>	<p>Евгений Евтушенко: Ну он много чего написал о Белле. И меня он называет то ли проходным, то ли приспособленцем, а через несколько страниц — он же искренности и талантливый поэт, как Евтушенко, может дружить с Поженином, который травит байки о своих фронтовых подвигах. А я же видел, какими глазами он сам смотрел, слушаая того же Поженина. Какими глазами он смотрел на Беллу... У него в дневнике же каждый второй — нехороший человек, он и сам ведь выглядит не в лучшем свете. Понимаете, вот то, что происходит: за чем было всем лгать самим на себя, на свое поколение?</p>	<p>Защита. Кон-траста. Обвинение в лицемерии. Придание гласности факта нарушения. Осуждение.</p>
<p>Игорь Вирбанов: Нагибин не одинок — Василий Аксенов тоже пытался понять, когда же ваша «дружба пошла наперекосяк». В его романе «Таинственная страсть» после бурного лета в Коктебеле 1968 года вы все и разбежались своими дорожками. А ведь сколько, судя по роману, было вместе выжито, как бурно вместе любили!</p>	<p>Евгений Евтушенко: Знаете, вот что меня раздосадовало больше всего — так это Аксенов с «Таинственной страстью». За чем он это написал — он и себя сам оклеветал. В романе такая жизнь столичной богемы — да не было это так, как у него, это бред. У нас была настоящая любовь, мы и любить умели искренне. И потом, если это и была наша жизнь, если мы столько времени беспорядно жили, — то откуда же взялось столько написанного шестидесятниками? Когда у них осталась время — столько сделать и написать? Или, это какие-то другие люди писали за них? Все это от какой-то самонедооценки. Хотя сам материал — шестидесятиничество — редкий, понимаете, редкий.</p>	<p>Придание гласности факта нарушения. Защита. Осуждение. Атака.</p>

Продолжение

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: А что нужно объяснить? Что важно не упустить, пытаясь понять шестидесятников как явление?</p> <p>Игорь Вирбанов: Ну, предательская речь и Слуцкому укоротила жизнь — он мучился этим страшно, не скрывая, до последних дней.</p>	<p>Тот же Аксенов приближался к осмыслению этого времени в книге «Лендлизовское», а потом... Может, болезнь уже помешала ему завершить работу, не знаю. Но он и себя самого там принизил, а самоприниженность — вот это неправильно. Главное, это ничего не объясняет...</p> <p>Евгений Евтушенко: Я до сих пор размышляю — вот сижу тут в Америке и размышляю над этим — что могло заставить, скажем, Леонида Мартынова, Бориса Слуцкого передать Пастернака в той истории с Нобелевской премией, выступить против него в октябре 1958 года. Они были для нас старшим поколением, учителями. Как они могли? Не могу понять. Мне вообще странно, что Быков в своей книге о Пастернаке не уделил должного внимания этой истории с «Доктором Живаго» — на ней ведь многое высветилось, она как минимум укоротила жизнь Пастернаку..</p> <p>Евгений Евтушенко: Вот об этом я и говорю. Кто-то же должен сказать об этой опасности, предупредить... То же самое с учениками Пастернака, студентами Литинститута Панкратовым и Харбаровым — они пришли к нему за разрешением оклдевать, передать поэта. Он-то их всех простил, он вообще был человеком любви. Но они же подписали себе приговор, перечеркнув все пути в литературе, исчезли.</p>	<p>Перевод вопроса в иную плоскость. Обвинения. Осуждение. Рассмотрение персон в негативном контексте.</p> <p>Обвинения. Осуждение. Элементы агрессии. Рассмотрение персон в негативном контексте.</p>

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: <i>Кстати, в «Таинственной страсти» Аксенов отсылает нас к сти «Алмазный мой венец». А там ведь тоже — поэты другой эпохи, двадцатых годов, так же рьяно перечеркивают друг друга. Маяковский и Есенин — любя, цена и ненавидя друг друга, режут по живому...</i></p>	<p>Евгений Евтушенко: <i>В двадцатых годах практически все то же, что и потом. Это очень сложно понять — почему все это повторяется? Не знаю, даже если не найдется ответа, его надо искать: почему? Вот я вам скажу, Пастернак же очень много их предупредил — он любил и Маяковского, и Есенина. У Пастернака был дар такой чудодейственной любви к людям — и он предсказал трагические последствия их ссор и для Есенина, и для Маяковского (он называл его нежно всегда Володей). Так и случилось. И потом — помните, когда-то Пастернака страшно гнобили — якобы он оскорбил поэта, когда сказал, что Маяковского надо сажать, как картошку, и этим убили. Но он же говорил правду, и говорил, как раз защищая Маяковского от тех, кто старательно прятал под бронзой живую поэзию, живого поэта. Пастернак как раз понимал то, чего не понял Карабчиевский, написавший «Воскресение Маяковского», — тот сам писал стихи, но все-таки осмелелся поднять руку на поэта, сделав из него большого, ничтожного неврастеника.</i></p>	<p>Попытки осмысления возможности повторения писательских ссор. Обвинения одних и защита других. Элементы агрессии. Расмотрение персони в негативном контексте.</p>
<p>Игорь Вирбанов: <i>Тот же Карабчиевский, кстати, как раз в вас, поэтах-шестидесятниках, увидел пародию на этого «жалкого» Маяковского. То есть «жалкие» вы у него уже вдвойне.</i></p>	<p>Евгений Евтушенко: <i>Карабчиевский был еще в общем молодой человек. Может, и вспоминать бы его не стоило — но ведь он тоже не смог потом пережить угрызений совести и покончил с собой, понимаете? Он забыл о такой маленькой вещи: взаимобезжалостность страшно разрушительна.</i></p>	<p>Обвинения. Моральное осуждение.</p>

Продолжение

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: Но Карабчиевский-то не первый. Поэт Ходасевич написал злой фельетон о Маяковском на десятый день после смерти поэта. Традиция все-таки давняя — любить и травить друг друга, по мелочи и по-крупному. А Блок и Белый, а Гумилев с Волошинным — стреляться ж были готовы. А почитать, послушать, в каких выражениях гнобят друг друга сегодня — скажем, Проханов и Ерофеев, Иртеньев и Прилепин? Жутковато.</p> <p>Хотя кто-то же умел — пусть поздно, вато — поднять себя выше дрызг. Лесков, всю жизнь воевавший с шестидесятниками XIX столетия, к концу жизни оценил вдруг Велинского с Добролюбовым за высокое подвижничество. Тургенев, запустивший слух о педофилии Достоевского, все искал повода для примирения. Бунин, размазывавший и Есенина, и Маяковского, все же соглашался, что из литературы их не вычеркнешь... Или вот — радостно цитируют Ахматову, назвавшую молодых шестидесятников небрежно — «эстрадники». Адиссиденты Копелев и Орлова вспомнили в своем дневнике и совсем</p>	<p>Евгений Евушенко: В том и вопрос, пусть даже запоздалый, — почему интеллигенция так безжалостна к самой себе, в чем причины? Почему мы не ценили, не берегли друг друга, слишком много сил тратили на выяснения отношений?</p>	<p>Уход от большей части востросов. Моральное осуждение интеллигенции. Элементы раскаивания.</p>

Продолжение

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>другие ее слова: «Я раньше все осуждала “эстрадников” — Евтушенко, Вознесенского. Но оказывается, это не так уж плохо, когда тысячи людей приходят, чтобы послушать стихи»... Поэты, может, и спохватывались, а молва уже понеслась, и если сами они друг друга не изведут — молва и пересуды добивают...</p> <p>Игорь Вирбанов: А что у вас вышло с Бродским? Откуда это общеизвестное — если вы «против колхозов», то он — «за»? Ведь не секрет, что вы действительно писали в его защиту руководству страны, помогли его возвращению из ссылки, одними из первых встречали его в Москве с Аксеновым вместе — но все окружение старательно повторяло его злые слова о вас, об Аксенове, о Вознесенском, да, кажется, обо всех...</p>	<p>Евгений Евтушенко: Это вообще очень странная история — все-таки были те, кому Бродский очень помогал. Но никому из тех, кто когда-либо помог ему, он не сказал спасибо. Я не говорю о себе, но он знал про журналистку Фриду Видорову, потерявшую работу, здоровье, когда из ее стенограммы суда над Бродским весь мир узнал имя поэта. Но ни слова никогда не сказал о ней. Думаю, он вообще страшно боялся чувствовать себя вынужденно благодарным кому бы то ни было. Но ведь в конечном счете и тем, как он отмежевался от шестидесятников, он и себе укоротил жизнь, потому что понимал, что нет в этом правды. А окружение, которому правда и не была нужна, восторженно подхватывало любую его язвительную реплику — такое хоровое исполнение сольной партии. А я еще помню, дадено это было, эпизод такой — я читал стихи, знаете, какие... «Идут белые снеги». И у него на глазах появились слезы: «Ты не понимаешь, как талантлив»...</p>	<p>Реакция скандалов. Привязывание (неявное) другой стороны к негативному контексту. Элементы агрессии. Самореклама.</p>

Вопросы	Ответы	Комментарии
<p>Игорь Вирбанов: Поэт Кушнер сетовал, что шестидесятиникам предьявляли иск за «недостаток радикальности и бескомпромиссности», за то, что «могли публиковать свои вещи». Но так ведь не только с шестидесятиниками — ради чего каждое поколение нарочь старается по сей день уничтожить предыдущее, из которого вышло? Время-то все равно составляет все по полочкам...</p>	<p>Ведь это было, было. А потом — перечернул своей рецензией аксеновский «Ожог», протестовал против принятия меня в члены Американской академии искусств. После его смерти мне показали письмо Бродского в Куинс колледж — чтобы меня не брали преподавателем поэзии, потому что я своими стихами «оскорбил американский национальный флаг». Это о строчках из стихотворения 1968 года на смерть Роберта Кеннеди: «И звёзды, словно пуль прострелы вранье, Америка, на знамени твоём». Тогда я прочел стихи ему и Евгению Рейну. Иосиф предложил пойти вместе в американское посольство, оставили запись в книге соболезнований. Стихотворение потом напечатала «Нью-Йорк таймс»... Зачем это было ему нужно, не понимаю. Загадка.</p>	
	<p>Евгений Бутушченко: Думаю, вам самим надо искать ответы. Причем не у нас, а в самих себе. Главное, не тратить дарование художника на то, что и вам самим сокращает жизнь... А мне сейчас важно — завершить свой роман. И антологю русской поэзии в пяти томах наконец выпустить. Два тома по 1000 страниц уже готовы, сейчас третий, — а это, знаете, скольких преодолеть сил. Кроме того, надо успеть написать роман о Кубе... Вот рядом со мной сейчас хранит мой сын. Подумайте, это же не просто слова — мы в ответе не только за тех, кого приручаем, но и за детей, за будущее.</p>	<p>Возвращение вопроса. Осознание краткости жизни. Призыв к परिшрению. Герой интервью.</p>

4. Предварительные итоги

Скандалы в литературной среде проявляются в различных аспектах. Некоторые критики находят скандалы в индивидуальном поведении многих литераторов. Не оказались исключением и упомянутые выше работы на эту тему: «Скандал присутствовал в литературе, — пишет Нора Брукс — начиная с мифологии и фольклора». Если в XIX веке романтизм создал моду на высокие скандальные проявления, а в начале XX века в авангарде появилась тотальная установка на скандал, то в наши дни ориентация на скандал стала общей чертой культуры»¹⁷.

Авторы настоящей работы оставляют в стороне все перипетии многочисленных скандалов в области отечественной литературы. Наша задача довольно проста: лишь выбрать несколько типологических случаев, заметно, на наш взгляд, высвечивающих определенные механизмы появления скандалов. Поэтому мы и сочли возможным рассмотреть случай публикации в многотиражной «Российской газете» интервью с Евтушенко¹⁸.

Интервью, с нашей точки зрения, оказалось типологичным, поскольку в довольно краткой форме содержало обзор и оценки советских и российских скандалов, случившихся за несколько последних десятилетий. Разумеется, необходимо принять во внимание тот факт, что текст интервью — не классическая литературоведческая работа, а в общем-то журналистское расследование отношений в литературной среде.

Еще ранее А.М. Горбачев (Ставрополь) посчитал, что в журналистском дискурсе скандал вообще становится «смысловой доминантой», обладающей «поражающей силой»¹⁹. Это положение оказалось справедливым по отношению как к отдельному журналистскому произведению, так и к «сверхтексту», образованному из дискурсных составляющих различных жанров. Лишь прочитав публицистиче-

¹⁷ Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 13.

¹⁸ Ночной разговор с Евтушенко. Российская газета. 2013. 18 июля. С.9.

¹⁹ Горбачев А.М. Нарратив скандала с «News of the World» (2011) в общероссийской прессе // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 215-231.

ские тексты о событии в хронологическом порядке, можно выделить сюжетные схемы, в соответствии с которыми это событие развивается. В придании довольно длительному событию (в данном случае цепь непростых отношений между литераторами) сюжетной формы определяющую роль играет читательское восприятие. Воссозданный сюжет, таким образом, носит согласительный («конвенционный») характер. Из интервью, с текстом которого мы ознакомились, видно, что части сюжетной структуры постоянно перестраиваются.

А.М. Горбачев высказал и другую мысль, с которой мы можем согласиться. Поскольку сам термин «скандал» указывает на нарушение моральных норм, то такие нарушения неизбежно имеют последствия. Протосюжет скандала известен: нарушение норм (запретов) — придание гласности нарушений — осуждение (наказание). Этот протосюжет может быть дополнен следующим образом: нарушение запрета — обнаружение (придание гласности факту нарушения) — выяснение обстоятельств нарушения и требование наказания — осуждение — победа героя.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА

1. Причины

Как бы ни были интеллектуально непривлекательны скандалы, кажется, они давно стали необходимым элементом политической жизни и общество постепенно осознает этот факт. Поэтому будут к месту предваряющие замечания как о бессмертности этого феномена в человеческих отношениях, так и о бесполезности попыток его искоренения.

Начнем с того, что сам термин «политический скандал» употребляется в разных (хотя и близких по смыслу) значениях. Прежде всего он означает шумный конфликт, ссору, дебош, которые зритель совсем недавно имел возможность ежедневно наблюдать в поведении депутатов российского парламента. Сейчас, впрочем, приученные к достатку, они ведут себя поспокойнее.

Кроме того, любой инцидент, опозоривший его участников и получивший огласку, также характеризуется именно этим словом. Сведения о таких скандалах обычно тиражируют средства массовой информации вопреки желаниям их участников, чаще всего пытающихся их замять.

Современная политология и конфликтология связывают скандал с ситуацией, при которой публике чаще всего неожиданно становится известно, что политик тайно (реже открыто), преследуя исключительно личные цели, действовал с явным нарушением законов, игнорируя публичное доверие и политические нормы. Роль подобных скандалов, особенно в развитых странах, велика. Они способны дискредитировать правительство, президента, а также потрясти правящую элиту. Вспомним, какие последствия для политической системы США имело в 1972 г. Уотергейтское дело. Солидные издания, публикуя скандальные материалы, смогли отправить в отставку многих влиятельных политиков. Можно в этой связи напомнить и о деле главы Международного валютного фонда Доминике Стросс-Кане, повергшем в шок мировую общественность. В России деятельность бывшего министра обороны А. Сер-

дюкова и главы «Оборонсервиса» Е. Васильевой, а ранее пьяные выходки первого российского президента Б.Н. Ельцина серьезно ухудшили отношение граждан к правящему классу страны.

Издавна существует точка зрения, что сама политика привлекает личностей дисгармоничных, сложных по характеру, которые занимаются ею, руководствуясь не благородными целями служения населению, а лишь для того, чтобы решать соответственные психические проблемы. В результате поведение таких людей не всегда соответствует общепринятым нормам, а отражает особенности их психологии, что нередко приводит к разного рода скандалам. Среди таких психологически неустойчивых людей наиболее часто встречаются личности истероидного типа, главной особенностью которых является стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание (жажда признания). Скандал как таковой и представляет им такую желанную возможность — быть в центре внимания. Шумя, бранясь, прелюбодействуя, а иногда и втягиваясь в драку, такие личности не преследуют иных целей, кроме желания, чтобы о них говорили, на них смотрели, ими восхищались. Их, как правило, не интересуют последствия такого поведения, которые чаще всего оказываются плачевными. Личности возбудимого типа не могут сдерживать эмоции, не в силах обуздать темперамент, из за чего и происходят скандалы.

Однако не следует думать, что скандалы возникают исключительно по причине психологической неуравновешенности политиков. Напротив, при детальном анализе большинства скандалов становится ясно, что его инициаторы сознательно преследовали некоторые далеко идущие цели. В таких случаях скандалы, как правило, устраиваются преднамеренно, выступая в качестве одного из средств политической борьбы. Нередко причиной скандала является стремление обратить на себя внимание. Но в отличие от ситуации с истероидными личностями, для которых быть в центре внимания — самоцель, в данном случае внимание привлекается для создания позитивного образа в глазах избирателей и повышения тем самым вероятности признания. Герой скандала не просто попадает в фокус внимания (что для него тоже немаловажно), но намеренно создает опреде-

ленный, желательный для него образ активного, деятельного политика, готового постоять за свои принципы.

Скандал в современных российских условиях — это один из немногих способов показать избирателям, что политик хоть что-то делает. Депутатов, к примеру, на всех уровнях довольно много, и пресса освещает их деятельность в незначительном объеме, т. е. желаемого места для каждого депутата на страницах газет или экране телевизора явно не достаёт. Депутаты же хотят предстать в глазах избирателей не пассивными и безликими, а работающими и динамичными, что повышает их шансы на переизбрание. Они вынуждены как бы доказывать избирателям то, что они активно выполняют свои депутатские обязанности.

Вместе с тем, слишком часто пытаясь при помощи скандалов привлечь внимание и произвести нужное впечатление, политик рискует переборщить и предстать в глазах избирателей в облике обычного бездельника и неуравновешенного человека, который только провоцирует недоразумения. Подобный облик может фатально затруднить переизбрание депутата, особенно если он будет баллотироваться в каком-нибудь периферийном консервативном округе, где вопросу соблюдения социальных норм, как правило, уделяют пристальное внимание.

Функционально очень часто скандалы дискредитируют и снижают популярность оппонента в политической борьбе.

Готовя скандал, можно спланировать свои действия, посчитать возможные реакции окружающих. Так, если среди них есть политические противники, то скандал можно построить так, чтобы показать оппонентов в негативном свете, подчеркивая, например, их грубость, пассивность или некомпетентность. Именно поэтому с целью дискредитации в скандал стараются превратить любые (мнимые и действительные) проступки и ошибки оппонента. На Западе это отточенный метод борьбы.

Политическая борьба в России не является исключением. Стоит вспомнить хотя бы обвинения в адрес В. Жириновского или многочисленные обвинения представителей оппозиции в разнообразных преступлениях. Одним из внутренних психологических механизмов, используемых при такой дискредитации, является апелляция к страху людей: «Смотрите, каков нарушитель норм; он опасен, бойтесь его,

остановите его! Если вы этого не сделаете, все начнут вести себя так же, как он, — воровать, скрывать доходы или изменять супруге». Для того чтобы апелляция к страху сработала, необходимо показать, что нарушены нормы в значимой для людей области, что опасные последствия нарушения норм связаны с данным человеком и что разоблачители (т. е. те, кто обнаружил скандал) знают, как избежать возможной опасности. Успешное использование этого механизма может привести к значительному снижению рейтинга оппонента.

Нередко скандал является последним средством, с помощью которого стремятся оказать давление на позицию политиков, побудить их к изменению точки зрения. Инициатор скандала (как правило, невольный) своим поведением как бы говорит остальным участникам: «Вопрос настолько значим, что я готов нарушить общепринятые нормы, лишь бы отстоять свою точку зрения».

О конкретном скандале трудно с полной определенностью сказать, для чего он устроен или раздут. Иногда он вообще кажется бессмысленным. Но, как правило, с его помощью пытаются достигнуть нескольких целей сразу. Скандалы часто используются политиками (и порой довольно успешно) для удовлетворения личных амбиций и стремлений. Но не следует забывать о влиянии, которое они оказывают на облик политического института в целом. Депутат-скандалист даже если и достигает некоторых своих частных целей, формирует негативный образ самого представительного органа, разумеется, не без помощи средств массовой информации. В процессе наблюдения за скандалами и выходками депутатов у населения обычно формируется следующая точка зрения: как можно доверять и уважать законы, принимаемые, к примеру, Думой, если ее депутаты ведут себя, как хулиганы и клоуны? Часто вину за формирование такой установки возлагают на средства массовой информации, их повышенный интерес к сенсациям и так называемой чернухе. Подобные обвинения все же неправомерны, поскольку одной из основных особенностей средств массовой информации в России и на Западе является именно склонность обращать внимание не на рутинную, повседневную, пусть даже и очень значимую работу, а на нечто выдающееся, исключительное

(скандалы, катастрофы и т. п.). Если таковые отсутствуют, то начинается поиск неких заметных мелочей (голосование за своих коллег путем нажатия кнопок, сон депутатов во время заседания и т. д.).

На уровне общества скандалы, особенно когда их слишком много, не только дисфункциональны. В какой-то мере они служат повышению морального уровня, демонстрируя, какие действия неприемлемы и вызывают осуждение. Таким образом, скандалы в определенной степени воспитывают политиков и все население, осуждая неприемлемые методы и утверждая уважение к определенным социально-политическим нормам. Но если скандалы следуют один за другим и в них замешаны основные политические фигуры, их воздействие на общественную нравственность будет обратным — то, что является причиной скандала, например финансовые нарушения, коррупция, начинает восприниматься как обычное социальное явление. В результате у населения складывается устойчивое представление не о пагубности коррупции, а о неразрывной связи коррупции и власти. Поэтому важно отметить сложность, неоднозначность взаимоотношения политических скандалов и общественно-мнения.

В любом крупном скандале задействованы непосредственные виновники (политические деятели) и источники информации (журналисты СМИ). Источник дает старт давлению на объект, что становится достоянием общественности. Восприятие скандала зависит от внутреннего состояния этой общественности (страх, разочарование, напряжение). Скандал и время его протекания зависят от соотношения сил и эмоционального состояния всех составляющих. И на динамику скандала поэтому во многом оказывает воздействие не важность обсуждаемых проблем, а межличностные отношения.

При взаимодействии источника, объекта и восприятия совпадающая по степени интенсивности эмоциональная напряженность может суммироваться и предопределять масштаб и глубину скандала. Некоторые исследователи обращают внимание на другие особенности протекания скандалов, связывая их с политической ориентацией участников. Выяснилось, что консерваторы чаще используют снижение

значимости проблемы и бездоказательную оценку позиции оппонентов, радикалы же стремятся использовать аргументы по существу и задабривают слушателей.

Было выделено три этапа дискуссии, различающихся приемами и способами речевого воздействия. На первом этапе доминирует содержательная документация. На втором значительно снижается число высказываний по существу проблемы и возрастает число высказываний, затрагивающих личность оппонента. На третьем этапе возрастает доля прямых обращений к аудитории и число нападок на позицию оппонента. С учетом этих особенностей именно на втором или третьем этапе вероятность скандала, несущего печать озлобления, зависти и бескультурья, особенно велика²⁰.

2. Последствия

Значительное количество политических скандалов является бесспорным свидетельством обострения политической борьбы. В условиях напряженности противоборствующие стороны стремятся использовать любую реальную или мнимую склонность в лагере врага для раздувания ее в скандал и извлечения из него политических дивидендов. Такая ситуация, естественно, приводит к росту психологической напряженности, утрате чувства безопасности и стабильности у населения, создает почву для жестких, насильственных действий. Вспомним, какая волна скандалов, связанных с противостоянием исполнительной и законодательной властей, прокатилась по России в течение 1993 года, и чем она завершилась. Каждый масштабный скандал служит своеобразным сигналом опасности и в конечном итоге является отражением настроений малокультурной части политической элиты.

Можно обратить внимание на то, как скандалы или публично сообщенные факты коррупции влияют на карьеру

²⁰ Более подробно см.: Дмитриев А.В., Латынов В.В. Политический скандал: причины и следствия // Мысль. 1995. № 9; Дмитриев А.В. Скандал: исследовательские задачи // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 4-27.

политика. Вместе с тем систематические исследования данной проблемы на материале развитых стран Запада дали противоречивые результаты. Многие из них показали, что политики могут продолжать пользоваться поддержкой избирателей даже после обнародования фактов коррупции. Итальянский премьер С. Берлускони, например, постоянно попадал в подобные ситуации. Дело в том, что часто ведущим основанием при принятии решения избирателя о поддержке кандидата является близость позиций кандидата и избирателя по наиболее значимым для избирателей вопросам. Скандалы же, связанные с именем того или иного политика, в расчет принимаются далеко не всегда. Прежде всего некоторые избиратели просто не слышали о скандалах, другие же считают, что эти порочащие слухи и публикации в адрес политика специально организуются его соперниками с целью дискредитации данного политика. Кроме того, голосуя за политика, замешанного в скандале, избиратели надеются приобрести некоторые реальные выгоды (например, выборы С. Мавроди в Госдуму в 1995 г. и участие М. Прохорова в президентской кампании 2012 г.).

Анализ влияния обвинений в коррупции на результаты различных выборов показал, что негативные последствия такого рода обвинений минимальны. Большинство уличенных в коррупции кандидатов были переизбраны, хотя, возможно, и потеряли несколько процентов голосов от ожидаемого уровня. (Потеря такого количества голосов была не очень существенна для кандидатов, поскольку ранее они выигрывали выборы с большим запасом.) Проступки, связанные с нарушением моральных норм, вызывали более выраженное снижение поддержки депутата, чем нарушения в финансовой области. Даже в странах Запада за те или иные прегрешения, ставшие достоянием гласности, наказания либо не было вообще, либо оно было легким и незначительным.

Вместе с тем есть определенно установленные факты негативного воздействия скандалов на исход выборов. Выборы в Государственную Думу осенью 2011 г. сопровождались невиданными до тех пор скандальными эпизодами, связанными с фальсификацией при подсчете голосов, отданных за правящую партию. Не только полная информация о скандале (статья, передача, блог и т. п.) влияет на изменение отно-

шения избирателей к его участникам, но даже намекающий заголовок способен вызвать негативную реакцию.

Указанная разноречивость данных о характере влияния скандалов на судьбу политиков, по-видимому, связана с опосредующим действием различных факторов. Среди них пост, который занимает или на который претендует политик (то, что не прощают президенту, могут простить кандидату в Законодательное собрание); экономическая ситуация (в условиях экономического спада и недовольства политической правительства факты коррупции вызывают негодование избирателей); партийные предпочтения (к представителям своей партии избиратели проявляют больше снисхождения) и т. д. Важной является и степень доверия к источнику, который распространяет информацию о скандале; чем больше доверия, тем более эффективно воздействие сообщения о скандале. Далеко не последнюю роль играет форма подачи сообщения; например, в случае, когда используют заголовок статьи для сообщения о скандале, наибольшее воздействие оказывает инкриминирующий вопрос: «Замешан ли X в коррупции?» Существенно слабее влияние инкриминирующего отрицания: «X не замешан в коррупции». Существуют также межкультурные различия в оценке допустимости коррупции в среде политической элиты; в некоторых странах считается само собой разумеющимся, что политик, придя к власти, любыми способами стремится извлечь из этого прибыль.

В России мы имеем яркие примеры негативного влияния скандала на судьбу политиков регионального уровня²¹. В отношении же общероссийского уровня картина несколько иная. Часто мы видим, что даже самые громкие и широко афишируемые обвинения и скандалы, которые, казалось бы, должны окончательно перекрыть дорогу к власти, стать причиной политической смерти человека, на деле не могут приостановить его движения к политическому росту. Более того, все происходит согласно обратной логике: политики благопристойного плана, с относительно незапятнанной репутацией часто оказываются в аутсайдерах и проигрывают своим скандально известным соперникам.

²¹ Башлыкова Н. Скандалы и митинги протеста уменьшают влияние губернаторов. Известия. 2013. 8 октября.

3. Скандальность дискуссии²²

Искусство полемики и способность в ней выигрывать принадлежит к основным человеческим качествам. Ее участники, как правило, обращаются к конкретным проблемам и к поведенческим обстоятельствам, их сопровождающим. То есть спорящие, будь то серьезная дискуссия или краткая полемика, участвуют не только в интерпретации, но и в конструировании самой реальности.

По своему предназначению спор в конечном итоге создает интегрированный взгляд, совмещающий мир абстракций и концепций, мир субъективного опыта и мир объективного наблюдения. Любая дискуссия помогает расширить методы соединения подобных отдельных миров и показать связь между ними. Скандал же проверяет позиции сторон (участников спора) на тривиальность или глубину. Он может перерасти в социальную ситуацию, побуждающую постоянного наблюдателя (зрителя или читателя) к ее динамическому восприятию.

В данном случае к исследованию феномена скандала привлечена методическая процедура кейс-стади, где конкретная ситуация выступает как некий детектор общего положения в политической сфере жизни общества.

Ситуация. В ходе президентской кампании 2012 года по каналу «Россия 1» была показана передача «Поединок», где А.Б. Пугачева, представляющая претендента на пост президента РФ М.Д. Прохорова, и лидер ЛДПР В.В. Жириновский в ходе дебатов устроили скандал, который чуть было не привел к потасовке. Пугачева назвала своего противника «позором страны», «клоуном» и «психом». Жириновский в долгу не остался, определив ее как «певичка», допустил и ряд других скандальных высказываний. Ведущий программу В. Соловьев написал в своем твиттере: «Жириновский против Прохорова. К обязательному просмотру. Столкновение Жириновского и Пугачевой станет классикой».

Гендерные различия. У мужчин и женщин обычно разные представления об агрессии. Так, женщины агрессивное по-

²² Дмитриев А.В. Дискуссия как скандал (анализ случая) // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 101-119.

ведение рассматривают как экспрессию — средство выражения гнева и снятия стресса путем освобождения негативной энергии. Мужчины же чаще всего, относясь к агрессии как к инструменту, считают ее моделью поведения для получения различного рода социальных вознаграждений. Разумеется, величина разрыва в отношении агрессии сильно колеблется в зависимости от обстановки и характеристик субъектов агрессии²³. Впрочем, эти различия не всегда удается обнаружить, поскольку проявление вражды и агрессии представляет собой более сложное явление, чем предполагает сам акт их обнаружения.

В передаче «Поединок», по-видимому, можно отметить весьма заметные показатели эмоций гнева и презрения у Пугачевой (см. стенограмму). Однако, как бы то ни было, оба прямых участника, имея негативные установки, не признавали права другого на неприятие своего воздействия.

Активные участники скандала. Пугачева Алла Борисовна. Родилась 15 апреля 1949 года (Москва) — советская и российская эстрадная певица, композитор, эстрадный режиссёр. А.Б. Пугачёва удостоена многочисленных званий, призов и наград. Президент России Б.Н. Ельцин наградил певицу орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Жириновский Владимир Вольфович — активный участник скандала. Родился 25 апреля 1946 года в Алма-Ате. Российский политический деятель, заместитель председателя Государственной Думы (с 2000 по 2011), основатель и председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР), член Парламентской ассамблеи Совета Европы. 5 раз участвовал в выборах Президента России. Жириновский — лидер одной из первых партий, возникших ещё в СССР после отмены монополии КПСС, и, начиная с первых российских президентских выборов (1991), неизменно присутствует в политике на более или менее заметных ролях. Политическая деятельность Жириновского характеризуется крайне яркими и часто вызывающе скандальными популистскими высказываниями. С именем Жириновского связан ряд публичных скандалов и потасовок (особенно

²³ Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер. 1997. С. 222.

в 1990-е гг.), лишь прибавивших ему популярности среди избирателей²⁴.

Причастные к скандалу. Прохоров Михаил Дмитриевич. Родился 3 мая 1965 года, Москва — предприниматель, миллиардер, президент частного инвестиционного фонда, президент Союза биатлонистов России. С 2011 года занимается политической деятельностью. В июне-сентябре 2011 года председатель партии «Правое дело». Участник президентских выборов 4 марта 2012 года, на которых занял 3-е место, получив почти 8% голосов избирателей. 4 июня 2012 года объявил о создании партии «Гражданская платформа»²⁵.

Соловьев Владимир Рудольфович. Родился 20 октября 1963 года, Москва — российский журналист, теле- и радиоведущий, публицист. Кандидат экономических наук. С 1990 года преподавал экономику в университете штата Алабама. В 1992 году вернулся в Россию, занимался бизнесом. С 10 июля 1998 года по июль 2010 года — ведущий утреннего шоу на радиостанции «Серебряный дождь». С сентября 2010 года ведет передачу на радио «Вести-FM». 19 октября 2006 года участвовал в теледебатах в качестве ведущего между Виктором Тарховым и Георгием Лиманским. Во время и после эфира Тархов был оскорблен Соловьевым и подал иск на 10 млн. рублей против журналиста. Через полтора года суд первой инстанции частично удовлетворил иск, постановив взыскать с ответчика 70 тысяч рублей²⁶.

Организаторы. Руководство телевизионного канала «Россия 1» поставило программу «Поединок» в наиболее благоприятное для просмотра время. Кроме того, выбор дискуссионных, известных в широких слоях населения Российской Федерации, явно обеспечивал высокий рейтинг передаче.

Учитывались с этой целью и психологические черты ее участников: повышенная эмоциональность, имитируемая открытость, несдержанность, амбициозность, узнаваемость.

Идеология организаторов. При интерпретации самого факта выборов участников дискуссии важны некото-

²⁴ Википедия. Интернет-доступ. <http://ru.wikipedia.org>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

рые приемы, к которым прибегают организаторы передач. В этой связи заметна предпочтительность изображения конфликтов и, в общем, отклонения от норм. Именно таким образом массмедиа и поддерживают общество в «состоянии бодрости». «Они, — пишет Н. Луман, — порождают в нем постоянную готовность считаться с возможными неожиданностями и даже помехами. Поэтому масс-медиа “соответствуют” ускоренной динамике других функциональных систем: экономике, науке и политике, которые постоянно ставят общество перед новыми проблемами»²⁷.

Основные приемы. Прямые (косвенные автору статьи, разумеется, неизвестны) организаторы передачи обычно исходят из некоторых общих предпосылок. К ним относятся приоритеты редакционной политики вообще и конкретные задачи, в частности. Не менее важные вопросы: какие сюжеты освещают другие СМИ? какие технические возможности существуют? Руководство канала схематично стремится к следующему: 1) сделать программу более близкой зрителям; 2) поднять рейтинг программы по отношению к программам-конкурентам; 3) перенести акценты новостной составляющей на характер политической борьбы (в то время шла избирательная кампания).

Специфика дискуссии. В целом любая дискуссия является формой спора, который может рассматриваться и как поиск истины, и как спор-софистика, где в рамках спора происходит сознательное применение неправильных доводов, так называемых софизмов, то есть всякого рода уловок, замаскированных внешней формальной правильностью. Характерными приемами софистики являются: освещение событий из их связи с другими, применение закономерностей одной группы явлений к явлениям другой группы, одной исторической эпохи — к событиям другой и т. д.²⁸

Судя по тексту передачи 28 марта, форма спора как поиска истины отсутствовала. Софистика же обнаруживалась в нескольких фразах В.В. Жириновского. Например, отбиваясь от замечаний А.Б. Пугачевой: «Я думала, что вы кружевник, политик, хитрый человек, а вы просто клоун

²⁷ Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Канн. 2012. С. 45.

²⁸ Философский словарь. М.: Республика. 2009. С. 621.

и псих», он заявил: «Я таков, какой есть....» Далее идет софистический прием: «Если Сталин прикинулся тихоней, потом залил кровью. Если Хрущев прикинулся тихоней, и мы сеяли везде кукурузу. Если Брежнев был великий, вся страна пьяная и коррупция. Горбачев за демократию, и Советский Союз рухнул. Ельцин полупьяный.... Чем вам тогда нравился Ельцин? Этот придурок полупьяный, чего вы тогда агитировали за него все?»

Психологическая оценка выступлений. При попытке определения особенностей сознания участников передачи любой исследователь столкнулся бы с неопределенностями. Так, было бы важно, во-первых, широко и непредвзято рассмотреть весь спектр переживаемых участниками ментальных (особенно в эмоционально-мотивационной и когнитивной сферах) состояний, во-вторых, попытаться обратиться к ним непосредственно с просьбой осветить те или иные позиции с помощью составленной заранее анкеты с закрытыми и открытыми вопросами (с преобладанием последних). Такие варианты, естественно, зная личностные характеристики участников, заранее можно было исключить.

В полемике Жириновского с Пугачевой сам предмет обсуждения (предвыборная программа кандидата в Президенты РФ) оказался неясным и неопределенным. Поэтому содержание речей полемистов по существу предмета можно считать несерьезным. Что касается речевого поведения, то здесь дело обстоит несколько иначе. Перед началом передачи согласно существующим нормам ведущий (Соловьев) разъясняет правила игры. Затем происходит незамедлительный переход прямых участников от позиции слушающего к роли говорящего. Конечно, если бы телезрителям был представлен другой вид спора, отличный от политического, к примеру научная дискуссия, то, возможно, применялись бы более дипломатические, то есть несколько замаскированные приемы «предоставления спора». В данном же случае происходит, с согласия ведущего, временная монополизация скандала. Пугачева, выступающая первой, задает своему оппоненту вопрос в довольно агрессивной и отчасти провокационной форме о причинах «неприличного» поведения кандидата в президенты. То есть применяется модель захвата инициативы и подавления противника (*модель № 1*).

Жириновский ее перебивает: «Я веду себя так, как считаю нужным. Мне имиджмейкеры не нужны...». Вообще случаи перебивания речи собеседника (*модель № 2*) обычны в таких ситуациях. Впрочем, интеллигентной публике принято высказываться по-другому: «извините, пожалуйста», «подождите немного», «послушайте» и т. д. Далее обычно следует вмешательство в речь оппонента с возражениями, вопросами, просьбами.

Другим приемом является так называемое «цепляние к словам» (*модель № 3*). Этот прием демонстрирует заранее установленное желание участников повернуть ход спора в свою пользу, не дать высказаться собеседнику, смутить его. Пугачева (в ответ на инвективу Жириновского) «Я вам не Алла Борисовна. Вы меня уже назвали певичкой».

В начале полемики Пугачева задала, как ей казалось, убийственный вопрос, распадающийся на три подвопроса. Упрекая оппонента в разнузданности поведения, она поинтересовалась: «Это что, часть имиджа, разрешенного вам сверху, это пробелы в воспитании вашем или, не дай бог, что-то такое с неврозом связанное. Если бы вы стали президентом, вы бы поменяли свою линию поведения?». После софистического ответа она стала настаивать на вопросе (*модель № 4*).

Ведущий: «Владимир Вольфович, вы меня извините, но то, что вы сейчас делаете — вы себя публично хороните». Однако вмешательство ведущего программу В. Соловьева игнорируется (*модель № 5*).

Владимир Жириновский: «Я говорю еще раз. Вы ведущий, вопрос — все молчат, я отвечаю». После этого выдвигается обвинение в адрес ведущего и организаторов (*модель № 6*): «Если вашему каналу Прохоров заплатил, чтобы Прохоров выиграл голосование, он давно все проплатил. И в Кремле, и народу...» Далее пришло время взаимных оскорблений (*модель № 7*): применялись инвективы относительно чрезмерной сексуальности и распущенности, педофилии, позорного поведения, продажности, мошенничества и т. д. и т. п.

Набор этих и других приемов, которые можно при желании обнаружить достаточное количество, свидетельствовал о силовых способах захвата коммуникационного канала. В этой связи можно вновь обратиться к оценкам такого рода

дискуссий со стороны психологов. Не менее эффективным средством вмешательства в ход разговора они посчитали силовой захват коммуникативного канала, то есть стремление «взять голосом». Такие приемы элементарны, однако их использование лимитируют два обстоятельства: чрезмерная активность подобного рода способна разрушить имидж, благоприятный для массовой аудитории, кроме того, партнер провоцируется на симметричные реакции и разговор превращается в бесперспективную «склоку». Возможно, поэтому силовые приемы, хоть и играют заметную роль в диалоге, вдвое меньше частотны, чем тактики получения слова²⁹.

В конкретном случае передача «Поединок» превратилась не в обычную, тем более «бесперспективную склоку». Анализ этого случая показывает, что она стала обсуждаемым информационным событием, которое охарактеризовалось всеми признаками классического скандала.

Карнавализация передачи. Напомним читателю, что карнавал, по Бахтину, есть травестия (пародийное иносказание) социальных и политических норм и правил, то есть политика воспринимается и как зрелище, и как игра, поскольку не все люди (и это вполне понятно) уверены в воздействии своего серьезного мнения или созревшего решения на те или иные политические акты. И если это так, то почему не относиться к политикам, как к актерам драмы или комедии? Почему не принять в политическом спектакле посильное участие и не проголосовать за любимого скандального и веселого актера?

Принято считать, что в России даром подобной травестии в политической культуре обладает В. Жириновский. По этому поводу А. Буртин еще в 1996 году замечал, что невозможно найти в действиях Жириновского сколько-нибудь определенную позицию. Его жизнь — это постоянный отклик, непрекращающиеся словесные переодевания. Он начинает фразу с одного тезиса, а заканчивает противоположным. Любое понятие он немедленно выворачивает наизнанку. Стоит ему заговорить о демократии, как звучит слово

²⁹ Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова В.Д. Ведение политических дискуссий (Психологический анализ конфликтных выступлений). М.: Академия. 1995. С. 74.

«танк», зайдет речь о патриотизме — тут же призыв идти войной на Индию. Для зрителя, обладающего карнавальным сознанием, речи лидера ЛДПР оказываются довольно привлекательными.

Удивительно, но со времен Рабле образный стиль карнавала почти не изменился: те же площадные хвала и брань, базарная самореклама, признаки «материально-телесного низа». Кто еще, кроме Жириновского, умел так ловко затеять потасовку в коридорах власти? Это ли не раблезианские «праздничные тумачи»? Травестия политической культуры — основная общественная функция Жириновского: порой ему удается спародировать даже саму драку — оттаскав за волосы депутата Тишковскую, он тут же едет целоваться с порнозвездой Чиччолиной... «Противники Жириновского полагали, что, доказав еврейское происхождение лидера ЛДПР, лишат его популярности. Но популярность только выросла: еврей-антисемит гораздо интереснее обычного фашиста. А его обещания снизить цены на спиртное или помыть сапоги в Индийском океане? Это жесты, достойные Гаргантюа»³⁰.

Всё многообразие поведенческих актов действующих лиц разразившегося скандала можно рассматривать как игру, которая составляет ядро многих сложных типов деятельности. Сама игровая природа политики предусматривает развитие способностей в целедостижении через поиск желаемого в связке с нежелаемым и возможного в связке с невозможным. Именно поэтому политику часто называют искусством возможного (так же, впрочем, как и искусством невозможного).

Проведенный анализ ситуации характеризует российскую политику особым образом: во-первых, указывает на предпочтение скандала продуктивной дискуссии или полемике даже со стороны известных (в политике и шоу-бизнесе) лиц; во-вторых, вскрывает активную роль самих СМИ в нагнетании скандальности даже при декларируемом стремлении ввести дискуссию в плодотворное русло; в-третьих, демонстрирует «моду» на скандальность, активно прививаемую телеаудитории.

³⁰ Московские новости. 1996. № 2.

4. Скандал как инструмент борьбы

Разногласия и отсутствие единства в политическом классе, проявляющиеся в борьбе за власть и ресурсы, зачастую размывают основу власти. Тогда конкуренция отдельных групп приобретает настолько ожесточенные формы, что в ход идут все доступные средства, вплоть до криминальных. Одним из таких инструментов политической борьбы стали скандалы, инспирированные или подогреваемые заинтересованными силами. Пример такого противостояния в Ставропольском крае в 2011–2012 гг. был описан ростовскими исследователями³¹.

Лермонтов, где произошли события, был основан в 1953 году, в 1956 г. получил статус города. Долгое время он обладал статусом закрытого административно-территориального образования. Общая численность населения муниципального округа в 2011 году — 24,6 тыс. чел. Национальный состав — русские (93,8%), украинцы (3,3%). Именно поэтому этнической подоплеку в отличие от других конфликтов в крае не было.

Политический скандал в этом маленьком городке района Кавказских Минеральных Вод неожиданно для всех всколыхнул медийное пространство России и вовлек в обсуждение не только местные и краевые власти, но и президента и премьер-министра РФ, полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе А.Г. Хлопонина. Не остался в стороне и глава предвыборного штаба В. Путина С. Говорухин.

Тогда в российских СМИ появились такие заголовки: «Мятежный Лермонтов»; «Мини-революция»; «Массовая голодовка на Ставрополье: борьба за курортные земли?»; «Недовольные граждане устроили бунт в городе Лермонтове»; «В Лермонтове произошла попытка захвата городской администрации»; «В лермонтовской администрации поселился демон мятежа»; «Люди с пистолетами и топором захватили мэрию города Лермонтова на Ставрополье»; «Рейдерский захват Лермонтова».

³¹ Батиев Л.В., Челпанова Д.Д. Политический скандал как инструмент борьбы за власть и ресурсы // Скандал: сферы воздействия: Сборник научных статей. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 59–72.

Исследователи столкнулись с так называемым сложноставным скандалом, который назревал не один день и к тому же имел несколько «слоев». Чтобы понять суть скандала, были проанализированы не только хронология событий и состав их участников, но и правовые основания местного самоуправления, а также взаимоотношения местной и региональной властей в Ставропольском крае.

В сентябре 2010 г. главой г. Лермонтова был избран А. Дунаев. Уже через год шесть из пятнадцати депутатов городского Совета г. Лермонтова заявили о сложении своих полномочий, мотивировав свое решение недовольством политикой главы города.

В соответствии со статьей 24 (п.10) Устава г. Лермонтова «в случае добровольного сложения с себя депутатских полномочий кем-либо из депутатов Совета города, ...Совет города имеет право работать в составе не менее двух третей от установленной численности депутатов Совета города до проведения дополнительных выборов депутатов по освобожденным округам». Поскольку в Совете города осталось менее двух третей от установленной численности депутатов, он не может легитимно исполнять свои функции. Собственно, в этом и состоял смысл одновременной отставки шести депутатов. В результате роспуска Совета города в отставку должен подать и глава города. Признать же Совет города нелегитимным можно только в судебном порядке. Поэтому в Ставропольский краевой суд было подано исковое заявление о признании нелегитимным этого Совета, — замечают авторы.

Однако все оказалось не так просто. Выбранный противниками главы г. Лермонтова, казалось бы, беспроигрышный способ расформирования Совета города с автоматической отставкой его главы усилиями А. Дунаева и его сторонников был превращен в громкий скандал. На пресс-конференции 8 сентября 2011 г. глава города А. Дунаев заявил, что единовременное сложение депутатами полномочий является заранее спланированной акцией, за которой стоит администрация соседнего г. Пятигорска.

Скандал стал последним оружием «униженных и оскорбленных». Со стороны депутатов во главе с А. Дунаевым пошли в ход обвинения в криминальном давлении. По сло-

вам депутата Совета г. Лермонтова С. Диденко, жертвой незаконного давления стали депутат М. Чиркова и ее дочь. На пресс-конференции 8 сентября 2011 г. он заявил: «Маргарита Чиркова как-то сообщила нам, что ей, а также ее дочери угрожают». Пикантности ситуации добавило и то, что, по словам А. Дунаева, из шести поданных заявлений пять принес один человек, и многие из них были ксерокопией, что ставит под сомнение их подлинность. Кроме того, одно из заявлений написано от депутата, который в то время находился в Китае. К «недостойным действиям» политических противников было привлечено внимание всей страны. В этом состоит одна из целей скандала — ослабить оппонента, предварительно упрекнув его в подлоге.

Случай в Лермонтове шокировал общественность, привлёк чрезмерное внимание (особенно Интернет-сообщества) и позволил мобилизовать сторонников А. Дунаева. Тем не менее, он никак не повлиял на действия правоохранительных и судебных органов. Административная машина работала в «штатном режиме». В соответствии с Уставом города, решение о досрочном сложении полномочий депутата принимается на заседании представительного органа города (Совета). На внеочередном заседании из шести заявлений об отставке решение было принято лишь по двум парламентариям. Поэтому «Совет и администрация продолжают работать в штатном режиме», — подчеркнул А. Дунаев. Автоматического самороспуска горсовета не произошло. Более того, в сентябре-октябре 2011 г. А. Дунаев оспаривал решение о прекращении полномочий горсовета и отставке мэра. Однако Ставропольский краевой суд 12 октября 2011 г. признал нелегитимной работу Совета города. Решение этого суда было безуспешно обжаловано в Верховном суде.

12 декабря 2011 г. на внеочередном заседании Совета депутатов был уволен глава администрации, согласно Уставу г. Лермонтова, Е. Печерин: из-за того, что тот выписался из Лермонтова и не предоставил информации о новой прописке. Выяснилось также, что он ранее владел какой-то организацией, что посчитали незаконным.

По законам жанра скандал нередко из перебранки, взаимных обвинений и оскорблений перешел в прямое столкновение сторон (вплоть до драк и т. п.). Так случилось

и в г. Лермонтове: в ход пошли активные действия, выходящие явно за рамки закона. Более 10 человек, в том числе Е. Печерин и О. Мельников вместе с С. Перцевым, 13 декабря 2011 г. с пистолетами и топором ворвались в администрацию г. Лермонтова и попытались взломать кабинет главы администрации. 80 сотрудников администрации, которым угрожали, закрылись в кабинетах. К администрации города стали подтягиваться горожане. Полиция и ФСБ отказались вмешиваться. Постфактум были опрошены свидетели и зафиксирован взлом. И.о. начальника полиции г. Лермонтова отметил, что информацией о захвате не располагает, но проводит проверку по заявлениям противоборствующих сторон.

Возвращение на работу «явочным порядком» не состоялось, и в декабре 2011 года Е. Печерин подал исковое заявление в суд с требованиями восстановления на работе. В декабре того же года произошло нападение на экс-главу администрации г. Лермонтова О. Мельникова, который с 15 ножевыми ранениями в тяжелом состоянии был доставлен в реанимацию. Губернатор Ставропольского края В. Гаевский был вынужден создать специальную рабочую группу по изучению ситуации в городе. В январе 2012 г. рабочая группа заявила о стабилизации ситуации в городе. Гаевский поспешил заявить: «Сегодня уже очевидно, что никакой команды у нынешнего городского главы, по сути, нет. Дунаев сотоварищи год назад взяли власть, но не смогли понять, что с ней делать». После этого Дунаев был отстранен от управления городом, а временно исполнять обязанности главы Лермонтова стал глава его горсовета В. Тютюнников.

Территориальная избирательная комиссия (ТИК) г. Лермонтова тут же назначила досрочные выборы в горсовет. Дабы окончательно «решить проблему Дунаева», местный избирком отказал в регистрации на выборах практически всем депутатам распущенного горсовета.

Решение местной избирательной комиссии было обжаловано в городском суде. Экс-депутаты горсовета и незарегистрированные кандидаты в депутаты (14 чел.) объявили бессрочную голодовку в здании администрации города. Полиция отказалась вмешиваться в конфликт. К голодающим присоединились некоторые жители Кировского райо-

на города и села Острогорка, входящего в городской округ. Всего в акции протеста приняли участие до 40 человек, она длилась с 21 по 28 февраля 2012 г. Вход в администрацию блокировали сотрудники правоохранительных органов, а около здания периодически проходили стихийные митинги горожан. Участников голодовки посетили представители прокуратуры Ставропольского края. 26 февраля 2012 г. был проведен полуторатысячный митинг горожан в поддержку голодающих.

Скандал явно вышел за рамки выяснения отношений между группировками во властных структурах и приобрел политическое значение. Несмотря на негодование множества горожан, власть не спешила разрешать конфликт. 27 февраля 2012 г. ЦИК РФ дал письменное разъяснение по ситуации в городе: «Досрочные выборы депутатов Совета города пятого созыва назначены на 4 марта 2012 г. в соответствии с законодательством». 28 февраля 2012 г. один из голодающих попал в реанимацию.

Как еще раз показала лермонтовская «заваруха», в современной России скандал, будучи локализован на местном уровне, не достигает своей цели. Сверхзадачей инициаторов было поднять его до федерального уровня. И действительно, в преддверии президентских выборов лермонтовское противостояние привело к тому, что с голодающими встретились полпред Президента РФ А.Г. Хлопонин (он же вице-премьер правительства РФ) и глава предвыборного штаба В. Путина С. Говорухин. Как сообщил А.Г. Хлопонин, глава правительства России «позвонил и попросил разобраться в этой ситуации при соблюдении закона». «Буду в дальнейшем лично контролировать ход выборов. Второе, то, что могу гарантировать, — суд завтра примет правильное и законное судебное решение. Мы проследим, чтобы в суде это решение было обосновано», — заявил полпред. В стране с действительно независимой судебной властью такое заявление вызвало бы удивление. В России же подобные обещания скорее вызывают вздох облегчения: «Наконец-то о наших проблемах услышали ...»

После встречи с полпредом и депутатами протестующие прекратили голодовку. Вслед за этим, практически сразу же, районный суд Лермонтова удовлетворил иск об отмене

муниципальных выборов в горсовет, назначенных на 4 марта 2012 г. Краевой избирком заявил, что не будет обжаловать решение районного суда. В итоге почти 60 исков были удовлетворены. Прокуратура Ставропольского края срочно выявила нарушения законодательства о выборах ТИК г. Лермонтова, в связи с чем поставлен вопрос об увольнении председателя ТИК Н. Ярмолич. Сформирована временная избирательная комиссия, и выборы перенесены на 17 июня 2012г. По их итогам (на 15 мест в горсовете претендовали 104 кандидата) в горсовет вошли 12 самовыдвиженцев, а также два представителя «Справедливой России» и один кандидат от ЛДПР. Из 15 депутатов предыдущего созыва городского Совета в выборах участвовали 13, однако были переизбраны лишь трое, в том числе А. Дунаев. В соответствии с новой тактикой представители Единой России не афишируют свою партийную принадлежность. Таковыми были и так называемые самовыдвиженцы на выборах в горсовет г. Лермонтова.

Итак, казалось бы, справедливость восторжествовала. Власти показали мудрость. Суд проявил беспристрастие. Прокуратура — бдительность. Центральная избирательная комиссия учла свои недостатки. Виновные в нарушениях уволены (глава ТИК). Выборы прошли без происшествий. Правда, за десять дней до них неизвестные сожгли предвыборный штаб экс-главы города А. Дунаева — разбили стекла, забросили бутылки с зажигательной смесью, сгорела мебель, техника.

Скандал показал, что привычные ранее методы управления не сработали. Управленческая вертикаль оказалась оторванной от народа и реагировала на законные требования только в виде исключения, когда скандал уже вышел на всероссийский уровень непосредственно накануне выборов Президента РФ в условиях роста общего протестного настроения в стране. Выявилось, что рецепты, предлагаемые властью, не обязательно соответствуют правовым нормам. Региональным властям удобнее работать не с выборными мэрами, а с принимаемыми на работу по контракту так называемыми сити-менеджерами. Допускается только контролируемое сверху самоуправление. Но такая схема провоцирует противостояние между главой города и главой адми-

нистрации. В итоге конфликт, порожденный неуклюжими действиями властных структур, их же усилиями переводится в противоправное русло. Избирательная комиссия при этом штампует незаконные решения, исключая оппозицию из выборного процесса. Прокуратура, суды (вплоть до Верховного суда РФ), окружные и региональные власти впадают в глухоту и слепоту до тех пор, пока не последует команда сверху. Полиция бездействует, т. е. система не справляется с проблемами, которые она сама же и вызвала.

26 июня 2012 г. вечером девять депутатов городского Совета единогласно избрали мэром города самовыдвиженца И. Бухлаева при отсутствии шестерых депутатов, покинувших зал заседаний. По мнению заместителя председателя Думы Ставропольского края Ю. Гонтаря, «все действия по избранию главы (там было две кандидатуры) прошли прозрачно, на виду, с соблюдением всех правовых норм. Я лишь могу сожалеть о том, что пятеро депутатов все-таки не пришли на заседание». В соответствии со ст. 24 Устава г. Лермонтова «заседание Совета города правомочно, если на нем присутствует не менее двух третей от избранного состава Совета города». История продолжилась осенью 2012 г. Выборы главы администрации должны были состояться 10 сентября 2012 г., но были перенесены на 26 число. Для того чтобы исключить патовую ситуацию с невозможностью обеспечить необходимый кворум, в Устав г. Лермонтова были внесены изменения. При повторной невозможности конкурсной комиссии собраться на заседание (отсутствие кворума) для избрания главы администрации города в правомочном составе принимается решение о замене отсутствующих членов конкурсной комиссии. 26 сентября 2012 г. экстраординарные меры не понадобились. На очередном заседании Совета депутатов единогласным решением Совета главой администрации г. Лермонтова был избран кандидат власти — С. Бычков, уже работавший заместителем главы администрации скандально известного О. Мельникова.

По мнению ставропольских и ростовских экспертов, скандал не был случайным. В его основе могло лежать латентное противостояние между краевой властью (губернатор В.В. Гаевский) и полномочным представителем Президента, вице-премьером А.Г. Хлопониним. Эксперты посчи-

тали, что конфликт был на руку одной из сторон. Не исключено также, что повышенное внимание СМИ к локальному, и в масштабах страны малозначительному, конфликту было инспирировано в целях дискредитации одного из оппонентов. Следствие — отставка губернатора (май 2012 г., за год до окончания полномочий). Однако в общем ряду проблем, которые испортили репутацию губернатора, это событие оказалось одним из последних. Если считать, что одной из целей раздувания противоборства была дискредитация губернатора, то она оказалась достигнутой. Только после вмешательства окружных и федеральных властей были отменены наиболее несправедливые решения, поддержанные до этого губернатором. Тем самым окружная власть получила дополнительные очки в свою пользу.

На самом деле двойственность скандала как политического инструмента заключалась в том, что он нанес удар не только по непосредственной цели, но и по другим участникам конфликта, и по-видимому, по всей властной структуре края. «Это, пожалуй, один из наиболее важных уроков г. Лермонтова, который обязаны усвоить все, кто имеет отношение к власти.³²»

³² Батиев Л.В., Челпанова Д.Д. Политический скандал как инструмент борьбы за власть и ресурсы // Скандал: сферы воздействия. М.: Изд-во СГУ. 2013. С. 69.

НАУЧНАЯ СФЕРА: ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ СКАНДАЛА

1. Противоречия как основа скандальных действий

Наука как особый социальный институт не свободна от скандалов. Пространный анализ роли скандала в научной жизни России представляет собой довольно общую исследовательскую задачу, поэтому более показателен разбор конкретных случаев в отдельных областях этого вида деятельности. В этой сфере можно вычлениить как минимум пять различных типов скандальных действий:

- 1) скандал как форма межличностных отношений между учеными;
- 2) скандал как практика и техника борьбы против лженауки;
- 3) скандал как столкновение презентуемых идей;
- 4) скандал как вид конфликта представителей науки и представителей власти;
- 5) наконец, скандал, связанный с плагиатом.

В первом случае любой скандал, участниками которого являются первооткрыватели, видные ученые, то есть знаковые фигуры, претендует на относительно длительное автономное существование.

Во втором случае скандал существовал всегда, он был одним из организующих принципов жизни любого человека, стремящегося к познанию истины. Такого рода скандалы часто выстраиваются в цепочку и, в зависимости от меняющихся условий, проявляются в разных пропорциях и степенях активности, иногда в трагических формах (инквизиция), а иногда и в гротесковых и комических формах (фольклор, анекдоты, памфлеты и пр.).

В третьем случае скандал нацелен на захват лидерских позиций, доминирование одних взглядов над другими, а также на получение искомого вознаграждения. В этом смысле

наука не существует без скандала, для нее он является необходимой питательной средой. В основе всего этого лежат серьезные, иногда противоположные воззрения, открытые разногласия.

Научный скандал, как правило, сопутствует властному доминированию в качестве антипода (*четвертый случай*). Там, где нет признаков сакральности власти, — именно ее место занимает сопряженный с ней скандал, который на какое-то время сотрясает саму форму общения ученых и диктующих им свою волю бюрократов. В этом смысле скандал в какой-то степени демократичен, поскольку препятствует властным поползновениям последних, часто нейтрализуя их.

Как бы то ни было, во всех перечисленных выше случаях скандал в сфере науки нарушает привычную энтропийную череду событий, сопровождается информационным взрывом, тестирует сложившуюся реальность. К примеру, скандал, связанный с реформой РАН (июль – сентябрь 2013 г.) резко акцентировал саму проблему отношения власти к ученому сообществу («фундаментальная наука при ручном управлении не нужна», «публичная казнь Академии», «победа двоечников» и т.д. и т.п.).

И, наконец, *пятый случай*, который связан с плагиатом, показывает степень доверия общества к науке.

Далее, исходя из вышеперечисленной типологии, начнем с более подробного описания первого случая. Заметим при этом, что существует некая особенность, точнее — некая неповторимость скандалов в научной среде. Если, например, скандал в политике сопровождается обостренной конфликтностью, сопровождаемой максимальной экспрессией, поскольку ставится вопрос доминирования той или иной стороны, то в науке часто присутствует серьезность, сопровождаемая достаточной аргументацией. Стиль «научного скандалиста» обычно исключает избыточную жестикуляцию, ненормативную лексику, импульсивное поведение, хамство и другие характеристики, то есть свойства, присущие обычно эксцентрику, выступающему перед массовой публикой. В науке это не принято.

Упомянутые особенности, разумеется, не всегда прослеживаются в мировой, да и в российской истории науки.

В XVIII веке, когда в России только складывался научный этос, было много громких скандальных происшествий, в которых активно себя проявили приглашенные из Европы члены организованной тогда Академии наук (Л. Эйлер, Х. Марити, Х. Гольдбах, И. Коль, Я. Герман и другие). Особенно скандальными считались историки (Г. Миллер и другие, а также И. Шумахер — один из руководителей Российской академии).

Среди подлинно российских скандалистов того времени явно выделился великий М. Ломоносов, который в этом качестве нисколько не уступал сражающимся тогда между собой Г. Миллеру и И. Шумахеру. Современный российский исследователь Симон Елизаров подробно описывает тогдашнюю ситуацию. Мы же, используя его текст, попытаемся придать ему форму кейс-стади. Этот метод, как обычно, всегда предполагает краткое описание действующих лиц.

Академические нравы. С начала создания Петром I учреждений, заложивших основу Академии наук (кунсткамера и императорская библиотека) тесное сотрудничество ученых всегда было под вопросом. Причиной этого являлась не только общая культура населения и придворных, но и явная нехватка просто образованных людей. К тому же президентами Академии наук чаще всего становились высшие сановники, которым было лень заниматься конкретными исследованиями. Приглашенные из-за границы ученые особой деликатностью, естественно, не отличались. Конфликты происходили постоянно, к ним примешивались завышенные амбиции, зависть, стремление к доминированию и в сфере той или иной отрасли и в Академическом управлении (канцелярии).

Историки науки подробно описывают нравы, царившие тогда в Академии. Некоторые иностранные ученые, не выдержав обстановки интриг, доносов, насмешек, были вынуждены возвратиться, другие благоденствовали, большинство же существовало в атмосфере взаимного недоброжелательства.

Тем не менее, в Академии наук работали и исконно российские и зарубежные гении, обогатившие нацию и давшие примеры нравственного поведения. Так, Леонард Эйлер, крупнейший представитель математических и механиче-

ских наук, получив от И. Шумахера в 1747 году работы М.В. Ломоносова для отзыва, вопреки желанию высокопоставленного интригана раскритиковать эти труды, написал в отзыве: «Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны... ибо он изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям...»³³

Участники скандалов. Михаил Васильевич Ломоносов³⁴ родился 19 ноября 1711 года в деревне Денисовка Архангельской губернии. Отец его был чернослободским крестьянином, имел землю и суда для рыбного промысла по Мурманскому берегу. Мать умерла, когда сыну было 9 лет. Подростком Михаил Ломоносов постоянно ездил с отцом на промыслы. В свободное время он читал — к счастью, будущего ученого рано обучил грамоте дьячок местной Димитриевской церкви С.Н. Сабельников. В 1731-м Михаил Ломоносов, пристав к обозу, тайком от отца уходит в Москву учиться.

В Москве его принимают в «Спасские школы». Двадцатилетний юноша учится в одном классе с маленькими учениками. Его успехи, прилежание и примерное поведение быстро замечает школьное начальство. За один год Ломоносов проходит сразу три класса. В 1736 году он в числе двенадцати лучших учеников Славяно-греко-латинской Академии отправлен в Петербург для обучения при Академии наук. Осенью того же года Ломоносов отправлен в Германию обучаться химии и горному делу. Кроме того, ему было наказано «учиться и естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике». В 1741 году по приказу Академии Ломоносов возвращается в Петербург и вскоре становится адъюнктом по физике при Петербургской Академии наук.

Его вклад в российскую науку трудно переоценить. Ученый-естествоиспытатель, поэт, реформатор русского языка; первый русский академик Петербургской Академии наук (1745), член Академии художеств (1763). В 1755 году

³³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР. 1951. С. 649.

³⁴ <http://syt.edu.severodvinsk.ru/web/2011/bayov/biography.htm>

по инициативе Ломоносова основан Московский университет, которому в 1940 году было присвоено его имя. Его открытия обогатили многие отрасли знания. Ломоносов развил атомно-молекулярные представления о строении вещества, высказал принцип сохранения материи и движения, заложил основы физической химии, исследовал атмосферное электричество и силу тяжести. Выдвинул учение о свете. Создал ряд оптических приборов. Открыл атмосферу на планете Венера. Описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых и минералов.

Он был крупнейшим поэтом XVIII века, создателем русской оды философского и высокого гражданского звучания, автором поэм, поэтических посланий, трагедий, сатир, филологических трудов и научной грамматики русского языка. Он возродил искусство мозаики и производство смальты и вместе с учениками создавал мозаичные картины. Автор трудов по истории России.

Миллер Герард Фридрих (1705-1783) родился в Вестфалии, где окончил гимназию. Обучался в Лейпцигском университете, где получил степень бакалавра. В 1725 г. при создании Петербургской Академии наук был вызван в Россию и зачислен адъюнктом. С 1728 г. конференц-секретарь Академии. С 1730 г. профессор и член Академии наук. С 1732 г. редактор издававшегося по его предложению первого российского исторического журнала «Собрание российских историй». В 1733 г. присоединился к Камчатской экспедиции В. Беринга и почти десять лет провел в Сибири, изучая ее географию, этнический состав населения, архивные материалы³⁵.

После возвращения из Сибири неоднократно выступал за открытие в Академии Исторического департамента. В этот период он написал «Историю Сибири». В 1747 г. Миллер перешел в русское подданство и был назначен российским историографом и ректором университета. В 1749 г. произнес речь на торжественном заседании Академии наук в связи с годовщиной вступления Елизаветы Петровны на

³⁵ http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/miller_gf.php Материалы заимствованы у Данилова А.А. (Справочные материалы по истории России IX — XIX веков).

престол, в которой впервые сформулировал основные положения «норманской теории» возникновения русского государства. Основные тезисы его доклада сводились к тому, что: 1) приход славян с Дуная на Днепр можно датировать не ранее правления Юстиниана; 2) варяги есть не кто иные, как скандинавы; 3) понятия «варяги» и «русь» — тождественны.

Доклад вызвал резкую оценку со стороны других членов Академии и двора. На год Миллер был переведен из профессоров в адъюнкты. Позже был «прощен». В 1765 г. был переведен Екатериной II в Москву надзирателем Воспитательного дома, а затем директором Архива Московской конторы Коллегии иностранных дел. Был избран депутатом в Уложенную комиссию. Последние одиннадцать лет жизни, несмотря на паралич, продолжал работать.

Из исторических сочинений принято считать крупнейшей его работой «Историю Сибири». Однако кроме этой книги он является также автором другого издания — «Опыт новейшей истории о России», которую он рассматривал как продолжение «Истории Российской» В.Н. Татищева. Большая заслуга Миллера состоит в публикации многих важнейших источников по русской истории (Судебник Ивана Грозного, разрядные записи XVII в., письма Петра I, дипломатическая переписка и т. д.).

Интриги. В период организации Академии интриги занимали свое достойное место в деятельности этого учреждения, поскольку часть приглашенных работать людей часто оказывалась в невыгодной, по сравнению с другими, бытовой и статусной ситуациях. Попытки изменить свое положение в выгодную сторону были свойственны многим людям, ставшим потом знаменитыми в своих отраслях знания.

И.Д. Шумахер, работавший в России с 1714 года, помимо научных достижений, прославился неутомимой деятельностью в рамках Академии в должности руководителя канцелярии. Тогда это был пост, позволявший регулировать делопроизводство, печатное дело и, главное, участвовать в финансовых тратах Академии. Многие ученые, недовольные деятельностью Шумахера, уехали. Другие сопротивлялись методами, считавшимися в то время нормальными: протесты (устные и письменные), кляузы, доносы. Так еще

в давние времена сложилась практика, при которой сталкивались интересы бюрократа, «стремящегося к всевластию, точно знающего, как надо работать ученым, и интересы ученых, которым необходима творческая и личная свобода»³⁶.

Скандалная деятельность Шумахера проявлялась по отношению ко многим собратьям по науке. Наиболее заметным его врагом стал Герард Фридрих Миллер, первый редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Дело дошло до курьезов, в числе которых — взлом секретера Миллера, находившегося в научной командировке. От Шумахера страдал и М. Ломоносов. Впрочем, в обиду он себя не давал.

Итоги скандала. Упомянутый выше наш современник Симон Илизаров, изучив доступные ему документы, считает: с сентября 1742 года по конец 1743 года М. Ломоносов по неясным мотивам неоднократно всенародно оскорблял членов Академии, «сквернословил позорной немецкой бранью..., показывал пальцами рук оскорбительные фигуры..., угрожал физической расправой, занимался рукоприкладством»³⁷. Терпение членов Академии закончилось, и великий русский естествоиспытатель с 1743 года (май) по 1744 год (январь) оказался под арестом и в конце концов публично покаялся.

Извинение Ломоносова перед академиком (в переводе с латинского) было таким: «Я, Михаил Ломоносов, в присутствии Академического собрания публично и искренне заявляю: я не могу и не желаю в какой-нибудь мере посягать на доброе имя и репутацию известнейших господ профессоров сей Императорской Академии Наук. Вместе с тем заявляю, что я действительно ненавижу, торжественно беру обратно и хотел бы считать произнесенными те в высшей степени безрассудные ругательства, которыми в пьяном виде поносил господ профессоров в утренние часы 26 дня апреля месяца прошедшего 1743 г. Присутствующих знаменитых академиком, также как и отсутствующих, униженнейше прошу и заклинаю благосклонно простить меня, сознающего чудовищные размеры моего непростительного проступ-

³⁶ <http://yak15/marod/ru/eiler/html>

³⁷ Илизаров С. Академический арестант // Дилетант. № 9. 2013. С. 32.

ка, и самым честным образом обещаю исправиться.

Эту мольбу, публично принесенную мною 27 день генваря месяца 1744, подписью моей руки удостоверил Михаил Ломоносов»³⁸.

Один из цепи скандалов связан со столкновениями по поводу происхождения Руси. Миллер вовсе не стоял на антироссийских позициях, выдвигая норманистскую теорию, он ориентировался на научное обсуждение ее тезисов в ходе публичных слушаний в Академии относительно его речи «Происхождение народа и имени Российского» в 1749 году. М. Ломоносов резко и пристрастно отверг тезисы Миллера, хотя сам выразил соответствующие взгляды лишь десять лет спустя в книге «Краткий российский летописец с родословной».

Теория Миллера была поддержана Г. З. Байером и А. Шлецером (который в 1776 г. вернулся из Академии наук в Германии, куда увез многие собранные им материалы по истории России, что само по себе было немалым скандалом). Ломоносов в замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера привел весьма острые суждения: «Весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особенно она для многих дигрессий (отклонений) весьма темна... Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет»³⁹.

О еще одном норманисте Г. З. Байере Ломоносов писал: «Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окутив себя беленою и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие советы»⁴⁰. Надо сказать, что Ломоносов тем более не сдерживался в устных выступлениях, отмечая в письме к немцу Я. Штелину: «Говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лижут, а сзади царапают»⁴¹.

Скандалами сопровождалась защита Ломоносовым мно-

³⁸ Симон Илизаров. Политический арестант.// Дилетант. № 9. 2013. С. 33.

³⁹ Ломоносов М. Записи о русской истории. 2003. С. 449-464.

⁴⁰ Там же. С. 455.

⁴¹ Там же. С. 20.

гих его естественнонаучных идей, литературных стилей, даже художественных произведений. Так он вел ожесточенные споры с бывшим учеником А.П. Сумароковым.

Ссора с академиками, особенно с историком Миллером и бюрократом Шумахером, не утихала и продолжалась вплоть до самой смерти оппонентов. «Закончилась война, — заключает С. Илизаров, — в которой ни победителей, ни побежденных в конечном счете не было»⁴².

2. Скандал против лженауки

Исходя из того постулата, что заслуги науки общеизвестны и что рядом с ними существуют попытки облечь в наукообразные формы надуманные и даже фантастические утверждения, выдвинем гипотезу о неизбежности скандалов в научной среде. Но прежде всего определим само понятие лженауки, а также попытаемся отделить лженауку от паранауки. Последняя представляет собой комплекс сомнительных, изредка полезных (алхимия, например) исследований. Лженаука в современных представлениях построена на никем не доказанных и недоказуемых принципах, однако помещается в наукообразную упаковку. Существует и категория грубых открытых «научных» спекуляций, которые можно обозначить как мошенничество и жульничество. Чаще всего паранауку, лженауку и мошенничество трудно отделить друг от друга, поэтому для некоторого упрощения, по нашему мнению, допустимо для жанра нашей книги употребление обобщенного понятия «лженаука»⁴³. Конфликты между представителями науки и лженауки постоянны, проходят с переменным успехом. Разумеется, вмешательство властей и занятие позиций на той или стороне обостряют конфликты, которые зачастую происходят и без внешнего воздействия.

Что же предопределяет эти скандалы? При ответе на этот вопрос прежде всего отметим, что ученые догматических

⁴² Симон Илизаров. Политический арестант // Дилетант. №9. 2013. С. 33.

⁴³ По поводу классификации этих терминов см. Иванов К.П. Агрессивная лженаука // Вестник Российской академии наук. Т. 72. №1. 2002. С. 30; Юркевич А.В. Экономика эзотерических «знаний» // В защиту науки. Бюллетень № 8. 2011. С. 130.

характеристик считают лженаукой все, не соответствующее их представлениям. И все же основной причиной постоянно возникающих скандальных столкновений бывает нечто другое. Как правило, это личностная агрессивность и нетерпимость представителей как паранауки, так и лженауки к аргументам «против». «К этому, — писал академик А.Б. Мигдал, — надо добавить претенциозность и малограмотный пафос. Лжеученый не может мелочиться, он решает только глобальные проблемы и, по возможности, такие, которые не оставляют камня на камне от всей существующей науки»⁴⁴. В ход идут любые приемы, чреватые скандальными последствиями. Именно лженаука, облачаясь в религиозные (инквизиция) и иные формы, всегда и повсюду предавала науку.

Обратные действия встречались довольно редко. Причин таких ситуаций много, поскольку социальная база невежества обширна, а стремление большинства индивидов заменить научные знания и эксперименты своими желаниями неистребимы.

Проблема носит глобальный характер, однако российская действительность удручает. Если в Западной Европе, например, пропаганда науки ведется профессионально, с помощью СМИ, то в последние десятилетия в РФ возоблудала противоположная тенденция. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в России насчитывается 800 тыс. астрологов, экстрасенсов, прорицателей, колдунов, вовлеченных в финансовый оборот, составляющий не менее 2 млрд. долларов. По данным ВЦИОМ, примерно одна треть российских граждан считает, что солнце вращается вокруг Земли, а большинство населения верит в астрологию и паранормальные явления.

Что касается СМИ, то многие ученые считают их воздействие на элементарную грамотность населения чрезвычайно пагубным. С их помощью лженаука финансируется. Кроме того, СМИ проявляют полное безразличие к истинности распространяемых ими сведений, поскольку главное для них — рейтинги передач и изданий. Возникающие в ходе или в последствии этих передач или статей скандалы только по-

⁴⁴ Мигдал А.Б. Отличима ли истина от лжи? // Наука и жизнь. № 1. 1982.

вышают их влияние. Скандал, как мы уже неоднократно отмечали, есть вторжение в норму. Поскольку научная деятельность предполагает определение нормы и, как следствие, запрет на нарушения, то представители лженауки, имитируя под научные приемы свои действия, чувствуют себя совершенно свободными людьми. Такое состояние общества психологи называют плюралистически-хаотическим, а некоторые психиатры — массовой шизофренией⁴⁵.

Оболванивание населения через СМИ поставлено на широкую ногу. Каждое утро часть каналов помещает в эфир астрологические прогнозы. Центральные и провинциальные газеты от них не отстают. Одному из авторов этих очерков как-то удалось в местном киоске небольшого поселка, где находится санаторий, купить правительственную и, следовательно, одну из самых солидных газет. Времени было довольно много, поэтому он прочел ее с первой до последней страницы. На последней странице и обнаружил ежедневный прогноз. Оказалось, что независимо от знака зодиака прогноз может быть применим к любому человеку и любой ситуации, в которой он оказался.

А.М. Черепашук (академик РАН, директор Государственного астрономического института МГУ) уличил некоторые телеканалы (ТВ-3, РЕН-ТВ и др.) в том, что если ранее они ограничивались передачами с лженаучной тематикой, то ныне они стали комбинировать лженаучные сюжеты с сюжетами из передач научного содержания, то есть выбираются отдельные высказывания профессоров и на них нанизываются бредовые измышления журналистов. Затем выбирается сенсационное название и «успех» передачи, как правило, бывает обеспечен.

Как аргумент против такой практики академик приводит и свое впечатление о передачах первого канала телевидения, когда россиянам «впаривается» астрологический прогноз, и каждый вечер по тому же каналу показывают передачу «Давай поженимся», где экспертом выступает не психолог, а астролог. Эта милостивая женщина-астролог выдает, например, такие «перлы»: «Ваш брак будет не очень удачным,

⁴⁵ Юркевич А.В. Экономика эзотерических «знаний» // В защиту науки. Бюллетень № 8. 2011. С. 135.

так как Плутон квадрирует с Венерой». И все участники передачи с нею соглашаются: «Да, уж действительно, если Плутон квадрирует...». Так что благодаря СМИ астрология, эта типичная лженаука, уже получила «права гражданства». Когда спрашиваешь некоторых представителей СМИ, почему наше телевидение превратилось в поток грязных помоев, они советуют не смотреть такие передачи или, в крайнем случае, воспринимать их как невинную забаву»⁴⁶.

Такого рода конфликты заканчиваются победой истины довольно редко — уж слишком не равны силы. В частности, тираж бюллетеня, в котором был опубликован протест Ученого совета Государственного астрономического института МГУ, составляет всего несколько экземпляров, в то время как упомянутые выше программы обзорывают миллионы.

Действующие лица время от времени возникающих скандалов в общем-то известны. Некоторые из них стали героями книг (Е. Блаватская, П. Глоба, Г. Грабовой, Джуна, Р. Кулешова, А. Чумак), а иногда и художественных фильмов (Ванга, В. Мессинг).

В нашу задачу не входит описание и тем более разоблачение этих ярких представителей лженауки, поскольку это отдельная тема, да и оценка деяний этих персонажей со стороны научного сообщества была поставлена давно. Существуют, кроме того, и редкие признания самих «ученых». Так, известная авантюристка XIX века Е.П. Блаватская в конце своей жизни заявила: «Чтобы владеть людьми, необходимо обманывать. Если бы не феномены, я давным-давно околела бы с голоду. Чем проще, глупее и грубее “феномен”, тем он вернее удается. Громадное большинство людей, считающих себя и считающихся умными, — глупы непроходимо»⁴⁷.

Несколько сложнее обстоит дело со скандалами, связанными с отношениями внутри научного сообщества. Здесь лженаучные признаки распознаются не сразу, да и их носители облечены различными научными регалиями. В на-

⁴⁶ Черепашук А.М. Бесстыдство некоторых российских СМИ поражает воображение // В защиту науки. Бюллетень № 9. 2011. С. 31-32.

⁴⁷ Соловьев В.С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П. Блаватской и теософическим обществом. СПб.: «Общественная польза». 1893. С. 76.

ших случаях вряд ли можно найти корыстный интерес; скорее речь идет о людях, которых посетило «озарение» в других областях науки. Кроме того, ученые, как и другие люди, не застрахованы от психических заболеваний. Бывает и так, что видные философы пытаются открыть новые законы физики, а математики пересматривают периодизацию истории.

В последние годы не утихают дискуссии об открытии А. Фоменко — академика в области математики, который математическими методами вывел новую хронологию истории, «украив» у человечества тысячелетие истории. «Эксплуатация им звания академика РАН, которым он стал как математик, — пишет В.А. Кувакин, — порождает у простодушных веру в научную обоснованность «новой хронологии», а у недоброжелателей РАН — еще большую энергию в дискредитации Российской Академии как скопища выживших из ума чудаков и стариков»⁴⁸.

Продолжающиеся скандалы, связанные с борьбой против лженауки, всегда беспокоили научное сообщество. Академик Ж. Алферов, лауреат Нобелевской премии, говорил: «Я вспомнил, как примерно в 1983–1984 году замечательный ученый-биофизик, член-корреспондент Академии наук М.В. Велькинштейн обратился к президенту академии А.П. Александрову с просьбой обратить внимание на то, что уж как-то слишком активно начала развиваться лженаука, как-то слишком много появилось астрологов, экстрасенсов. И что-то с этим надо делать. В ответ Александров сказал, что такое происходит во все смутные времена. И вспомнил, как еще в 1916 году его сестры увлекались спиритизмом и даже якобы вызывали дух Толстого и Чехова. Более того, беседовали с ними. Узнав об этом, отец Александрова ответил, что может поверить в их способность вызывать дух, но чтобы такие великие писатели могли беседовать с такими дурами, он не поверит ни за что»⁴⁹.

Меры, предлагаемые научным сообществом, известны: культивирование критического мышления, изменение

⁴⁸ Кувакин В.А. Эпидемия шарлатанства в России XXI века // В защиту науки. Бюллетень № 9. 2011. С. 128.

⁴⁹ Елена Поляковская. 26.07.2011 в соцсети Live journal.

школьных программ. В последнее время акцент сделан на необходимости перемен в информационной среде, с тем чтобы по крайней мере вытеснить научное шарлатанство с экранов телевидения. Важно и то, чтобы знания, приобретенные учащимися светских учебных заведений любого уровня, основывались исключительно на твердо установленных научных данных и экспериментально проверяемых теориях.

Главным оппонентом здесь по-прежнему остается креационизм — религиозно окрашенная теория происхождения человека.

Положение лженауки в современном обществе может быть показано на примере т. н. «дела Петрика».

Участники скандала. Борис Вячеславович Грызлов⁵⁰ (15 декабря 1950, Владивосток) — российский государственный и политический деятель. Министр внутренних дел России (2001–2003). Председатель Государственной Думы Российской Федерации четвёртого и пятого созывов (2003–2011). Председатель Высшего совета партии «Единая Россия» (2002–2011)⁵¹. В 1973 году — окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича (ЛЭИС) по специальности «радиоинженер». Был активным членом комитета комсомола, комиссаром стройотряда. До августа 1991 года — член КПСС. В мае 2001 года Грызлов защитил диссертацию по теме «Политические партии и российские трансформации. Теория и политическая практика» (философский факультет СПбГУ), получив степень кандидата политических наук. Примечательно, что, будучи на протяжении долгого времени одним из первых лиц государства, сразу после прекращения карьеры в Госдуме Грызлов полностью исчез из информационного поля⁵².

Виктор Иванович Петрик⁵³ родился в 1946 году в селе Карповцы Житомирской области. В 1975 году заочно окончил факультет психологии Ленинградского университета. Ещё до учёбы в университете Петрик проводил массовые сеансы

⁵⁰ <http://ru.wikipedia.org>

⁵¹ Там же.

⁵² <http://ru.wikipedia.org>

⁵³ Там же.

гипноза. Работал научным сотрудником НИИ им. В.М. Бехтерева.

В конце 1982 года Петрик был арестован за покушение на разбойное нападение на квартиру и был осужден на 11 лет лишения свободы с конфискацией имущества по 13 статьям Уголовного кодекса РСФСР. В январе 1989 года был освобожден условно-досрочно. С начала 1990-х годов являлся генеральным директором и единственным учредителем ООО «Инкорпорация 4Т», которая занималась выращиванием искусственных гранатов, аметистов и других минералов для ювелирной промышленности по технологии, разработанной в Государственном оптическом институте. В 1997 году Петрик стал академиком Российской академии естественных наук (РАЕН) (однако академиком РАН Е.Б. Александровым также сообщалось, что справочник РАЕН 2000 года о нём молчит). В начале 2000-х — генеральный директор ЗАО «Инфпро» фонда президентских программ, директор департамента стратегических исследований Академии национальной безопасности России. Одновременно он является владельцем и научным руководителем ООО «Холдинг «Золотая Формула».

Сообщается, что он якобы открыл формулу беспроигрышной игры в казино, сделал открытия в области изготовления сверхтонких экранов, изобрёл наноаккумуляторы для автомобилей, способ приведения в движение транспортных средств, не требующий наличия источников энергии, создал вечно вращающийся цилиндр, не потребляющий энергии, а также построил подземную «пирамиду Хеопса», излучающую лучи, которые продлевают жизнь человека до 140 лет.

На следующий день после присуждения Нобелевской премии по физике Константину Новосёлову и Андрею Гейму за новаторские эксперименты по исследованию двумерного материала графена (6 октября 2010 года) Петрик в интервью «Единому российскому порталу» (копирайт сайта принадлежит партии «Единая Россия») заявил, что именно он, а не Гейм и Новосёлов, является первооткрывателем графена (или правильнее — «углеродной смеси высокой реакционной способности — УСВР»). Петрик заявил: «Что касается решения Нобелевского комитета по награждению за открытие графенов, то я документально могу доказать, кому

в действительности это открытие принадлежит». В эфире телеканала РЕН-ТВ Андрей Гейм прокомментировал высказывания Петрика: «Нобелевская премия была дана не за открытие графена, которое сделали не Петрик (если я не ошибаюсь, имя этого человека Петрик), не Остап Бендер. В 1918 году люди уже знали, что такое термически расширенный графит. Мы же сделали из него приборы. Мы показали, что этот материал обладает уникальными свойствами, и мы привлекли внимание всего мирового сообщества к этому материалу. И премия нам дана не за открытие графена, а за открытие удивительных свойств этого материала»⁵⁴.

Академическое воздействие. Дискуссии ученых РАН с изобретателем В. Петриком постоянно носили скандальный характер, но первоначально СМИ не придавали этому особого значения. Все началось в мае 2003 г., когда газета «Санкт-Петербургские ведомости» поместила статью «Служение на благо России», в которой автор А. Бондаренко восхитился гениальным ученым, сравнив последнего с Леонардо да Винчи.

Проекты В. Петрика вскоре стали известны, получив все же двусмысленные признания от специалистов. Часть ученых РАН (академики В.М. Новоторцев и М.В. Алфимов) одобрила энергию и таланты изобретателя, другая (академики Е.Б. Александров, Э.П. Кругляков и другие) высказались резко против.

Сам список «инновационных открытий» В.И. Петрика оказался довольно широким, но особую известность и, естественно, скандальность приобрел метод очистки жидких радиоактивных отходов и способ удаления трития из тяжелой воды, а также промышленное производство наноуглеродных материалов, в частности — графенов. В условиях, когда открытие этого человека поддержал спикер тогдашней палаты российского парламента Б. Грызлов, лабораторию В. Петрика посетила делегация РАН (июнь 2009 г.).

Заметим, что несколько ранее (2007 г.) партия «Единая Россия» решила заняться проблемой питьевой воды, которая по качеству была признана чрезвычайно плохой, а иногда и опасной для здоровья. На организованном тогда кон-

⁵⁴ <http://ru.wikipedia.org>

курсе победил ООО «Холдинг «Золотая Формула» с фильтрами, патент на которых был у В. Петрика и Б. Грызлова, что, по мнению некоторых СМИ, сыграло решающую роль в состязании номинантов.

Но это было лишь начало крупного скандала. Информационный взрыв произошел лишь тогда, когда в процесс обсуждения фильтров вмешался Б. Грызлов. Последний посчитал, что Академия наук препятствует инновациям. «К сожалению, многие инициативы встречают преграды на своем пути в виде Академии наук и бюрократии. Я знаю, что в Академии наук даже есть отдел по лженауке, — заявил Грызлов. — Меня этот факт очень удивляет — как они могут брать на себя ответственность и говорить, что является лженаукой, а что — нет? Это — мракобесие какое-то».

Далее события развивались следующим образом. Изобретатель, член РАЕН В. Петрик — создатель водных фильтров для программы «Чистая вода», планируемой «Единой Россией», обиделся и подал в суд на ряд российских изданий, освещавших критику его изобретения. Специально же созданная Президиумом РАН комиссия (не путать с постоянно действующей Комиссией по борьбе с лженаукой, хотя ее председатель Э.П. Кругляков входил в первую) вынесла следующий вердикт изобретениям Петрика: «К лженауке это не имеет отношения», а «деятельность В.И. Петрика лежит не в сфере науки, а в сфере бизнеса и изобретательства».

Судебные разбирательства. 8 февраля 2010 года в интервью журналу «Итоги» Петрик обвинил Комиссию по борьбе с лженаукой в «беспрецедентном хамстве и грубости» и некомпетентности, а ее председателя академика Круглякова — в «крайне ограниченной научной эрудиции». Он заявил: «Не сомневаюсь, что грязная история комиссии по лженауке рано или поздно закончилась бы и без меня. Вопрос только в том, сколько еще человеческих судеб было бы исковеркано, сколько талантливых ученых покинули бы Россию. Пришло время остановить этот позор: мое дело станет последней стадией в деятельности этой комиссии»⁵⁵.

Дело не ограничилось заявлением сторон. В мае 2010 года В. Петрик обратился с иском о защите деловой репутации

⁵⁵ Итоги. 2010. 8 февраля. №6.

к нескольким российским СМИ в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, который в декабре частично удовлетворил его иск⁵⁶. В итоге, как сообщили представители Петрика, было принято решение о том, что издания «Росбалт», «Комсомольская правда» и «Новая газета» должны выплатить истцу по 200 тысяч рублей, а также опубликовать опровержения на своих полосах. При этом, решение не устроило ни одну из сторон. Журналисты настаивали на том, что опубликованные ими данные являются достоверными, Петрик, в свою очередь, просил суд о большей компенсации — более 21 миллиона рублей.

Примерно в то же время (май 2010 года) Петрик обратился в Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга с иском о защите чести и достоинства против ряда СМИ. Согласно редакции агентства «Росбалт», журналист О. Кашин собирался свидетельствовать на заседании суда о предложении взятки от Петрика. Кроме того, агентство утверждало, что в электронной переписке с агентством Кашин сообщил об угрозах, полученных им от Петрика во время интервью.

7 июля 2010 года Общество защиты прав потребителей «Общественный контроль» подало исковое заявление в суд против производителя — ООО «Холдинг «Золотая Формула» и продавца — Международного потребительского общества «Золотая Формула Мегapolis», принадлежащих Петрику, в котором требовало признать производство и реализацию фильтров «Золотая формула ZF-МЧС» противоправным и запретить их производство и реализацию на территории Российской Федерации.

Иск подан на основе результатов независимой экспертизы, проведенной Аналитическим центром контроля качества воды ЗАО «РОСА» и показавшей, что при фильтровании природной воды и воды, загрязненной некоторыми металлами, ресурс фильтров оказался более чем в десять раз меньше указанного производителем, а очистка воды от активного хлора и типичных органических загрязнителей, вопреки рекламе, не происходит. Кроме того, использованный в течение некоторого времени для очистки загрязненной

⁵⁶ Подборка судебных материалов собрана из Википедии (свободная энциклопедия): <http://ru.wikipedia.org/>

воды фильтр делает пропущенную через него чистую воду непригодной для употребления. По сообщению Общества, 13 декабря 2011 г. Перовский районный суд г. Москвы принял решение об удовлетворении исковых требований Общества защиты прав потребителей и признании противоправными действий ответчиков, выраженных в производстве и реализации фильтров для воды, содержащих на этикетке аббревиатуру «МЧС», фамилию «Шойгу» и Государственный флаг Российской Федерации.

Судебный процесс против ООО «Холдинг «Золотая Формула» и Международного потребительского общества «Золотая Формула Мегapolis» (производителей фильтров для воды, разработанных Петриком) длился три года. В ходе разбирательства истец по делу, Общество защиты прав потребителей, в августе 2012 г. опубликовал доказательные результаты судебной экспертизы вышеупомянутых бытовых фильтров, которые позиционируются как флагман всей линейки, разработанной Петриком: «Полученные результаты в очередной раз подтвердили неэффективность этих фильтров». Сам Виктор Петрик, проиграв дело, претензии к своей продукции посчитал несостоятельными⁵⁷.

В октябре 2010 года Кировский районный суд Петербурга принял к рассмотрению иск Петрика о защите деловой репутации к академикам РАН Александрову, Захарову и Круглякову, а также к Н. Ахаяну и директору НИТИОМ К. Дукельскому. Петрик обвинял ответчиков в том, что они, распространяя недостоверную информацию о его изобретениях, нанесли ему существенный материальный ущерб. Сумма искового требования В. Петрика составляла 1 миллиард рублей. Как пояснил корреспонденту «Фонтанки» сам истец, сумма была выбрана исключительно из психологических соображений. «Моя цель не получить деньги, а восстановить истину. И я добьюсь того, что будет создана комиссия, и желательна международная комиссия, которая восстановит моё доброе имя. А деньгами я Академию просто пугаю», — сказал Петрик. В 2012 году суд отказал ему в удовлетворении требований.

⁵⁷ Миронов В., Красников Е. «Фильтры Петрика» выводят на чистую воду. Московский комсомолец. 2012. 14 августа.

В апреле 2011 г. гражданский иск к Петрику за причинение морального вреда на сумму в 2,5 миллиона рублей был уже подан академиками РАН Э. Кругляковым и Е. Александровым в Пресненский районный суд Москвы. Учёные утверждали, что Петрик регулярно оскорбляет их в своих выступлениях и является организатором «массированной информационной атаки» против академиков. Истцы в своём заявлении указали, что Петрик называл их «диверсионной группой», которая спонсируется американцами для того, чтобы «разрушить нашу науку». В июне 2012 года суд удовлетворил иск и постановил выплатить каждому из истцов по 20 тысяч рублей.

Некоторые итоги. Скандал с проектом В.И. Петрика довольно отчетливо высветил ситуацию, когда заведомо необоснованное и некомпетентное исследование, с предполагаемыми тратами в случае его использования в сотни миллиардов рублей, поддерживается активистами правящей партии и публично признается верным, а серьезные возражения скептиков не принимаются во внимание. Ситуация абсурдна, но вполне объяснима.

Академик РАН Э.П. Кругляков, первый председатель Комиссии по лженауке, оценил нынешнюю ситуацию следующим образом: «Что можно сказать про сложившуюся в стране ситуацию? Если высокопоставленные чиновники по своему разумению будут разбазаривать средства, минуя серьезную научную экспертизу; если «Роспатент» будет продолжать выдавать патенты на любой бред, даже «вечные двигатели», исходя из принципа «деньги не пахнут»; если СМИ будут продолжать политику оболванивания народа, а образование будет хиреть и чахнуть, не будет у нас никаких прорывов в нанотехнологиях, ни в чем бы только ни было еще; власть должна уважать науку не только на словах!»⁵⁸

⁵⁸ Кругляков Э.П. Вместо предисловия // В защиту науки. Бюллетень № 6. 2009. С. 20.

3. Идеологический скандал

Ранее, при попытке типологизировать скандалы в сфере науки (напомню, их насчиталось пять, условно различающихся друг от друга), выделяется тип скандалов на чисто идеологической основе (третий случай). В научной сфере в последнее время это довольно редко встречающийся феномен. Тем не менее, бывает и так, что результаты научных изысканий, становясь доступными в публикациях, в докладах на научных форумах, кому-то по тем или иным причинам категорически не нравятся.

Несогласные «реагируют с различной степенью возмущения на недопустимую, как им кажется, выходящую за рамки, неполную или причиняющую вред интерпретацию данных. До этого исследования были защищены исследовательской культурой, которая санкционировала как процесс анализа, так и громкие теоретические достижения, к которым приближается исследование. Право принятия решения относительно анализа, обсуждаемого изрядной долей эмоций, может быть, как полагают, защищено любой ценой. Однако появляются признаки изменения. Не только участники на деле отклоняют заклеянные социальные рамки, в которые они втиснуты — марксистский угнетатель, инвалид, безработный, бедный или из третьего мира, — но они ставят под вопрос и тот авторитет, который таким образом их распределил. Такие реакции, без сомнения, разжигаются растущим осознанием того, что «чистая» наука является утопическим сном и что вместо этого имеются ценности, интерпретации, мнения и неизбежно — политика».

Характеристика создавшегося положения в конце прошлого века, вероятно, была присуща всем социальным наукам, однако для российской действительности она, по видимому, выглядит несколько смягченной. Тогда ярко процветали разнообразные фобии, где в десятке наиболее популярных существовало резкое неприятие инакомыслия, идеологического в первую очередь.

В общем-то идеология, заметим, является главной составной частью целого, то есть мировоззрения, которое не может быть неидеологичным, но должно быть неидеологизируемым. Тут важно рассматривать отдельно понятие

«идеологичность», которое предполагает существенное значение идеологии в обществе, ее алгоритмизм; второе же понятие «идеологизированность» означает абсолютизацию какой-либо одной идеологии по отношению к другим.

После этих предварительных замечаний приведем запоминающееся событие конца прошлого столетия. Это был период, характеризующийся острой конфронтацией различных политических сил, когда многим неожиданно пришлось стать свидетелями скандала в научном сообществе, а в их числе — скандала, затронувшего отечественных социологов страны.

Тогда в одной из центральных газет появилось выступление известного социолога, обвинившего другого в подготовке идеологии российского национал-социализма с целью установления в стране диктатуры, что было, мягко говоря, неожиданным. В общем, «и имя идеолога назвал, и заговор раскрыл».

Сразу же следует оговориться, что тогдашний скандал, в отличие от нынешних, не содержал в потенции, как это ныне повелось, каких-либо материальных целей и выгод.

Обиженный, согласно общепринятой практике, оценил статью по содержанию как порочащую его честь и достоинство. Были приведены аргументы типа: «действиями ответчика мне причинен моральный ущерб. Считаю, что обвинения в насаждении и распространении мною идеологии и практики национал-социализма не соответствуют действительности».

Судья Фрунзенского района г. Москвы, по-видимому, потерялась и, рассмотрев аргументы сторон, пришла к выводу, что предмет для судебного разбирательства отсутствует. Политические и научные вопросы, по ее мнению, должны рассматриваться властями и самими учеными, и она предложила сторонам прийти к соглашению, т. е. примирению.

Истец заявил, что согласен, но ставит условием публичное извинение со стороны ответчика. Было ли это условие впоследствии выполнено, неизвестно.

Описываемый случай напоминает нам: следует не забывать, что идеология часто навязывает тотальную рефлексивность и подводит к тому, что человек может снять свою ответственность за собственные слова.

В самом начале описания этого знаменательного случая мы все же отметим сравнительную редкость скандалов, основанных на идеологических разногласиях. В научной среде это отчасти объясняется пониманием всей деструктивности и при определенных условиях несомненной опасности явления, которого по мере возможности необходимо решительно избегать.

4. Наука и власть

«Дело Петрика» ставит вопрос о взаимодействии бюрократии и ученых. Отметим прежде всего функциональные различия этих социальных групп. Бюрократия по своей сути и по положению в системе властей представляет собой группу, вырабатывающую те или иные решения, приказы и следящую за их выполнением, т. е. подчинением со стороны других групп. Иногда стремление к подчинению сопровождается желанием покровительствовать, но лишь в том случае, если подчинение все же происходит.

Ученые как группа соединены по совершенно другому принципу — свободы творчества. Эта особенность чаще и прежде всего присуща исследователям так называемых естественных наук. Для них господствующие идеологические воззрения не имеют особенного смысла, поскольку не совпадают со стремлением постичь истину. Что касается властных требований со стороны «внешней» бюрократии, то последние чаще всего выполняются неохотно и с известной долей скептицизма.

По целевым функциям различия еще более заметны. Бюрократия требует в основном осязаемых и зримых результатов. Этот принцип был изложен еще М.Е. Салтыковым-Щедриным, хорошо понимающим еще тогда суть дела: градоначальник обязан насаждать науки. Это так. Но и в сем разе необходимо дать отчет, какие науки? «Науки бывают разные: одни трактуют об удобрениях полей, о построении жилищ человеческих и скотских, о воинской доблести и непреодолимой твердости — сии суть полезные; другие, напротив, трактуют о вредном франкмасонском и якобинском вольномыслии, о некоторых якобы природных человеку по-

нятиях и правах, причем касаются даже строения мира — сии суть вредные».

Ученые, хорошо понимая свою зависимость от бюрократии, в какой-то степени приспособляются к ее примитивизму, излагая свои научные интересы на языке государственных чиновников. «Наука — как отмечает Ю. Батурин, — рефлексивным образом переводит высшие интересы в поиске истины на понятный власти язык интересов государства». И далее признает, что власти также нельзя отказать в рефлексии, однако этот ранг рефлексии заведомо ниже ранга рефлексии науки в силу особой ее природы (Сила есть — ума не надо)⁵⁹.

Существующие, впрочем, проявляющиеся и ранее противоречия между бюрократией, как олицетворением власти, и учеными неизбежно приведут к конфликтам, сопровождаемым громкими скандалами. Так, в 1967 году Л.И. Брежнев рекомендовал Академии избрать своего друга, заведующего отделом ЦК КПСС, С.П. Трапезникова; член-корреспондент, историк по образованию, он был специалистом в области политики партии и коллективизации. В то время как обществоведы на собрании своего отделения поддержали претендента, на следующем этапе общего собрания «естественники» в своем большинстве отказали в избрании. Репрессии не последовали, а Л.И. Брежнев в ответ на тревожное сообщение президента РАН М. Келдыша заявил: «Ну и что? Я ведь тоже не академик»⁶⁰.

Подобные события повторялись, причем «обиженные» Академией становились не только критиками этого учреждения, но и открытыми недоброжелателями, а иногда и мстителями. Этот вывод, разумеется, юридически недоказуем,

⁵⁹ Батурин Ю. Ученым сказали прямо: Вы нам не нужны // Новая газета. 2013. 16 октября. Работа содержит материал, посвященный скандальному закону, касающемуся РАН, принятому Думой в сентябре 2013 г. В этой статье определены основные противоречия между наукой и властью, сложившиеся на данном отрезке времени. Автор считает, что реформа науки является одной из звеньев общего процесса, т. е. идет по Щедрину: «Выпустил реформу — довольно, ставь точку; потом, спустя время, опять выпустил реформу и опять точку ставь. И так далее, пока не исполнятся неисповедимые божьи пути».

⁶⁰ Дилетант. 2013. № 9. С. 41.

он может заинтересовать лишь психоаналитиков, которых нынешний министр науки и образования на порог своего учреждения, конечно, не допустит. Но в академических кругах считают, что г. Ливанов в 2003 г. был провален еще на промежуточном этапе выборов в члены-корреспонденты в отделении физических наук РАН, получив лишь два голоса «за», а остальные — против⁶¹.

А. Кожевников, историк науки, профессор Университета Британской Колумбии в беседе с корреспондентом журнала «Эксперт» на вопрос: «Насколько серьезными были конфликты между Академией и властью раньше?» — ответил следующим образом. — «С 1918 по 1932 год советское правительство несколько раз пыталось относительно насильственными методами реформировать Академию наук. Поскольку Академия была самоуправляемой организацией, распустить ее было нельзя. Поэтому советская власть пыталась разбавить ее ряды своими выдвиженцами, в том числе близкими к практике инженерами. Но голосовали за прием все равно академики, и государство использовало для продвижения «своих» путем создания новых институтов и штатных мест. Но это не всегда гарантировало успешность. Даже Курчатова выбрали с большим скандалом. Его тогда уже назначили руководить ядерным проектом, под него специально создали лабораторию и место. Но академики прокатили Курчатова на выборах. После чего пришлось создавать еще одно место. С 1960 года Академия перестала вступать в какие-либо конфликты с властью»⁶².

Интервьюированный эксперт, упоминая о скандале с выбором Курчатова в академики, ошибся в одном. Скандалные «прокатывания» видных представителей властных структур продолжались вплоть до наших дней. Уточняя А. Кожевникова, напомним, что когда руководство ВКП(б) решило укрепить свое влияние в Академии, то выдвинуло в Академию восемь видных и влиятельных партийцев: Н. Бухарина, И. Губкина, Г. Кржижановского, М. Покровского, Д. Рязанова, А. Деборина, Н. Лукина и В. Фриче. На общем собрании в январе 1928 года действительными чле-

⁶¹ Эксперт. 2013. № 27. 8-14 июля. С. 14.

⁶² Эксперт. 2013. № 27. 8-14 июля. С. 20.

нами были избраны лишь пять из них. Разразился скандал, поскольку газеты и журналы оценили итоги выборов как буржуазные происки и требовали вследствие этого факта реорганизовать Академию.

В послевоенный период Академия неоднократно испытывала давление со стороны партийного руководства, а затем и российского истеблишмента. Академик Г.В. Осипов насчитал семь «походов на Академию» с целью устранить ее «советизм», поделить ее значительное имущество (приблизительно 1,5-2 триллиона рублей)⁶³. Разумеется, ученые оказали сильное сопротивление, но осенью 2013 года они потерпели поражение, согласившись лишь с некоторыми уступками со стороны победителей. В советское и в постсоветское время скандалы постоянно сопровождали непростые отношения властей и научных работников. Суть противоречий была в различающихся целях и функциях этих групп.

5. Плагиат

Мы уже не раз отмечали, что скандал можно рассматривать как позорящий его участников и получивший общественный резонанс случай, что он возникает в самых различных областях человеческой деятельности. Более того, в последнее время скандал стал неотъемлемой частью научной среды, а его воздействие даже после критической оценки оказывается функциональным и амбивалентным по своей сути.

Прежде чем приступить к анализу научных скандалов, связанных с плагиатом и привлечших в последнее время заостренное внимание не только самого научного сообщества, но и широкой российской публики, включая властные структуры, необходимо сделать два предварительных обобщения.

Во-первых, скандалы, связанные с научным плагиатом, свидетельствуют о крайне негативной ситуации в общественной нравственности в целом. В то же время нельзя не отметить их явную функциональность, проявляющуюся

⁶³ Осипов Г.В. Академия наук — три века служению отечеству. М.: ИСПИ РАН. 2013. С. 208-282.

в диагностике непорядка (сигнальная функция) и в констатации необходимости реформы системы (очищающая функция)⁶⁴.

Во-вторых, скандалы в науке чаще всего связаны именно с плагиатом. Разумеется, существуют другие разнообразные формы нарушений научной этики — от прямой фальсификации статистики у экономистов и социологов, идеологической ангажированности у политологов, искажения фактов у историков до искусственно построенных умозаключений, политических ухищрений.

Плагиат же можно рассматривать и как одну из форм такого феномена, как обычный обман. В этой связи сошлемся на работу Д.И. Дубровского, где можно обнаружить полное неприятие обмана в науке. «Обман в науке, — пишет автор, — особенно нетерпим, ибо наука образует своего рода базис объективности во всей системе духовной культуры. Поэтому рост числа обманов в этой сфере деятельности говорит о серьезном падении нравов, негативно сказывается на всей системе духовной деятельности»⁶⁵.

В научной среде традиционно подходили к скандалу как к неприятному событию, которое надо предотвратить либо умолчать, скрыть. В отличие от других сфер (политической, коммуникационной, тем более театральной и кинематографической), в науке скандал абсолютно нелегитимен, поскольку он как бы выбрасывает исследование в бесцельность, коммуникативный хаос. Именно по этой причине весенние скандалы 2013 г., связанные с деятельностью по защите кандидатских и докторских диссертаций, не ограничились чисто научной сферой и довольно быстро обрели признаки информационного взрыва.

*Случай Ф. Шамхалова*⁶⁶. Председатель Высшей Аттестационной комиссии (ВАК) Феликс Шамхалов был арестован

⁶⁴ Гусейнов А.А. Аксиология скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 28-54.

⁶⁵ Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон. 2010. Автор, осуждая обман в научной деятельности, упорядочил и оценил другие проявления этого явления (самообман, полуправда, добродетельный обман и др.).

⁶⁶ Более подробно см. Дмитриев А.В. Аксиология научного скандала // Власть. № 6. 2013. С. 21-24.

в феврале 2013 г. по обвинению в мошенничестве в особо крупных размерах. Скандалность ареста заключалась не столько в деятельности на поприще предпринимательства, сколько в статусно-научных должностях, которые он занимал, а также чрезвычайной легкости, с которой он получал ученые степени и звания.

Разумеется, скандальная история обычно запускается не отдельным индивидом, а его коллегами, сторонниками, недругами, завистниками. В таком варианте эффект взорвавшейся бомбы сначала произошел в профессиональном обществе, где люди довольно открыты и компетентны в оценке сложившейся ситуации. Достаточно быстро (февраль того же года) проблема перешла в массовый формат — скандалом заинтересовалось большинство населения. Он нарушил привычную рутину событий, резко повысив степень востребованности информации относительно той части всей социальной системы, которая касается научных исследований.

Участники. В первую очередь скандал в той или иной степени затронул множество людей — носителей научных званий и степеней. Вначале дело ограничилось рассмотрением диссертаций, защищенных в Московском государственном педагогическом университете, где обнаружился массовый плагиат. Наказание последовало незамедлительно, ученые степени провинившихся были аннулированы. Далее последовал эффект «снежного кома», поскольку многие пользователи Интернета занялись чрезвычайно увлекательным делом — поиском плагиата у своих знакомых, сослуживцев, начальников.

Средства массовой коммуникации немедленно подключились к обличительной кампании. Список мнимых и реально существующих плагиаторов стал быстро расти, насчитывая сотни людей. В нем ожидаемо обнаружилось многие известные политики и бизнесмены.

Информационный взрыв. Общая напряженность, характерная для российского социума, как следствие множества противоречий является постоянным испытанием для морального состояния многих людей. Причудливое сочетание этих противоречий рано или поздно должно было привести к конфликту. Конфликт в таких случаях не только неиз-

бежен, но и чрезвычайно масштабен, представляя по сути коммуникативно-информационный взрыв.

Обычно в наиболее широком контексте вычленяются три типа скандалов: скандал как столкновение репрезентативных идей, скандал как стратегия творческого поведения и, наконец, как форма межличностного общения⁶⁷. Если обратиться к случаю, связанному с написанием, защитой и утверждением научных степеней, то обнаруживается некая новизна ситуации. Стало очевидным, например, что нынешнее медийное поле радикально изменило природу скандала, научного в том числе. Так, благодаря Интернету сведения о вопиющих нарушениях в процессе защит и утверждений диссертаций стали достоянием широкой публики. Кроме того, воздействие Интернета и СМИ оказалось настолько мощным, что превратило в общем-то частный случай в скандал общероссийского масштаба, приобретший характеристики всех трех типов, упомянутых выше.

Скандал оказался проявлением конфликта, развивающегося в условиях массового участия акторов публичности. Участниками конфликта неожиданно стали группы и отдельные личности, имеющие лишь косвенное отношение к научной деятельности.

Позиция министра. На волне драматического действия лидерские позиции занял нынешний министр образования и науки Дмитрий Ливанов. В круг его обязанностей, помимо рутинных, входит наведение порядка в присвоении ученых степеней, исполнение закона «Об образовании», а также выявление «неэффективных вузов и их сокращение». Естественно, что на этом пути, намеченном его предшественником несколько лет назад, министр встретил ожесточенное сопротивление. Мы же, оставляя в стороне попытки реформирования системы образования, чрезвычайно конфликтогенные по своей сути и затрагивающие интересы больших социальных групп, а также испортившиеся отношения с Академией наук РФ, заметим: скандал с выявлением плагиата в уже присужденных ВАКом диссертационных работах сразу же обнаружил уязвимость позиций чиновников.

⁶⁷ Семиотика скандала. М.: Европа, 2008. С. 11.

Получилось так, что оправданное со всех точек зрения благое намерение упорядочить деятельность диссертационных советов, превращающих рядового чиновника в квалифицированного специалиста, бумерангом ударило по всем институтам управления и по министерству, в частности.

Позиция премьера и «Единой России». Скандал с диссертационным содержанием деятельности ВАК был настолько заметным, что в событие вмешался премьер-министр страны. Д. Медведев, узнав о публикациях и материалах Интернета по поводу Ф. Шамхалова и об отказе от утверждения некоторых диссертаций, в которых был обнаружен плагиат, публично посетовал, что происходит слишком много защит некачественных работ. Далее он продолжил свои размышления в беседе уже с вновь назначенным председателем ВАК В. Филипповым. Затем события развивались стремительно.

В апреле 2013 г. И. Лебедев (ЛДПР), пострадавший от системы «Антиплагиат», во время отчета премьера перед Государственной Думой потребовал отставки Д. Ливанова. Дмитрий Медведев решительно отказал оратору следующим образом: «Министр не рубль, чтобы всем нравиться...». Для крупнейшей политической партии события, связанные с диссертационным плагиатом, оказались весьма неприятными. Мало того, что она очутилась в двойственном положении: с одной стороны, ее лидер защищает министра своего кабинета, и это надо непременно учитывать, а с другой — этот же министр задел личные интересы многих из них, когда потребовал предать гласности тексты всех диссертаций чиновников, составляющих костяк партии.

Проблема заключается в том, что, по подсчетам оппозиции, 60 (из 87) руководителей российских регионов имеют научные степени. Большинство из высокопоставленных работников МВД также имеют степени кандидата и доктора юридических наук. Всего из 550 высших федеральных чиновников 274 (половина) также имеют степени⁶⁸.

Претензии оппозиционных партий. 22 февраля 2013 года руководители трех фракций Госдумы (КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия) направили письмо Президенту РФ В.В. Путину, содержащее следующий посыл: «В ходе обсуждения

⁶⁸ Экономическая и философская газета. №10-11. 2013. Март.

отчета представители всех четырех фракций Госдумы дали негативную оценку деятельности Министерства образования и науки РФ за отчетный период». И далее: «Считаем, что Д.В. Ливанов не должен более возглавлять Министерство образования и науки. Просим Вас рассмотреть вопрос о целесообразности его дальнейшей работы в качестве министра и предпринять в связи с этим необходимые шаги».

Некоторые наблюдатели посчитали, что Д. Ливанов виноват лишь в том, что продолжил дело, начатое его предшественником А. Фурсенко, досидевшим в кресле министра до плановой отставки всего кабинета после президентских выборов. Реализация закона «Об образовании», курс на сокращение числа вузов путем выявления среди них неэффективных, наведение порядка в процедуре присвоения ученых степеней — все эти реформы, которые реализует Дмитрий Ливанов, в 2005-2007 гг. занимавший пост замминистра, были задуманы, спроектированы или хотя бы запущены при прежнем главе ведомства.

Некоторые итоги. Диссертационная безнравственность российского чиновничества стала открыто обсуждаться. Это, по сути дела, был первый результат разразившегося скандала. Оказалось, что часть политиков и чиновников повинны либо в плагиате, либо в использовании труда подчиненных, а иногда — в том и другом.

Другой вывод можно сделать и из практики напряженных взаимоотношений между наиболее активной интеллектуальной частью общества и властями. Хотя рассмотренный выше скандал стал частным случаем, его последствия в условиях публичности можно считать фатальными. Многие участники скандала потеряли образ благопристойных и порядочных людей, оказались перед выбором путей восстановления и ожиданием периода, когда скандал будет наконец исчерпан или несколько позабыт.

Участниками скандала стали знаковые фигуры, поэтому, несмотря на взрывной характер события, можно рассчитывать не только на его сравнительно длительное существование, но и на очистительную («санитарную») функцию. Кроме того, чисто прагматическое значение имеет и ряд мер, призванных изменить работу Министерства образования и науки. Как следствие, в апреле 2013 г. была опубликована

так называемая дорожная карта ВАК, для публичного обсуждения Концепции модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации в Российской Федерации.

Основные положения Концепции так или иначе уже озвучивались первыми лицами Минобрнауки и Высшей аттестационной комиссии. Некоторые важные акценты счел необходимым расставить в своем выступлении перед депутатами Госдумы и председателем правительства. По его словам, работа по оптимизации сети диссертационных советов и все прочие мероприятия, которые этому предшествуют, должны быть завершены к марту 2014 г. (то есть следует навести в этой сфере порядок и прежде всего избавиться от негатива). Главная задача мероприятий — переместить основную ответственность за присуждение ученых степеней на уровень диссертационных советов, а также ВУЗов и НИИ, при которых они созданы. С этой целью Минобрнауки планирует заключать трудовые договоры с руководителями организаций, на базе которых создаются диссертационные советы, направленные на обеспечение их деятельности. Будет разработан и принят Этический кодекс члена диссертационного совета, а участие в его работе станет обязанностью научно-педагогических работников, что тоже будет отражено в трудовом договоре. Как полагают, это повысит репутационную ответственность всех вовлеченных в процесс подготовки и защиты диссертаций.

Сами диссертации теперь нужно заранее публиковать в сети Интернет, и там же, за два месяца до защиты, — отзывы оппонентов, ведущей организации и развернутое заключение экспертов по результатам проверки работы через систему «Антиплагиат». Только при соблюдении таких условий кандидатские или докторские диссертации могут быть допущены к защите.

Среди других ранее обсуждавшихся мер — 10-летний срок давности для принятия решений о лишении ученых степеней в случае выявления серьезных нарушений нормативно-правовой базы при проведении аттестации, а также в случае некорректных заимствований. Вводятся более жесткие требования и для членов экспертных советов, которые есть и будут сохранены при Высшей аттестационной комиссии.

Один и тот же человек может состоять в таком совете не более четырех лет подряд, ежегодная ротация — не менее чем на 25%. И, что самое «революционное» для ВАКа, вводятся процедуры открытого номинирования в состав экспертных советов, включая обсуждение в Интернете с возможностью добавления новых кандидатур.

Возможно, эти меры несколько изменят сложившуюся ситуацию с присуждением ученых степеней, но все же, при оценке многих других мер, которые неоднократно предпринимались ранее, напрашивается другой вывод. В России, как и в других пространственных странах, ударная волна скандала неизбежно будет затухать по мере продвижения от Москвы к регионам. К тому же, как мы уже отмечали, скандал бывает более или менее кратковременным. Все замешанные персонажи рано или поздно восстановят свою репутацию, хотя, возможно, и не в полной мере. Перспектива в результате кажется неутешительной: традиционные нравственные нормы, свойственные научной сфере, в конечном итоге приспособятся к ментальности российского чиновничества.

Скандалы продолжаются. К лету 2013 г. вопрос о плагиате членов Госдумы снова обострился в связи с рассмотрением этим органом закона о реформе РАН. 14 сентября 2013 г. Общество научных работников опубликовало обращение, в котором депутатам, уличенным в отступлении от принципов этики, предлагалось досрочно и добровольно сложить с себя полномочия, а Минобрнауки — лишить плагиаторов их научных степеней. Количество депутатов, замеченных в «некорректных заимствованиях» в текстах своих диссертаций, составило 25 человек; под обращением же подписались 1150 ученых, в том числе 4 академика, 19 членов-корреспондентов, 383 доктора и 760 кандидатов наук.

Скандал заключался не столько в придании публичности этого обращения (размещение на сайте Общества научных работников), сколько в реакции разоблаченных депутатов. По их инициативе Петербургская прокуратура, точнее, ее отдел по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики и охраны природы пригласила профессора А. Фрадкова (сопредседатель Общества) на «совещание для дачи письменной информации». В ответ на этот в общем-

то сомнительный с юридической точки зрения документ оба сопредседателя Общества направили Генпрокурору РФ Юрию Чайке письмо, в котором признают запрос о явке неправомерным.

Случай с попыткой привлечения ученых к ответу немедленно получил огласку в СМИ. Кроме того, поддержку Фрадкову, в том числе юридическую, оказало сообщество «Диссернет» (на основе экспертиз которого ОНР и готовило свое обращение), рассказал «Новой газете» один из его основателей А. Заякин.

«В связи с обращением Игоря Лебедева, — сообщил Заякин, — мы опубликуем дополнительные подробности о его диссертации, степень наглости заимствований в которой превосходит всякие ожидания. Он сам создал информационный повод, спасибо ему за этот сеанс саморазоблачения»⁶⁹.

Итоги разрешения скандалов, связанных с вскрытием плагиата в диссертациях, так же, как и скандалов в системе образования, можно с достаточной уверенностью отнести к социально-конструктивным явлениям. Произошло некоторое обновление организационных структур (профильное министерство, Высшая аттестационная комиссия), несколько изменилась практика присуждения ученых степеней. В то же время эти скандалы в какой-то степени обесценили не только существующие эталоны высшего образования, но и поставили под сомнение репутацию российской науки как социального института.

В середине января 2014 года согласно приказу, подписанному замминистра образования и науки, была приостановлена деятельность 602 диссертационных советов. Количество скандалов в связи с этим явно увеличится и усилится их интенсивность, тем более что данное решение характеризуется быстротой и информационным бойкотом со стороны министерства⁷⁰.

⁶⁹ Плагиат огрызается // Новая газета. 2013. 16 октября.

⁷⁰ Российская газета. 2014. 15 января.

ФИЛОСОФИЯ И СКАНДАЛ

1. Возвращение к истокам

Тема скандала в философии имеет множество измерений. Многие учения, прежде чем стать признанной классикой европейской мысли, воспринимались обществом как покушение на святыни, а отдельные положения ряда известных теорий сохраняют оттенок скандальности до сих пор. Нередко скандалами отмечена и жизнь философов: при этом если одни философы оказывались в их центре помимо своего желания, то другие, напротив, сознательно провоцировали скандалы, пытаясь шокировать публику. В какой-то мере и сама философия, несмотря на все попытки придать ей респектабельность, была и продолжает оставаться интеллектуальным вызовом традиционным нормам.

Немецкий философ М. Хайдеггер — один из тех европейских мыслителей, чье имя в общественном мнении стойко ассоциируется со скандалом. Этой сомнительной славе он обязан не только авангардности своих философских построений, но и определенным действиям и высказываниям, которые свидетельствовали о его поддержке нацистского режима. Этот период в его жизни всегда широко обсуждался и до сих пор привлекает внимание публики, хотя вопрос о том, был ли Хайдеггер убежденным нацистом и вытекали ли эти политические взгляды из его философских идей, до сих пор по существу не закрыт.

«Дело Хайдеггера» является наиболее показательным для раскрытия темы «скандал и философия» не только как наиболее дискутируемый случай подобного рода, но и как пример, демонстрирующий связь жизни мыслителя и его философских теорий. Наконец, вне зависимости от реальной степени скандальности поступков Хайдеггера, его идеи, помогая переосмыслению многих традиционных философских вопросов, способны уточнить роль и место скандала в жизни общества, а также показать, к каким серьезным проблемам

привело последовательное разворачивание основных интуиций европейской метафизической традиции, фундамент которой был заложен в Древней Греции.

Качественное отличие проблем современного мира от проблем, стоявших перед обществом в прошлом, заключается в масштабе их возможных последствий: они представляют реальную угрозу сохранению природы человека и существованию человечества в будущем. Мировые войны, техногенные катастрофы, экологический кризис продемонстрировали, что вера Просвещения в разум и прогресс была чересчур оптимистичной. Техника, на которую возлагались огромные надежды, превратилась в неконтролируемую силу, обратилась против своих творцов и, по словам Хайдеггера, сегодня настойчиво «толкает человека на риск отказа от своей свободной сущности». Но, с другой стороны, продолжает он, «чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся»⁷¹. Само осознание приближающейся угрозы вынуждает человечество переосмысливать ценности и образ жизни западной культуры, и главным ориентиром на этом пути становится страх за судьбу цивилизации и осознание ответственности перед будущим.

По своей драматической напряженности и возможным последствиям для будущего ситуация, в которой находится сейчас человечество, сопоставима с периодом IX — III вв. до н.э., когда в ведущих очагах культуры Древнего мира (Китае, Индии, Греции) совершался масштабный переход от мифологического мировоззрения к философскому. Этот период, который определил основные ориентиры развития мировой цивилизации и культуры вплоть до сегодняшнего дня, К. Ясперс назвал «осевым временем». В эту переломную во всех областях духовной жизни эпоху человечество сумело провести масштабную переоценку ценностей и кардинально изменить основания своего мышления. Станет ли современность «новым осевым временем», пока неясно: это зависит от способности общества мобилизоваться и определить ориентиры для культуры, науки и техники, которые

⁷¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика. 1993. С. 238.

позволят человечеству выйти из духовного тупика и перейти на иной, более перспективный путь развития.

Новые ориентиры в силу своей непривычности поначалу могут показаться неприемлемыми, даже скандальными. Однако история европейской мысли не раз демонстрировала, что такова судьба всего действительно нового — вначале восприниматься как скандал, затем стать предметом почитания, и, наконец, превратиться в общее место.

Чтобы научиться мыслить по-иному, важно осознать глубинные предпосылки того типа мышления, которое привело как к величайшим достижениям в культуре Европы, так и к нынешнему духовному кризису. Иными словами, для понимания сущности проблемы европейская мысль должна вернуться к своим истокам, снять с духовной традиции все позднейшие культурные напластования, чтобы увидеть ее в чистом, «непотаенном» виде. «Пока мы не возвратимся к тому, что уже было помыслено, мы не обратимся к тому, что все еще следует помыслить»⁷².

Традиционно считается, что первоначальный духовный импульс, подготовивший прорыв в европейском мышлении, был задан действиями полубоготворных «семи мудрецов», живших в Древней Греции в VII — VI вв. до н.э. Наиболее известно описание поступков и сентенций этих мудрецов, представленное Диогеном Лаэртским в труде «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Здесь он утверждал: «Мудрецами почитались следующие мужи: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; к ним причисляют также Анахарсиса Скифского, Мисона Хенейского, Ферекида Сирросского, Эпименида Критского, а некоторые и тирана Писистрата»⁷³.

Поскольку общепризнанного списка мудрецов не существует, древние историки философии выбирали из ряда известных деятелей прошлого семь имен по своему усмотрению. Однако сам принцип подбора ими кандидатов не совсем ясен. Между мудрецами, названными Лаэртием, мало

⁷² Хайдеггер М. Закон тождества // Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991. С. 79.

⁷³ Диоген Лартский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: АСТ. 2011. С. 83.

общего: они отличаются друг от друга и по роду своей деятельности, и по образу своей жизни. Так, Фалес был натурфилософом, Солон — законодателем, Ферекид — мистиком, а Периандр — тираном. Большинство мудрецов претендовали на роль «учителей жизни»; и среди них, судя по процитированным Диогеном высказываниям, встречались как глубокие практические философы, так и поверхностные морализаторы. Тем не менее стремление к поучениям не препятствовало некоторым из мудрецов самым скандальным образом нарушать общепринятые нормы. Например, о Периандре сообщается, что он сожигательствовал с собственной матерью; убил жену по навету наложниц, затем живьем сжег и самих наложниц; продал в енухи сыновей своих врагов и т.д. Проанализировав истории Лаэртия, А.Ф. Лосев написал: «Если подвести итог повествованию Диогена о семи мудрецах, то эти мудрецы у него большей частью банальные моралисты, хитрецы и злодеи, а то и развратники»⁷⁴.

Принимая во внимание скандальный образ жизни мудрецов, остается совершенно неясным, по каким причинам в Древней Греции к ним относились с таким уважением. Описание их деяний у Диогена противоречит современным представлениям о нравственно допустимом, а часто и о разумном поведении, оставляя открытым вопрос о том, какой именно смысл он, а также его предшественники и современники вкладывали в понятие мудрости. На этом основании Лосев заключил: «Возможно, что подобного рода тип культуры вообще недоступен нашему пониманию. Глубокие мысли бытового характера и кровавые преступления, противоестественные браки, большой жизненный опыт, остроумие и бесстрашная самоотверженность — это действительно остается для нас чем-то непонятным, особенно когда вся эта противоестественная смесь получает название мудрости. Конечно, мы тут не понимаем чего-то очень для античности важного»⁷⁵.

Имелись, впрочем, и черты, объединявшие мудрецов. Очевидно, что все они были людьми с богатым жизненным

⁷⁴ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртий и его метод // Диоген Лартский. О жизни... М.: АСТ. 2011. С. 23.

⁷⁵ Лосев А.Ф. Диоген Лаэртий — историк античной философии. М.: Наука. 1981. С. 23.

опытом, целеустремленными, настойчивыми, убежденными в своей правоте и способными брать ответственность на себя, иными словами — неординарными, живыми личностями, выделявшимися из общей пассивной массы. Для традиционного общества их поведение, несомненно, казалось чрезмерно свободным, если не скандальным. Возможно, представления о *скандальности и мудрости* в Древней Греции все же имели гораздо больше точек пересечений, чем мы усматриваем сейчас.

Отношение ко всякому неординарному действию как к скандалу было устойчивой характеристикой традиционной культуры, где человек был не более чем пассивным исполнителем решений, принимаемых коллективом на основе привычки и обычаев. Всякая самодеятельность здесь рассматривалась как уменьшение шансов на выживание и угроза целостности общины.

Для обозначения такого существования, в котором человек не является сам собой, а поступает «как все», «как они», «как другие люди», Хайдеггер употреблял неопределенноличное местоимение *Das Man*, которое можно приблизительно перевести с немецкого как «они», «все», «люди». *Das Man* «держатся фактично в усредненности того, что подбавляет, что считается значимым и что нет, за чем признается успех, чему в нем отказывают. Эта серединность, намечая то, что можно и должно сметь, следит за всяким выбивающимся исключением. Всякое превосходство без шума подавляется. Все оригинальное тут же сглаживается»⁷⁶.

В ситуации «осевого времени» условия жизни начали динамично изменяться. То, что в течение тысячелетий казалось неизблемым — родовые нормы, обычаи, ценности, — потеряло свою самоочевидность и потребовало серьезного переосмысления. Мифологическое мировоззрение с его фантастичностью и эмоциональностью начало терять позиции под давлением приобретенного опыта. Новые условия требовали более сложных духовных ориентиров, и древние мудрецы сумели предложить их в разных сферах жизни — в морали, философии, религии, законодательстве, политике. Фактически они отказались под-

⁷⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem. 1997. С. 127.

чиняться диктату *Das Man* и выступили самостоятельными зачинателями новых норм. Основаниями этих норм стали не обычаи и традиции, а житейский опыт, откорректированный здравым смыслом.

В большинстве случаев, описанных Диогеном Лаэртским, мудрецы всей своей деятельностью закладывали основы традиций и практик, ранее не существовавших. Так, Фалес отверг традиционные мифологические ответы на вопрос о происхождении мира и заменил их рациональными рассуждениями, не предполагавшими обязательной апелляции к чуду и богам. Солон издавал законы, исходя не из инерции обычного права, а из реальных потребностей полиса. С Ферекида начинается традиция аллегорического (а не буквального, как раньше) толкования мифа. Писистрат же явил собой новый образец эффективного, но беспринципного политика, что можно считать истоком традиции, позднее популяризированной в «Государе» Н. Макиавелли. Мыслители и политики, а также авантюристы и преступники — все они, хотя и разными путями, способствовали переменам в обществе и этим внесли свой вклад в разрушение мифологического мировоззрения. В итоге, благодаря совокупным действиям сравнительно небольшого количества людей, способных принимать автономные решения, для Европы «осевое время» стало периодом прорыва из мифологического безвременья в динамику истории.

Всех мудрецов отличала от общей массы *автономность* их поведения. Можно сказать, что их мудрость была способностью действовать в соответствии со своим разумением, опираться на собственные силы, не оглядываясь на традицию и миф. Именно самостоятельное мышление позволило человеку принять на себя ответственность за те решения, которые ранее выносились только на волю судьбы и богов. Не случайно Платон в «Протагоре» говорит о мудрости как об искусстве, которое Прометей преступным путем выкрал у богов, чтобы подарить людям⁷⁷.

В античном обществе осознание того, что в истинной мудрости всегда присутствует скандальность, необычность, преступление, ниспровержение святынь, рождало представ-

⁷⁷ Платон. Протагор // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль. 1990. С. 431.

ления о том, что верно и обратное: нельзя с ходу отбрасывать всякую скандальность, поскольку в ней может содержаться определенный элемент мудрости. В итоге мудрецам часто приписывали чересчур скандальные нравы, а к сонму мудрых были некритично присовокуплены обманщики, преступники и развратники.

Представления о тесной связи скандала и мудрости были еще чересчур грубыми и прямолинейными, однако именно они подготовили возможности для прорыва в философию, наглядно продемонстрировав, что *истинное мышление всегда является скандалом, то есть преступлением перед традицией и нарушением принятых норм.*

2. Философия как мышление

Ключевой и сущностной характеристикой истинного мышления для Хайдеггера является самостоятельность. Сочетание «несамостоятельное мышление» для него невозможно как внутренне противоречивое: «В то, что называется мышлением (*Denken*), мы попадаем, когда беремся думать (*denken*) сами»⁷⁸.

М.К. Мамардашвили разъясняет этот же тезис на примере противопоставления ума и глупости: «...мыслить в настоящем смысле — это мыслить не то, что мыслится само собой, а то, что порождается на каких-то скоординированных и концентрированных основаниях, в источнике которых находишься ты сам. Избегая психологических различий, скажем: глупость — это то, что думается само собой, а умное — это то, что мы мыслим сами. А теперь попробуйте взвесить, сколько в нашей голове глупого и как мало того, что мы действительно подумали сами»⁷⁹.

Действительно, люди обычно полагают, что они думают самостоятельно, но фактически они лишь воспроизводят в различных сочетаниях те мысли, которые когда-то были уже продуманы, и в том порядке, который был кем-то ра-

⁷⁸ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего. 2006. С. 35.

⁷⁹ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: МШПИ. 2000. С. 69.

нее установлен как допустимый или логичный. То, что считается мышлением, часто оказывается не более чем цитированием положений, предписанных традициями и авторитетами. Если же мысли кажутся оригинальными, то в большинстве случаев это связано не с их новизной, а с незнанием их источника. По этому поводу иронизировал еще Цицерон: «Право же, какую можно еще высказать нелепость, которая была бы уже не высказана кем-нибудь из философов?»⁸⁰.

Людям гораздо проще инертно и бездумно двигаться в своих рассуждениях по тем дорогам, которые задолго до них в поисках оригинальности проторили мыслители древности. Даже если имена этих мыслителей забыты, их идеи продолжают косвенным образом циркулировать в культуре, косвенно влияя на мировоззрение людей. Истинное же мышление — это не следование по проложенному кем-то пути, а сама прокладка пути.

Всякий человек обладает возможностью мыслить самостоятельно, но на деле этой возможностью пользуются чрезвычайно редко. Однако все же время от времени отдельные люди по каким-то причинам отбрасывают инерцию чужих мыслей и осмеливаются думать самостоятельно, совершая тем самым прыжок из мира *Das Man* — пространства усредненности и регламентированности — в мир интеллектуальной свободы, ломая одни традиции и создавая совершенные новые. По Хайдеггеру, когда человек пытается мыслить таким образом, возникает философия: «Философствовать — значит спрашивать об из ряда вон выходящем... Само вопрошание выпадает из всякого рода. Оно совершается добровольно и во всей полноте и самодостаточности поставлено на таинственное основание свободы, на то, что мы называли прыжком»⁸¹.

Философия в этом смысле отличается от других духовных практик своей бескомпромиссной критичностью, стремлением к опровержению принятых мнений. В области религии достойный ученик — тот, кто правильно воспринял идеи учителя. В философии — тот, кто опроверг его.

⁸⁰ Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука. 1985. С. 288.

⁸¹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: ВРФШ. 1998. С. 97.

Фалес, стоявший у истоков европейской мысли, отказался от мифа и выдвинул идею о воде как первоначале мира, его ученик Анаксимандр полагал, что первоначалом является апейрон, а ученик Анаксимандра Анаксимен считал таковым воздух. Философы воспринимали от своих учителей способность к самостоятельному мышлению, а не их концепции. Лучшее всего это выразил Аристотель, сказав о своем учителе известные слова: «Платон мне друг, но истина дороже». Философия состоит не в повторении уже сказанного, а в способности удивляться, изумлении перед чем-то совершенно новым и неизвестным, попытке понять его лучше, чем это делали предшественники.

Хайдеггер полагал, что первым, а потому и самым важным прыжком в неизвестное, предопределившим развитие европейской мысли, стала философия досократиков, прежде всего Анаксимандра, Гераклита и Парменида. С них начались все философские вопросы; именно их идеи о бытии заложили фундамент западноевропейского мышления. «К ним восходит тайна истока всего того, что еще живет и что всегда жило в основе наших мыслей. Можно сказать, что мы мыслим именно благодаря им, даже если о них мы и не вспоминаем, так как они — это свет, освещающий изначальную глубину нашего мира»⁸². Досократики обеспечили взлет античной философии в ее классический период, сделав возможным появление учений Сократа, Платона и Аристотеля. После этого философия, согласно Хайдеггеру, уже никогда не достигала таких высот.

Истинная, творческая философия с момента ее зарождения воспринималась обществом настороженно, если не сказать враждебно. Анаксагора судили за то, что он «назвал солнце огненной глыбой»; в итоге он был признан виновным в нечестии, оштрафован и изгнан из Афин. Афинский суд постановил, что «Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то — смерть»⁸³.

⁸² Бюффе Ж. Диалог с Хайдеггером. Ч. 1. Греческая философия. СПб: Владимир Даль. 2007. С. 57.

⁸³ Диоген Лартский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: АСТ. 2011. С. 105.

С самого начала в отношениях между обществом и мыслителем проявилось напряжение, связанное с разным пониманием положения о связи мудрости со скандальностью. Для общества это было напоминанием о том, что всякая претензия на новизну может быть опасна и разрушительна для привычного образа жизни. Для тех же, кто желал философствовать, это было указание на необходимость преступать границы общепринятого, отказываться от авторитетов и мыслить самостоятельно.

Наиболее рьяно последнему тезису следовали философы-киники. «В отличие от иронии Сократа, высмеивающего все ложное и псевдосерьезное, ирония киников переходит в сарказм и скандал, в полное пренебрежение всеми обычаями и нормами поведения. Бросая вызов принятому образу жизни, киники отгораживались от мира и проповедовали автаркию, самоудовлетворение, независимость от внешнего социального мира»⁸⁴.

Киники пытались сдвинуть развитие общества обратно на природный путь, шокируя обывателей неприкрытой естественностью своего поведения. Диоген, например, справлял малую нужду и занимался самоудовлетворением на городской площади: скандальность здесь была связана с намеренной публичностью и демонстративностью поведения. Это поведение на самом деле имело философские основания, поскольку было своеобразным раскрытием потаенного, хотя и не всегда осознавалось зрителями в качестве такового: «Оно показывает, что люди, как правило, стыдятся не тех вещей, которых следует стыдиться; они стыдятся своего физического (*physis*), своих анималистических сторон, которые на самом деле невинны, но при этом совершенно не стыдятся своей неразумной и отвратительной жизненной практики, своей страсти к наживе, несправедливости, жестокости, зазнайства, предвзятости и слепоты. Диоген поворачивает острие в противоположную сторону. Он буквально “срать хотел” на извращенные нормы... Позднейшая платоновская и христианская традиция, которая задушила тело стыдом, естественно, усматривала в этом только скандал, и потребовались века секуляризации, чтобы за этими де-

⁸⁴ Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб.: Алетейя. 2001. С. 191.

монстративными жестами смогли увидеть их философскую суть и значение»⁸⁵.

За взлетом мысли, которого философия достигла в эпоху классической античности, последовал период спада длиною в несколько тысячелетий. Античная мысль согласно Хайдеггеру стала судьбой европейской философии. Сама же европейская философия так и не вышла за рамки пространственных комментариев на полях трудов древнегреческих мыслителей: она следовала тем путем, который был задан греками, и благодаря инерции, полученной от первотолчка досократиков. Однако и на этом пути, несомненно, встречались гениальные озарения, часто воспринимавшиеся обществом как вызов традициям.

Для каждой эпохи были свойственны собственные философские скандалы. В период Средних веков скандальным считалось всякое свободомыслие и независимость суждений, примером чему стало не только творчество, но и полная бедствий жизнь «Сократа Средневековья» — П. Абеляра. В эпоху Возрождения скандальную известность приобрели натурфилософы — Дж. Бруно, Г. Галилей, отстаивавшие позиции, противоречившие тем, что проповедовались церковью. Французская революция была теоретически подготовлена философами Просвещения — Вольтером, Ж.-Ж. Руссо и др., самые известные работы которых неизменно вызывали скандалы в высшем обществе. Скандалами отмечено и начало русского философствования: попытка А.Н. Радищева честно высказать свои мысли завершилась для него смертным приговором, каторжными работами и самоубийством; П.Я. Чаадаева объявили сумасшедшим за критику русской действительности. По большому счету, рассматривая историю философии через призму жизни философов, можно заключить, что в самых острых и действенных своих проявлениях философия соседствовала со скандалом. Э. Левинас выразил этот тезис так: «Скандал часто дает приют трудным истинам»⁸⁶.

В процессе своего долгого развития европейская философия добилась несомненных прорывов, однако, по мнению

⁸⁵ *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория. 2009. С. 264-265.

⁸⁶ *Левинас Э.* Трудная свобода. М.: РОССПЭН. 2004. С. 554.

Хайдеггера, она так и не сумела правильно решить основной проблемы, стоявшей перед ней изначально, — проблемы бытия. Те малозаметные ошибки, которые были допущены античными мыслителями, не были вовремя проанализированы и исправлены. Напротив, с каждой новой эпохой европейская философия, возводя новые этажи здания метафизики, постоянно усугубляла эти ошибки, все сильнее отклоняясь от решения проблемы бытия. Постепенно она отодвинулась на задний план, оказавшись заслоненной проблемой сущего. Произошло «забвение бытия», человек затерялся в мире вещей, техники, коммерции, массовой культуры. Мысли стали штамповаться поточно, как товары, устанавливая диктатуру посредственности (*Das Man*).

Хайдеггер полагает, что нужно вновь вернуться к досократикам, чтобы дать адекватный ответ на вопросы, поставленные ими. Для этого нужно по их примеру совершить кардинальный и, следовательно, скандальный прыжок из обыденности в самостоятельное мышление.

Западноевропейский иррационализм попытался подойти к решению этой проблемы в духе киников, то есть сознательно ориентируясь на эпатаж. Так, Ф. Ницше, выступая против общепринятой морали, призывал провести переоценку всех ценностей, а З. Фрейд объяснил языком науки примерно то же, что Диоген пытался объяснить на городской площади с помощью рук. Стиль философствования самого Хайдеггера, который говорил на «в высшей степени своенравном, нередко оскорбляющем ожидания “культурного” слушателя языке»⁸⁷, также был более чем скандальным для академической публики.

Перечисление скандалов, связанных с тем или иным философским учением, можно продолжать и дальше, но даже краткого обзора достаточно для вывода о том, что при определенном ракурсе рассмотрения *история философии может рассматриваться как история скандалов*.

⁸⁷ Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: Пропилеи. 2007. С. 25.

3. «Скандал в философии»

Скандалность является характеристикой не только действий отдельных лиц, она всегда распространяется также и на те практики, которые стоят за ними. Многочисленные скандалы, связанные с творчеством, а также личной и общественной жизнью философов — от Фалеса до современности, — заставляют говорить о том, что нечто скандальное присутствует и в самой философии как в особой практике мышления и аргументирования.

И. Кантом в полемике с европейской метафизикой было введено понятие «скандал в философии». Оно использовалось им как отправное начало для критики линии развития мысли, идущей от Р. Декарта к Дж. Беркли.

Декарт в своем известном тезисе «Я мыслю, следовательно, существую» представил мыслящего субъекта в качестве самоочевидного бытия. Соответственно вещи за пределами сознания предстали как бытие, которое еще требовалось доказывать. Последующая философия приняла этот тезис за отправной пункт своих рассуждений, поставив в центр своего изучения сознание человека и уже от него двигаясь к внешнему миру. Бытие при таком ракурсе рассмотрения стало чем-то производным от мышления, а онтология была поглощена гносеологией.

Логическим развитием традиции, сконцентрировавшей свои усилия на изучении сознания, стала доктрина, в наиболее развернутом виде представленная у Беркли. Основной его тезис гласил: «Существовать — значит быть воспринимаемым», т. е. вещи существуют лишь в сознании человека аналогично тем иллюзорным образам, которые он видит во сне. «Некоторые истины столь близки и очевидны для ума, что стоит лишь открыть глаза, чтобы их увидеть. Такой я считаю ту важную истину, что весь небесный хор и все убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного

духа, и что совершенно немыслимо и включает в себе все нелепости абстрагирования приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа»⁸⁸.

Действительно, о существовании предметов окружающего мира мы знаем только благодаря нашим ощущениям (зрительным, слуховым и прочим), которые находятся в нашем сознании. Исходя только из наличия субъекта и его восприятий, доказать, что чувственные вещи существуют не только в сознании, но еще и вне нас, невозможно. Д. Юм резюмировал выводы, к которым пришел субъективный идеализм, следующим образом: «Попробуем сосредоточить свое внимание (на чем-то) вне нас, насколько это возможно; попробуем унести воображением к небесам или к ранним пределам вселенной; в действительности мы ни на шаг не выходим за пределы самих себя и не можем представить себе какое-нибудь существование, помимо тех восприятий, которые появились в рамках этого узкого кругозора»⁸⁹.

В итоге, не скандальным ли является тот факт, что философия за тысячелетия своего существования не только не доказала каких-либо важных для жизни человека и общества положений, но даже не смогла привести убедительного доказательства существования вещей, окружающих нас? Итогом развития философии в Новое время оказалось лишь полное ее расхождение со здравым смыслом и с теми самоочевидными постулатами, которые большинству людей известны из опыта. В «Критике чистого разума» Кант писал об этом так: «Нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению»⁹⁰.

Положение философии оказывается ничем не лучше положения богословия, неспособного дать рационального

⁸⁸ Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль. 2000. С. 139.

⁸⁹ Юм Д. Соч.: В 2 т. Т.1. М.: Мысль. 1965. С.162.

⁹⁰ Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Чоро. 1994. С. 36.

и убедительного доказательства существования бога и потому требующего оставить место вере. Оно в чем-то даже скандальнее, поскольку оказывается, что в век науки в реальность мира вокруг нас можно только слепо верить.

Сам Кант подходил к решению этой проблемы так: «Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного существования служит доказательством присутствия предметов в пространстве вне меня»⁹¹. Существование человека, полагал он, сознается как определенное во времени, что предполагает существование чего-то постоянного вне самого человека, то есть внешних предметов. Подробно это доказательство было представлено во втором издании «Критики чистого разума».

Дж. Мур иронически писал о том, что если бы это доказательство было безупречным, тогда бы «положение дел, о котором Кант писал, выправилось с публикацией его доказательства. С этого момента удовлетворительное доказательство мог дать кто угодно, просто повторяя Канта, и “скандал” для философии был раз и навсегда исчерпан». На самом же деле, продолжал Мур, «я никоим образом не считаю, что Кантово доказательство является правильным, и что ему удалось покончить со “скандалом” для философии. Поэтому вопрос о возможном удовлетворительном доказательстве существования вещей вне нас все еще заслуживает обсуждения»⁹².

Аргументация самого Мура в пользу существования внешних вещей разительным образом отличалась от кантовской: «Можно доказать, например, что две человеческие руки существуют. Как это сделать? Я показываю две мои руки и говорю, жестикулируя правой: “Вот — одна рука” и, жестикулируя левой рукой, добавляю: “А вот — другая”. Если я *ipso facto* доказал существование внешних вещей, то понятно, что возможны и многие другие доказательства: нет нужды умножать примеры»⁹³. Это доказательство Мур продемонстрировал на заседании Британской академии наук, что для академиков, привыкших к более традиционной философии,

⁹¹ Там же. С. 221.

⁹² Мур Дж.Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 67.

⁹³ Там же. С. 81.

было поступком почти по-кинически вызывающим: так же Диоген, опровергая положение Зенона о том, что движения не существует, встал и начал перед ним ходить.

Посылки Мура при всей их видимой эпатажности основаны на здравом смысле и демонстрируют ложность языка философии, оторванного от реальности, а потому и неадекватность самого вопроса о существовании мира.

К этому выводу чрезвычайно близки идеи Хайдеггера. Он полагал, что философия фактически «хоронит» внешний мир, представляя его в виде теоретических абстракций, чтобы потом попытаться «воскресить» его с помощью неопровержимого рационалистического доказательства. «Скандал в философии» состоит не в том, что этого доказательства до сих пор нет, но в том, что такие доказательства снова и снова ожидаются и предпринимаются. Подобные ожидания, намерения и требования вырастают из онтологически неудовлетворительного введения того, от чего независимым и «внеположным» «мир» должен быть доказан как наличный. Не доказательства неудовлетворительны, но бытийный образ доказывающего и доказательств ищущего сущего недоопределен... Верно понятое присутствие противится таким доказательствам, потому что в своем бытии оно всегда уже есть то, что запоздалые доказательства почитают за необходимость ему впервые продемонстрировать»⁹⁴.

Согласно Хайдеггеру основная ошибка философской традиции состоит в том, что мир в ней рассматривается как нечто оторванное от бытия человека, в то время как оно — это прежде всего бытие-в-мире. Бытие на самом деле предшествует сознанию, а онтология первична по отношению к гносеологии. Что качается вещей, то и они вначале даны как продолжающие нас инструменты, средства, и лишь потом (после соответствующих процедур объективации) рассматриваются как внешние объекты, изолированные от нас. При таких исходных посылках сам вопрос о реальности внешнего мира лишается смысла. Пока философия останется в рамках ограниченной традиции объяснения бытия через сущее и будет пользоваться понятиями, не соответствующими истинному положению дел, «скандал в философии» — в хайдеггеровском его понимании — не завершится.

⁹⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem. 1997. С. 205.

Проблема реальности мира — не единственная проблема, над которой безуспешно бьется философия (хотя, несомненно, она самая показательная и потому наиболее скандальная). Дж. Серль, например, пишет: «Нерешенность проблемы свободы воли в философии представляется мне чем-то скандальным. Философы столетиями писали о свободе воли, но мне кажется, что они не достигли в этом заметного прогресса»⁹⁵. Список подобных проблем можно продолжать до бесконечности, поскольку, по сути, философия до конца не решила ни одной важной проблемы. Поэтому в широком смысле «скандалом в философии» является отсутствие в ней положений, по поводу которых наблюдалось бы согласие всех специалистов в данной области знания. Словарь дает ему такое определение: «“Скандал в философии” — название того обстоятельства, что философия, несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла еще, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных»⁹⁶.

Существует множество попыток реабилитации философии для вывода ее из ситуации «скандала». Большая часть мыслителей, подобно Канту, претендуют на то, чтобы предложить окончательное решение основных проблем, опровергнув всех своих предшественников. В итоге философия в их интерпретации должна стать жесткой системой строгого знания по аналогии с точными науками. Однако в итоге каждый раз выясняется, что ни одно из «окончательных» решений таковым не является, поскольку по прошествии времени новые исследователи рано или поздно выступают с их успешным опровержением. Метафизические проблемы выглядят неразрешимыми, и «скандал в философии» оказывается неистребимым.

Г. Гегель полагал, что все противоречащие друг другу концепции на самом деле являются отдельными моментами философии как единого целого. Их борьба между собой является движущей силой развития философской мысли, а каждое но-

⁹⁵ Searle J. Freedom and Neurobiology: Reflections on Free Will, Language, and Political Power. NY.: Columbia University Press. 2008. P. 37.

⁹⁶ «Скандал в философии» // Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М. 2010.

вое опровержение можно рассматривать как ступень, приближающую к истине. «Скандал в философии» — это иллюзия, возникающая из-за неспособности увидеть целостность философии как системы знаний и как процесса познания мира.

С позиции Гегеля в «скандале в философии» при правильном подходе нет абсолютно ничего скандального. Плюрализм концепций и борьба мнений — это нормальная ситуация, обеспечивающая динамику развития мысли и потому противостоящая всякому застою и догматизму. При таком подходе «скандал» имеет и весьма положительное значение. Не принуждая всех к принятию одной, единственно истинной точки зрения, философия разрабатывает все более богатый спектр таких точек зрения. И каждая из них может открыть новые горизонты познания, новые пути приспособления к окружающему нас миру»⁹⁷.

К. Ясперс комментирует ситуацию «скандала в философии», указывая на особый статус этой дисциплины. Философия призвана ставить правильные вопросы. Как только на какой-либо вопрос появляется общепризнанный ответ, проблема перестает считаться философской и переходит в разряд неопровержимых научных фактов: «То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого»⁹⁸. Философия в этом аспекте является не наукой, но необходимой предпосылкой и движущей силой науки. Ждать от нее каких-либо окончательных ответов неразумно.

Позиция Хайдеггера на соотношение науки и философии очень близка этим идеям. Но философское знание у него не просто поставляет вопросы науке, оно еще и освещает ей путь, задает ее основания. Сама по себе «наука не мыслит»⁹⁹. Поэтому, чтобы сделать науку возможной, философия предварительно должна дать основные ответы на онтологические вопросы.

Истинная причина «скандала в философии» — непра-

⁹⁷ Уемов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Негоциант. 2000. С. 6.

⁹⁸ Ясперс К. Введение в философию. Минск: Пропилеи. 2000. С. 10.

⁹⁹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего. 2006. С. 39.

вильное понимание мира, и пока европейская мысль этого не осознает, она будет все так же вращаться вокруг бессмысленных вопросов, возникших из-за ошибок в миропонимании, в которых бытие было искусственно сведено к сущему. Если понять проблему бытия правильно, многие неразрешимые вопросы исчезнут. Для этого необходима деструкция истории онтологии, возвращение к ее истокам¹⁰⁰. Новая философия, как предполагал Хайдеггер, совершит революцию в миропонимании и осветит путь будущей науке, искусству, экономике и политике.

4. «Дело Хайдеггера»

В философии XX века сложно найти фигуру, которая ассоциировалась бы со скандалами больше, чем Хайдеггер. В то же время на его жизненном пути было на удивление мало из ряда вон выходящих событий: его жизнеописание в этом смысле почти ничем не отличается от биографии любого ординарного профессора в Германии того времени. Пожалуй, лишь два эпизода в его жизни можно назвать скандальными, и оба длились достаточно короткое время. Но как бы ни примерно жил человек, о нем будут судить на основании скандалов, в которых он участвовал. При всей краткости двух скандальных эпизодов в долгой жизни Хайдеггера именно они создали тот его образ, который сегодня знаком публике.

Первый такой эпизод был связан с тайным романом тридцатипятилетнего профессора с восемнадцатилетней студенткой Ханной Арендт, который начался в 1925 году. Завершился он довольно быстро: Хайдеггер не намеревался оставлять жену и двоих сыновей ради предмета своей страсти, а Ханну не устраивало то, что их любовь постоянно приходилось скрывать. Однако и после разрыва Ханна, по-видимому, испытывала чувства к Хайдеггеру и всегда оказывала ему посильную поддержку. Отношения (но уже в основном по переписке) они поддерживали всю жизнь.

При всей своей скандальности роман не был бы чем-то из ряда вон выходящим, если бы его участники позже не получили всемирную известность — Арендт как самая глубокая

¹⁰⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem. 1997. С. 19.

женщина-мыслитель XX столетия, а Хайдеггер — как одна из наиболее влиятельных фигур в европейской философии Нового времени. Со временем, впрочем, этот эпизод в жизни Хайдеггера стал трактоваться как история большой любви¹⁰¹, придавая образам философа и его возлюбленной скорее романтичность, чем скандальность.

Не менее кратковременный эпизод, связанный с деятельностью Хайдеггера на посту ректора Фрайбургского университета, привлек гораздо большее внимание публики. Его последствия были намного серьезнее, если не сказать разрушительнее, для репутации Хайдеггера как личности и философа.

В начале 1930-х гг. Хайдеггер начал серьезно интересоваться идеями национал-социализма. В 1933 г., сразу же после избрания ректором, он вступил в ряды нацистской партии, и в период своего недолгого ректорства проявил себя как убежденный проводник гитлеровской политики. Ему вменяют в вину увольнение евреев, доносы на неблагонадежных профессоров, поддержку самых одиозных инициатив партии, проведение нацистских принципов в жизнь университета и т. д. Из-за испорченных отношений с коллегами Хайдеггер уже в 1934 г. оставил пост ректора. Хотя позже он говорил, что уже к концу ректорства разочаровался в нацизме, он не выходил из партии до капитуляции Германии. После войны Хайдеггер, несмотря на многочисленные призывы, не принес никаких публичных извинений за свои действия и не раскаялся в своих убеждениях.

Существовал целый комплекс причин, по которым нацизм привлекал к себе как широкие народные массы, так и интеллектуалов. Однако причины, которые привели на сторону патологически примитивной и популистской идеологии фашизма столь влиятельного и оригинально мыслящего философа, в этой истории выглядят не очень понятными. Пожалуй, главными качествами, которые сближали философию Хайдеггера с политикой, проводимой нацистами, были авантюризм, скандальность и способность не считаться с общепринятыми авторитетами, позволявшие

¹⁰¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие — время — любовь. М.: Гаудеамус. 2013.

с легкостью разрушать старые ценности. Хайдеггер обладал «скандалной славой авангардного мыслителя»¹⁰²: будучи революционером в философии, он призывал к деструкции всей новоевропейской традиции мышления и возвращению к ее «незамутненным истокам». Нацизм проповедовал революционный антимодернизм и ориентировался на «славное героическое прошлое народа». С определенной точки зрения действительно могло показаться (по крайней мере, на начальных этапах), что фашизм пытался сделать в политике то же, что Хайдеггер — в философии.

Усмотрев несомненную общность в целях, Хайдеггер решил, что «нацистская революция» даёт его философии уникальный исторический шанс выйти из кабинета мыслителя в реальную жизнь. Политика и философия, объединенные в тандеме, способны взаимно усилить друг друга. Политическая воля может реформировать образование, превратив университеты из оплота оторванной от жизни кабинетной науки в мощную практическую силу, если будет поощрять независимое философское мышление. Философия, в свою очередь, способна дать политике принципиально новые фундаментальные основания, придать ей глубокий смысл, «осветить» ее путь к вершинам. Иными словами, Хайдеггер увидел в нацистской авантюре инструмент, который мог помочь перейти от политического переворота к перевороту духовному.

Хайдеггер четко понимал, что истинное мышление — это всегда преступление норм и правил, которое поначалу воспринимается обывателями как скандал. Однако, вдохновленный политической риторикой, он не принял во внимание того, что далеко не всякий масштабный скандал является прорывом к истинному мышлению. Он вполне может оказаться, как это и произошло с нацизмом, преступлением в совершенно другом, преимущественно уголовном, смысле этого слова.

Причины заблуждений Хайдеггера сложно понять, если не принять во внимание, что такая же ошибка была допущена европейской мыслью на самых начальных этапах ее развития. Греки так же некритично пытались найти великий смысл в масштабных злодеяниях, причисляя тиранов и убийц, таких как Периандр и Писистрат, к числу семи

¹⁰² Бурдые П. Политическая онтология Хайдеггера. М.: Праксис. 2003. С. 90.

мудрецов. Возможно, их сильная политическая воля и нежелание считаться со средствами действительно помогли укреплять полис и объединять граждан так же, как решительная политика Гитлера поначалу позволила Германии преодолеть серьезный экономический кризис. Однако ничего общего с мудростью такая политика, конечно, не имела.

В нацизме Хайдеггер ошибочно разглядел революционность, которая способна была смести одним махом все напластования старого мира, вернуть народ к истокам и дать шанс начать все заново. В самом деле, нацизм, в отличие от других политических течений, не обещал, а действовал. Он не признавал полумер, слабости и безответственности, призывал идти до конца. Эта новая сила, по мнению Хайдеггера, имела достаточно сильную политическую волю для того, чтобы что-то радикально изменить. А ради великой цели можно было пожертвовать некоторыми убеждениями. Готовность пойти на компромисс с режимом была еще более серьезной ошибкой мыслителя.

Хайдеггер полагал, что он нашел важный просчет в области философии, возникший на заре античности и состоявший в том, что бытие стало пониматься по аналогии с сущим. Но он не обратил внимания на другой принципиальный просчет, который состоял в представлении политического идеала по аналогии с реальной политикой (или же, шире, в отождествлении скандальности с мудростью). В определенном смысле это была та же ошибка, перенесенная из области онтологии в область политической философии. Возможно, именно из-за этой погрешности великие свершения в истории сосуществуют с такими же великими злодействами, причем отличить одни от других на первых порах (а иногда даже по прошествии долгого времени) часто совершенно невозможно.

В дружеской переписке с Ясперсом Хайдеггер назвал себя неискушенным мечтателем в политике¹⁰³, а профессора во Фрайбурге прозвали его «разбушевавшимся фантазером»¹⁰⁴. Наверняка поддержанию иллюзий действительно способ-

¹⁰³ Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка, 1920-1963. М.: Ad marginem. 2001. С. 35.

¹⁰⁴ Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 361.

ствовала та мечтательная непрактичность Хайдеггера, которая изначально свойственна теоретическим философам, пытающимся приложить свои теории к реальной жизни. Диоген Лаэртский сообщает такую историю о Фалесе, заложившем европейскую традицию философствования: «Говорят также, будто однажды старуха вывела его наблюдать звезды, а он свалился в яму и стал кричать о помощи, и старуха ему сказала: “Что же, Фалес, ты не видишь того, что под ногами, а надеешься познать то, что в небесах?”»¹⁰⁵ В определенном смысле это падение и было первым «скандалом в философии».

У Платона есть комментарий к этой истории. Философ, утверждал он, вызывает смех «на каждом шагу по неопытности попадая в колодцы и туники, и за эту ужасную нескладность слывет придурковатым. Когда дело доходит до грубой ругани, он не умеет никого уязвить, задев за живое, потому что по своей беспечности не знает ни за кем ничего дурного, и в растерянности своей кажется смешным... такой человек бывает высмеян большинством, которому кажется, что он слишком много на себя берет, хотя не знает простых вещей и теряется в любых обстоятельствах»¹⁰⁶.

Возможно, когда речь идет о наблюдении за звездами, падение в яму вызывает только смех. Но когда речь идет о политике, «падение» философа обходится дорого как для него самого, так и для окружающих. Сам Платон также не был исключением из общих правил. Как известно, его желание реализовать свои философские идеи о государстве на практике и надежда на помощь и благорасположение тирана Сиракуз Дионисия завершились полным провалом. Амбициозным представлениям Платона о том, что государством должны править мудрецы, суждено было остаться утопией.

Несмотря на эту и другие неудачи, интеллектуалам всегда казалось, что за масштабными политическими процессами брезжит рассвет духовной революции. Гегель принял Наполеона за Мирового духа, въехавшего на коне в Йену, а А. Блок увидел во главе большевистского патруля Христа. В ту же ловушку попал и Хайдеггер, когда «узнал» в Гитлере выразите-

¹⁰⁵ Диоген Лартский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: АСТ. 2011. С. 65.

¹⁰⁶ Платон. Тезетет // Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1993. С. 231.

ля чаяний немецкой нации и ее мессию. В этой искаженной оптике банальные идеологемы нацизма показались ему глубокими истинами, интеллектуальная ограниченность — возвращением к истокам, национализм — восстановлением социальной справедливости, преступления против человечности — борьбой против отживших ценностей. Скандал проявил себя в библейском значении этого слова — как прельщение злом.

Отрезвление и понимание пришло достаточно быстро. Впредь Хайдеггер больше не пытался участвовать в политике. Более того: он держал дистанцию по отношению ко всем масштабным событиям в истории. В ответ на упреки в своей неангажированности он отвечал: «Мысль — всегда немного одиночество. Когда ее вовлекают, она может отклониться. Я знаю это. Я понял это, будучи ректором, в 1933 году в трагический момент немецкой истории. Я ошибся. Остается ли философией вовлеченная философия? Что знает философ о том способе, которым философия реально воздействует на людей и историю? Философия не поддается организации»¹⁰⁷.

В случае Хайдеггера скандал проявил себя одновременно *как авантюра и как соблазн*. Ф. Федье резюмировал события девятемесечного пребывания Хайдеггера на посту ректора таким образом: «Ошибка Хайдеггера в 1933 году имела двойственный характер. Она распространялась как на Гитлера, так и на национал-социализм. Но эта ошибка не была преступлением»¹⁰⁸. Это, конечно, не снимает с Хайдеггера вины. Но виноват он был в заблуждении, а не в намеренном преступлении. Как мыслитель он, конечно, должен был смотреть в вещи глубже, не соблазняясь их видимой поверхностью.

Поведение Хайдеггера вызывало недоумение и сожаление уже во время его недолгого ректорства: тогда многие из его друзей отвернулись от него. После войны комиссия по денацификации, основываясь на заключении, данном К. Ясперсом, отстранила Хайдеггера от преподавания на несколько лет. Ситуация, однако, была этим далеко не исчерпана. Со временем ореол скандальности вокруг фигуры Хайдеггера

¹⁰⁷ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991. С. 148.

¹⁰⁸ Федье Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. СПб.: Владимир Даль. 2008. С. 202.

нисколько не уменьшился, а, напротив, продолжал увеличиваться. Время от времени появлялись новые факты, то разоблачавшие Хайдеггера, то реабилитировавшие его, что неизменно вызывало новый всплеск публикаций. «Всё говорит о том, что “Хайдеггер и фашизм” останется “вечной” темой журналистов — каждое новое поколение будет получать барыши с “подогревания” этого вопроса»¹⁰⁹.

Почему именно Хайдеггер оказался в центре скандала? В конце концов многие другие немецкие (и не только) интеллектуалы были введены в заблуждение фашизмом и оказывали ему еще большую и более длительную поддержку, чем он, а некоторые ученые вовсе выступали в роли идеологов фашизма. Однако пресса и публика не испытывают особого интереса к этому периоду их жизни.

Дело, конечно, в величине фигуры Хайдеггера: штампы «глубочайший мыслитель своей эпохи» и «нацист» настолько сложно совместить, что лишь одно их соединение в заголовке газетной статьи провоцирует скандал. Скандал, в свою очередь, можно использовать для дискредитации как мыслителя, так и самой практики философского мышления, которую он представляет. В эпоху рекламы и идеологической манипуляции общественным сознанием самостоятельное мышление выглядит чем-то опасным или, по крайней мере, подозрительным. Поэтому его дискредитация всегда выгодна тем, кто определяет повестку дня в средствах массовой информации. Кроме того, «падение» того, кто претендует на духовное лидерство, всегда вызывает ажиотаж, создавая утешительную иллюзию того, что даже подобные люди при ближайшем рассмотрении оказываются такими же аморальными типами, как и все остальные.

Журналисты провоцировали интерес публики, подбирая самые скандальные факты, и особо не пытались разобраться ни в идеях философа, ни в самой ситуации, постоянно воспроизводя клише «нацист Хайдеггер», «философ-преступник». В итоге ярлык, который получил Хайдеггер, стал ассоциироваться с его философией, а студенты по идейным соображениям стали отказываться изучать книги «опозоренного»

¹⁰⁹ Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: Человек в мире. М.: Московский рабочий. 1990. С. 37.

мыслителя. От Хайдеггера отвернулись и многие «левые» философы. Т. Адорно назвал его «фашистом во всех мельчайших проявлениях», а ученик Хайдеггера Г. Маркузе объявил жизнь учителя «фундаментальным предательством философии». Р. Рорти, признающий огромный вклад Хайдеггера в философию, тем не менее, заметил: «Книги Хайдеггера будут жить в столетиях, но запах дыма крематориев — могильный дух — никогда не выветрится с их страниц»¹¹⁰. Лишь немногие, хорошо знавшие философа, в том числе Ханна Арендт, продолжали поддерживать и защищать его.

К юбилею мыслителя в качестве своеобразного подведения итогов была опубликована скандальная книга В. Фариаса «Хайдеггер и нацизм»¹¹¹, где автор объявил, что все наследие философа по сути является нацистским, и обвинил Хайдеггера в антисемитизме, доносительстве и воинствующем нацизме. С момента появления этой книги пресса старательно тиражирует ее материалы и внедряет в общественное сознание стереотипизированный образ «проклятого мыслителя», который легко принимается на веру теми, кто привык довольствоваться готовыми идеями и не желает относиться к толкам с осторожностью и критичностью.

Ф. Федье в своей книге «Хайдеггер: Анатомия скандала»¹¹² тщательно препарирует это скандальное мифотворчество, пытаясь пристальнее посмотреть на «горячие факты», обнаруженные Фариасом и широко растиражированные прессой. В итоге он приходит к выводу о том, что они не имеют под собой достаточных оснований и базируются на предвзятых посылках. Интересен анализ приемов разжигания скандала, сделанный Федье.

Одним из подобных приемов является *нагнетание отрицательных эмоций*: все поступки Хайдеггера интерпретируются как человеконенавистнические. Провоцирование эмоций позволяет заблокировать рациональное мышление. Фариас делает это, аранжируя каждое слово Хайдеггера комментариями, напоминающими об ужасах и преступле-

¹¹⁰ Rorty R. A Master from Germany // The New York Times Book Review. May 3. 1998. P. 2.

¹¹¹ Farias V. Heidegger et le nazisme. Paris: Verdier. 1987.

¹¹² Федье Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала. СПб.: Владимир Даль. 2008.

ниях нацизма. Например, упоминание пригорода Франкфурта Заксельхаузена в речи Хайдеггера Фариас комментирует так: «Заксельхаузен обозначал один из самых зловещих концентрационных лагерей». В итоге создается прочная эмоциональная связка между преступлениями нацизма и словами Хайдеггера, хотя при более внимательном разбирательстве выясняется, что и в самой речи имелось в виду нечто другое, и лагерь находился в другом месте.

Часто используется прием *умолчания*. Например, Фариас упоминает о благосклонном отношении Хайдеггера к Е. Фишеру, ответственному за фашистскую программу эвтаназии отдельных народов и социальных групп, заключая из этого, что Хайдеггер был не против и самой программы. Однако он забывает сказать, что Хайдеггеру в то время не могло быть ничего известно об этой строго засекреченной программе и об участии Фишера в ней. К тому же ни в одном тексте или лекции Хайдеггера нет высказываний, сколько-нибудь похожих на одобрение эвтаназии или геноцида.

Для раздувания скандала используется и прямая *фальсификация* фактов. Так, утверждается, что на посту ректора Хайдеггер назначал на ответственные посты в основном членов нацистской партии. Однако номера партийных билетов, которые были приведены Фариасом для подтверждения этого, на самом деле свидетельствуют о том, что почти все они были получены гораздо позже — после 1938 г., когда беспартийность чиновников вызывала подозрения, и многие из них были вынуждены вступать в партию для продолжения карьеры. То есть фактически все происходило совсем иначе: Хайдеггер назначал на ответственные посты в основном тех, кто членами партии не являлся.

Еще один прием связан с *предвзятой интерпретацией* слов Хайдеггера, чему способствуют искаженные переводы его текстов. Например, Фариас переводит «наследие» как «наследственность», «лидер» как «фюрер» и т. д., насыщая тем самым тексты Хайдеггера фашистской риторикой.

Положения о доносах, антисемитских взглядах, поддержке человеконенавистнических инициатив нацистов и т. д. при более пристальном анализе или не выдерживают критики, или по крайней мере представляются далеко не такими очевидными, как их преподносит пресса. Становится

понятно, что заранее заданный и совершенно одномерный образ Хайдеггера как чудовища слагается не из фактов, а из предвзятых мнений, домыслов, а то и прямой клеветы. В итоге Фёде делает такой вывод: «книга Фариаса — всего лишь монтаж, изготовленный с целью превратить Хайдеггера в преступника. Указывать на фальсификации было бы скучно: добросовестный читатель быстро все поймет; но все, кому дорог шум скандала, неизбежно раздуют до невероятных размеров все то, что не было исследовано и не сведено к своим точным пропорциям»¹¹³.

Нет никаких сомнений, что Хайдеггер был виновен, однако реальный Хайдеггер не имеет ничего общего с тем монструозным образом, который был сконструирован средствами массовой информации на основе грубой подтасовки фактов. Возможно, это и было основной причиной, по которой Хайдеггер не желал публично каяться за свои ошибки.

Во время одного из немногих своих интервью на вопрос утверждение «Вы не любите, когда о Вас говорят?» Хайдеггер ответил: «Чтобы попасть на большую арену, в театр или на карнавал бесполезных сплетен? Не в этом главное»¹¹⁴. Публичность — как в виде славы, так и в виде скандала была для Хайдеггера синонимом неподлинности, территорией, где царствует *Das Man*: «Дистанция, середина, уравнение как образы бытия людей конституируют то, что мы знаем как “публичность”. Она ближайшим образом правит всем толкованием мира и присутствия и оказывается во всем права. И это не на основании какого-то исключительного и первичного бытийного отношения к “вещам”, не потому что она имеет в своем распоряжении отчетливо адекватную прозрачность присутствия, но на основании невхождения “в существо дела”, потому что она нечувствительна ко всем различиям уровня и подлинности. Публичность замутняет все и выдает так скрытое за известное и каждому доступное»¹¹⁵.

В скандалах публичность проявляется как беспочвенные «толки» (слухи, молва, пустая болтовня), создающие видимость понимания чего-либо без предшествующего изучения,

¹¹³ Там же. С. 126.

¹¹⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991. С. 154.

¹¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem. 1997. С. 127.

а также как пустое любопытство, поддерживающее иллюзию поиска нового, а на деле проявляющееся как неспособность на чем-либо сконцентрироваться. Подлинное существование, согласно Хайдеггеру, не довольствуется «толками», а стремится к самостоятельному мышлению. На такое мышление способен, скорее, не тот, кто много говорит, а тот, кто умеет слушать и думать: «Только в настоящей речи возможно собственное молчание. Чтобы суметь молчать, присутствие должно иметь что сказать, т. е. располагать собственной и богатой разомкнутостью самого себя. Тогда умолчание делает очевидным и подсекает “толки”»¹¹⁶.

Массовое общество стремится к упрощению и вульгаризации всего, в том числе и скандала. Если раньше он был мощной преобразовательной силой, механизмом критики и обновления культуры, то для современности он превращается в способ развлечения и удовлетворения нездорового любопытства. В силу своей повсеместной распространенности он все меньше срабатывает и как способ привлечения внимания.

В итоге, хотя скандальность философии (особенно в пост-модернистском ее варианте) и возрастает, сами скандалы вызывают все меньше отклика у публики. Мир массовой культуры «превратил скандал в рутину, отнял у него скандальность, перестал отделять его от действий, которые полагаются регулярными. Такое пересечение границ, которое раньше было бы скандальным, рисуется ... как никого не шокирующая обыденность наших дней (находящая свою форму в стриптизе, в разных видах непристойности и т. п.)»¹¹⁷.

Снижение интереса к скандалам связано с тем, что скандальность и катастрофичность стали привычным фоном общественного развития. «Повсюду выслеживают и констатируют распад, разрушение, угрожающее уничтожение мира. Повсюду распространена особого рода смесь романа с репортажем, замешанная на смаковании упадка и падений. С одной стороны, чисто литературно это гораздо легче, чем сказать нечто существенное и истинно осмысленное; с другой же стороны,

¹¹⁶ Там же. С. 165.

¹¹⁷ Смирнов И.П. Человек человеку — философ. СПб.: Алетейя. 1999. С. 218.

эта литература уже начинает превращаться в скучный жанр. Обнаруживается, что мир состоит не из одних только скреп, а, напротив, распадается в ничто бессмысленности»¹¹⁸.

Скандалы в ситуации массовой культуры (в том числе и «скандал в философии») теряют смысл и функциональность, поскольку их все больше заботят не реальные люди и события, а искусственно сконструированные типы и псевдопроблемы, вызванные неадекватными представлениями о мире или намеренной манипуляцией общественным сознанием.

Может ли современная философия сказать что-то новое в условиях постоянного скандала? Какого уровня должен быть философский скандал, чтобы выделиться из общего фона? Возможно, философия в такой ситуации должна отказаться от ангажированности, уйти от публичности в одиночество, и тогда тишина и молчание станут откровением для общества, привыкшего к нескончаемым зрелищам и сенсациям? «Благодаря тишине происходит то, что отстраненность от всякого шума, даже шума собственного голоса, становится неизбежным условием того, чтобы из удивления могла развиваться мысль»¹¹⁹.

Философия может хранить молчание еще и потому, что вопросы, которые ей задают, не имеют отношения к ней или вовсе бессмысленны. Если философия есть «квинтэссенция культуры», то эта ситуация свидетельствует о том, что европейская культура подошла к своему логическому завершению и ей больше нечего сказать. Но, как напоминает Х. Арендт «остаётся также истиной, что каждый конец в истории неизбежно таит в себе новое начало; это начало есть залог, обещание будущего, единственная “весть” человеку, которую этот конец вообще способен породить»¹²⁰. Всякое начало является свободой, потому что только здесь перед человеком раскрыты *все* возможности. Находиться в начале — это и значит философствовать.

¹¹⁸ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего. 2006. С. 47.

¹¹⁹ Арендт Х. Хайдеггеру — 80 лет // Вопросы философии. № 1. 1998. С. 130.

¹²⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом. 1996. С. 621-622.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы с вами убедились — усилия по сдерживанию пороков всегда явно или неявно были ориентированы на определенную систему ценностей, нормы и стили поведения. Сегодня же происходит не только более свободное толкование последних: в сущности, сформировалась культурная парадигма, требующая постоянного переосмысления ценностей.

Контуры новой парадигмы проявляются в нескончаемых сетевых и диффузных конфликтах, часто лишенных четких временных и пространственных границ. По-видимому, нас ожидает столкновение не только мировоззренческих дискурсов, но и активных субъектов, которые сойдутся в ожесточенной борьбе за власть и информацию. Борьбе, принимающей формы то трагедии, то комедии, но все же приносящей в социальную жизнь творческий и обновляющий импульс.

Подспудные потенции общества, их гнет, проявляющийся в коммуникационном воздействии, приводит к желанию человека, зачастую подсознательному, выйти из-под этого гнета, раз и навсегда разорвать сложившиеся отношения. Именно поэтому современный человек, как правило, всегда, готов к риску, к провокации, к скандалу.

Из латентного конфликта с его неприглядными результатами скандал постепенно стал превращаться в открытый, публичный способ выяснения отношений, представляя собой уже специфическую технологию привлечения внимания человека к тем или иным сторонам общественной или частной жизни. Так эмоциональный взрыв становится технологией скандала, который уже не пугает, но привлекает¹.

Согласно Н. Брукс скандал быстро вычленяет событие из потока повседневности и сразу же трансформирует его в самостоятельный текст. Время скандала — только настоящее. Драматизм скандала становится прямо пропорциональным охвату аудитории и обратно пропорционален продолжительности во времени. Он обладает взрывной, но непродолжительной динамикой. «Растянутый во времени скандал ба-

¹ Ярославцева Е.И. Коммуникативные взрывы. Теоретические аспекты скандала // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ. 2012. С. 59.

нализируется, теряет свою сюрпризность, — главную свою энергетическую силу, — умирает. Он остается в культурной памяти как вещь в себе и никогда не выступает за пределы своей фактически замкнутой формы².

Исследовательская аргументация проста и заключается в том, что человеческая культура представляет собой динамическую систему, развитие которой во многом определено оппозицией «упорядоченного» и «неупорядоченного». Юрий Лотман, к примеру, определил этот механизм как соотношение «культуры и взрыва».

Этот взрыв непредсказуем, он разрушает прежний порядок, установленную иерархию, вносит хаос, который через некоторое время вновь подчиняется культурному регулированию.

Именно поэтому развитие культуры обусловлено ее отношением к окружающей реальности, организованной по иным правилам. Культура, погруженная во внешний мир, втягивает его в себя, перерабатывает, структурирует согласно системе своего языка. Взрыв происходит именно в момент столкновения этих двух чуждых языков. Одной из форм такого взрыва как раз и является скандал³.

В любом случае быстрота смены ситуаций, а вслед за этим изменение моральных норм, ценностных ориентаций, наиболее значимых для тех или иных промежутков времени, не позволяет нам заранее предсказать его эволюцию и, следовательно, его длительность.

Современное российское общественное пространство представляется своеобразным минным полем, где взрывы стали привычными и обыденными событиями. Никто не застрахован от скандала. Мы можем лишь гадать: кто же пострадает следующим?

Как бы то ни было, нас ожидает борьба не только мировоззренческих дискуссий, но и активных субъектов, изредка сходящихся в драке за престиж, власть и ресурсы. Драки, принимающие формы то трагедии, то фарса, но все же привносящие импульс энергии творчества. Скандал в таком

² Брукс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 12.

³ Брукс Н. Скандал как механизм культуры. // Семиотика скандала. М.: Европа. 2008. С. 9.

случае оправдан. Он атрибутивный инструмент в борьбе за некую воображаемую реальность.

С другой стороны, он кажется стихийным бедствием, индикатором социального неустройства. Ну а в целом, скандал — знак жизни, пробуждения духа, поскольку человек все же не может, превратиться в улитку, закрывшуюся в своей раковине. Не получится...

Научное издание

**Дмитриев Анатолий Васильевич,
Сычев Андрей Анатольевич**

**СКАНДАЛ.
Социофилософские очерки**

Монография

*Редактор Г.С. Письменная
Рецензент А.Л. Маршак*

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга
127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.
Тел. (495) 482-18-47
www.socioprognoz.ru
E-mail: info@sheregi.ru

Подписано в печать 27.03.14. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 20,25. Тираж 500 экз.
Заказ

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат
ВИНИТИ»-«Наука».
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел. (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76